

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин

Всадник в штатском.

На многолюдной дороге из Парижа в Жантильи эта группа всадников выглядела необычно и странно. Впереди, расчищая путь, ехали два офицера. За ними одиноко следовал на низкой белой лошадке человек в длинном сюртуке. Глубоко надвинутая шляпа скрывала его лицо. Два адъютанта, вооруженных пистолетами и саблями, замыкали молчаливую процессию.

Громыхали тяжелые фургоны, орудия, осторожно продвигались госпитальные омнибусы, переполненные ранеными, катились лакированные тюльбури, нагруженные патронными ящиками. Лафеты, двуколки, хлебные фуры... По обочинам мчались ординарцы с пакетами и депешами в холщовых сумках. В середине бурлили нестройные говорливые ряды национальных гвардейцев. Сквозь тучи серой пыли темнели тусклые стволы шаспо[1].

Иногда навстречу людскому потоку попадался батальон, возвращавшийся с фронта; тогда поток прерывался, усталых бойцов окружали и жадно расспрашивали...

Спускались светлые майские сумерки. Взводные факельщики зажгли свои веселые желтые огни. Песни сливались одна с другой, утихали, переходили в говор, смех или заглушались вдруг резвой дробью барабанов.

Всадники спешили; они не отвечали на приветствия коммунаров, различавших в темноте золотые галуны офицеров Коммуны.

В Жантильи они свернули к штабу командующего Второй армией Коммуны генерала Врублевского. Старомодный облупленный особняк сверкал огнями сквозь редкие деревья порубленного сада. Взметая песок, верховые осадил коней на площадке перед домом. Офицеры и человек в штатском прошли сквозь расступившуюся толпу к подъезду. Часовой задержал штатского, подозрительно вертя в руках мандат на имя военного делегата Коммуны.

– Я Россель, – нетерпеливо сказал человек в штатском.

При этих словах вестовые, командиры, члены комитетов батальонов, артиллеристы, раненый канонир – все, кто стояли на крыльце, сидели в самых живописных позах на ступеньках, перилах, ожидая распоряжений из штаба, – замолчали, бесцеремонно разглядывая низкорослую угловатую фигурку в модном сером сюртуке. Глаза Росселя блеснули из-под шляпы.

– Что тут за рынок? – резко спросил он.

Никто не отозвался. Часовой молча вернул ему мандат, не торопясь убрал ружье, преграждавшее вход.

– Вот он каков, главнокомандующий, – удивленно протянул раненый канонир, глядя вслед Росселю.

– Он у Трошю был полковником!

– Да... чувствуется.

Коммунары спустились вниз, разлеглись в стороне у коновязи, в густой, высокой траве. Над их головами лошади, похрустывая, жевали траву и тихонько ржали.

Одичалые цветы выползали из клумб, спутав прошлогодние хитроумные узоры. Их крепкий аромат заглушал запах пороха и пота, который принесли с собой коммунары.

Ежеминутно хлопали двери караульной, дежурные выкликали имена, во все стороны отправлялись ординарцы, теплая земля вздрагивала от близких разрывов. Но с канонадой так сжились еще со времени осады Парижа, что тревожила тишина.

Разговор не прерывался:

– Да, везет же нам на командующих! Сперва Люлье...

– Винная бочка!

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– ...потом Ключере...

– Авантюрист и хвастун!

– ... теперь Россель. Нет, граждане, революционной армией не может командовать офицер!

– Видел? Брезгает носить мундир Коммуны!

– Будь они прокляты, пособники Трошю!

– Еще бы, каждый офицерик мечтает стать Наполеоном!

– Ну-ну, а Домбровский ведь тоже офицер?

– Да, маленький поляк – бывший русский офицер.

– Тоже темная личность!

– Вы про Домбровского? Нет, это настоящий парень! Это храбрец!

– А воззвание Коммуны? Там рассказывают, кто такой Домбровский. Это он организовал восстание в Польше в шестьдесят третьем году!

– ...и пуля его не берет, бросается в атаку как дьявол! Наш батальон не из трусливых, но когда батареи с Мон-Валериана стали ухаживать за нами, то через день от нас осталась половина. А тут еще версальцы стреляют из траншей. Мы застряли на бастионах – и ни шагу дальше. Снаряды лупят... завалило нас железом. Что там наши две пушки – жалко глядеть: раскалились, как утюги у хорошей хозяйки. Бах! Трах!.. Вдруг, откуда ни возьмись, в только что пробитой брешу появляется Домбровский! Дым, огонь, летят осколки. Рядом с ним еще двое – его адъютанты, тоже отчаянные ребята. Он взмахивает саблей: «Вперед! Да здравствует Коммуна!» Не могу понять, что с нами случилось: мы словно взбесились, выскакиваем за ним через эту дыру – и на штык «мясников»! [2] Гнали их до самого Инкерманского бульвара. Да... И вот потом стали мы бранить Домбровского: зачем он рискует собой? Он ведь командующий целой армией! А он смеется и говорит со своим дьявольским акцентом: «Надо ж из вас солдат сделать. Вы теперь уверились в своих силах – целый полк отогнали, в следующий раз не будете ждать меня перед атакой. Правильно?» – «Правильно!» – кричим мы. А прощаясь, он сказал нам: «Ранить меня никак не могли, мне в три часа надо доклад делать в Совете Коммуны».

Все расхохотались.

– О! Домбровский – наш, хоть и поляк. Будь он на месте Росселя, старая жаба Тьер болтался бы уже на веревке под Триумфальной аркой!

Война 1870–1871 годов закончилась полным разгромом Франции. Прусские войска, ожидая уплаты контрибуции, заняли окрестности Парижа. Правительство национальной измены не чувствовало позорности этого соседства, наоборот – под тенью прусского орла было удобно покончить с Республикой и восстановить монархию. Адольф Тьер решил разоружить Париж. Но рабочие не допустили солдат к батареям, где стояли купленные на деньги парижан пушки. Над городом взвилось знамя революции.

Оно горело стыдом за поруганную, проданную честь Франции, тревогой за судьбу Республики, гневом против министров-изменников, против буржуазии, против всех несправедливостей голодной, бесправной жизни парижских пролетариев.

Правительство бежало в Версаль. Власть взяли в свои руки рабочие.

С тех пор прошло полтора месяца. Опомнясь от первого испуга, версальское правительство принялось лихорадочно собирать армию, чтобы расправиться с революционным городом. За год войны с Германией министры не проявили столько энергии, как за несколько недель борьбы с Коммуной.

В течение марта и апреля Тьер разыгрывал комедию примирения с Коммуной. Тем временем он собирал армию. Он обратился к Бисмарку, и первый канцлер Германии с трогательной любезностью вернул сорок тысяч военнопленных французских солдат.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Это было хорошим пополнением для версальской армии. Теперь она в шесть раз превосходила плохо обученную, лишенную опытных офицеров Национальную гвардию Коммуны.

С востока Париж охватывала немецкая армия, внешне нейтральная, но готовая при первых победах Коммуны затопить ее в крови.

Петля блокады с каждым днем стягивалась все туже.

Против западных и южных фортов Парижа версальцы установили двести пятьдесят орудий осадной артиллерии, они заняли Орлеанскую железную дорогу, телеграф и отрезали город от юга страны.

Первые вылазки коммунаров закончились неудачей, командование Национальной гвардии перешло к обороне. Инициативу захватили версальцы. Их атаки становились более упорными, артиллерия с рассвета вела обстрел фортов и рабочих окраин Парижа. Версальским генералам не приходилось считать ни людей, ни снарядов.

И все же армия Коммуны не отступала ни на шаг.

– Но не двигаться назад – не значит идти вперед, – повторял Домбровский. Он, вместе с немногими членами Коммуны, предупреждал о губительности обороны. Кюзере, который тогда был главнокомандующим Коммуны, отвечал ему:

– Вместо нас, гражданин Домбровский, наступает время, – и большинство Совета Коммуны поддерживало его.

– Важно провести в жизнь наши декреты, показать рабочим, что может дать Коммуна, – говорили они. – При первом звуке барабана мы снова возьмем за оружие.

Назначенный командующим Западным фронтом, Домбровский самостоятельно начал готовить контрнаступление. Прежде всего надо было собрать ударную группу. Домбровский слал в Главный штаб депешу за депешей, требуя подкреплений. Кюзере прислал ему... тридцать человек, потом семьдесят.

Отчаявшись получить помощь, Домбровский восьмого апреля, имея пять батальонов вместо необходимых двадцати, завязал сражение. Он решил захватить переправу через Сену, чтобы лишить версальцев выгодных позиций.

Глубокой ночью, у пригородного поселка Нейи, через крепостной ров бесшумно опустили мосты. 70-й батальон коммунаров двинулся вперед. Версальцы встретили атакующих сильным огнем. Стреляли с трехсот метров. С форта Мон-Валериан с ревом ударили орудия. Батальон остановился, залег перед крепостным рвом. Вдруг взмыла ракета, и в ее трепетном зеленом свете коммунары увидели Домбровского. Он шел через мост быстрым ровным шагом, помахивая пистолетом. Батальон поднялся, бегом миновал мост и бросился на версальцев в штыки.

Домбровский укрепился в Нейи и следующей же ночью вместе с членом Коммуны Верморелем переправил два монмартрских батальона на левый берег Сены. Обойдя версальцев, он врасплох напал на них в Аньере. Он гнал их оттуда, захватывая пушки, железную дорогу, бронепоезда. Немедленно пустил в ход все орудия и открыл навесный огонь по нарядным домикам Корбвуа, откуда во всю прыть улепетывала конница генерала Галифэ. В это же время второй отряд Домбровского после нескольких часов боя взял огромный замок Бэкон, возвышавшийся над железной дорогой.

Итак, Домбровский был уже на левом берегу Сены и, развивая наступление, хотел двигаться к форту Мон-Валериан – главному прикрытию Версаля с севера. Но Кюзере категорически отказал Домбровскому в поддержке, дав понять, что не доверяет этому «польскому выскочке». Драгоценное время было упущено, версальцы оправились и бросили навстречу Домбровскому свежие дивизии. Началось невиданное двухнедельное сражение, батальоны защищались от корпусов, двести пятьдесят коммунаров в замке Бэкон выдерживали непрерывные атаки трех полков. Ряды коммунаров редели. Убитых заменяло лишь мужество товарищей.

Еще более тяжелое положение складывалось на южном участке фронта, у генералов Коммуны – Врублевского и Ля-Сесилия.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Главный удар версальцы сосредоточили на форте Исси. Падение этого форта открыло бы им путь к Парижу.

Последние полторы недели гарнизон форта воевал в немыслимых условиях. Четвертого мая комендант форта Рист записал:

«В нас стреляют разрывными пулями. Казематы полны трупов. Больничный омнибус приходит каждый вечер, мы его набиваем ранеными, сколько влезет. По дороге версальцы, несмотря на красный крест, осыпают омнибус пулями...

Съестных припасов почти не осталось. Наши лучшие пушки скоро замолчат, потому что нет снарядов. Два начальника батальонов отправились к Росселю. Он заявил им, что вправе расстрелять их за то, что они покинули свой пост. Они рассказали, в каком положении мы находимся. Россель ответил, что форты защищают штыками, и цитировал военных классиков. Однако обещал подкрепления».

Подкрепление прислано не было. Приказ Росселя, назначенного несколько дней назад военным делегатом вместо Ключере, блуждал по канцеляриям штаба. Многовластие раздирало молодой военный аппарат Коммуны. Отсутствие в самой Коммуне единой воли, единой партии порождало губительную путаницу и в армии. Центральный комитет Национальной гвардии пытался управлять армией помимо Совета Коммуны. Артиллеристы имели свой комитет. Комитет общественного спасения назначил Домбровского командующим, военный делегат отменил это решение. Версальские агенты раздували неурядицу. Седой Биллоре, член Коммуны, с горечью сказал Домбровскому: «Наше военное управление – организованная дезорганизация».

Шестого мая комендант Рист роздал защитникам Неси последний ящик сухарей. Осколком убило последнюю лошадь, ее тут же освежевали и стали жарить кусочки конины на кострах, потому что кухня была разбита. Люди ослабели, некому было подбирать убитых. Солнце палило как в июне, и трупный смрад душил живых. Снаряды версальцев безостановочно кромсали, жгли, рушили измученный клочок земли, называемый Неси.

Но по-прежнему на требования сдаваться форт отвечал насмешками. Снова и снова после канонады версальские солдаты видели сквозь рассеивающийся дым над горами разбитого камня бледные насмешливые лица коммунаров.

Темных овернских крестьян охватывал суеверный ужас. «Это дьяволы, а не люди», – говорили они своим офицерам, отказываясь идти в атаку. Версальское командование вынуждено было каждую ночь менять части под Исси.

Двести орудий со всех окрестных высот вели огонь по форту. Всякое сообщение с фортом было прервано.

Над Коммуной нависла грозная опасность.

Военный Совет

Первое за время Коммуны военное совещание происходило в голубой комнате, увешанной пропыленными гобеленами. Было душно. Командиры шумно толпились у столика с лимонадом, но под мрачно-нетерпеливым взглядом Росселя разговоры быстро смолкали. В желтом свете оплывающих свечей даже вышитые румяные пастушки казались строгими и встревоженными. Никто из адъютантов не имел права входить в голубую комнату. Совещание было строго секретным. Генерал армии Врублевский неумело снимал щипцами свечной нагар. За длинным столом рассаживались генералы Ля-Сесилия, Эд, Бержере, начальник Главного штаба, начальники штабов армии и некоторые из командиров легионов. Совещание открыл Россель. Он сказал, что собрал командиров армии по просьбе генерала Домбровского, которому и предоставляется первое слово.

Из-за стола вышел сухощавый невысокий человек в мундире генерала Коммуны. Все на нем, начиная от тщательно начищенных сапог до ловко, без малейшей складки сидящего мундира, указывало на то, что военная форма была его единственно привычной одеждой. Это сразу выделяло его среди присутствующих. В то же время в нем не замечалось фатовства, часто свойственного молодым офицерам. Подтянутость его легкой фигуры происходила от той особенной любви к своему мундиру, которая вырабатывается у солдата после долгих лет военной службы. Лицо у него было загорелое, обветренное, и от этого золотистые, зачесанные назад волосы, клинышек

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru бородки, тонкие, лихо закрученные усики казались совсем светлыми. Он выглядел куда моложе своих тридцати пяти лет. Только глаза, спокойные, ледяной голубизны глаза, заставляли верить сложенным об этом человеке легендам, – столько в них настоялось душевной силы.

Заложив руки за спину, Домбровский начинает говорить. У него резкий славянский акцент. Обычные, стертые, обесцвеченные временем слова звучат в его устах неожиданно чисто и свежо. Домбровский коротко рассказывает о положении на фронте.

Командиры чутко слушают, снова и снова всматриваясь в лежащую перед ними карту. Кажется, что эта раскрашенная бумага ожила, вздыбилась от слов Домбровского: цветные многоугольники фортов ощетинились жерлами пушек, загремели бронепоезда, пробегая виадук, пять отчаянных канонерок Коммуны пошли вверх по Сене, наводя панику среди версальцев убийственно метким огнем...

За два дня до совещания Домбровский приехал в форт Исси. Дорога простреливалась густым кинжальным огнем. Домбровский скакал, пригнувшись к шее лошади. Его сопровождал один адъютант. На полдороге под адъютантом убило лошадь, она взвилась на дыбы и рухнула, подмяв всадника.

С форта было видно, как Домбровский круто осадил своего коня и завернул назад к упавшему. При свете яркого солнца чалый конь Домбровского на фоне темной изрытой воронками дороги, обугленных скелетов домов был отличной мишенью. Домбровский соскочил с коня, помог подняться адъютанту и взвалил его к себе на седло.

На дороге мгновенно выросли черные кусты разрывов, скрыв Домбровского от глаз Риста и коммунаров.

– Подобьют... – уныло сказал кто-то рядом с Ристом.

– Кого? Домбровского? Никогда! – уверенно улыбнулся запекшимися губами комендант Рист.

Не прошло и минуты, как по дороге к форту сквозь страшную поросль взрывов, тяжело припадая, вынеслась чалая лошадь с двумя всадниками.

Тлеи развалины. Разбитые амбразуры ощерились искореженным железом. Каждую минуту на форт падало до десяти снарядов. Редуты версальцев почти касались переднего рва. Уцелело две пушки, но снаряды кончались. Домбровский шел вдоль гласиса. Навстречу ему поднимались бурые от пороха и копоти, в разодранных мундирах гвардейцы. Глаза их ввалились, ноги дрожали от усталости. На грязных перевязках засохла кровь. Почти каждый был ранен.

У Домбровского кружилась голова от запаха гари, крови, трупов.

Под лафетом пушки сидел обнаженный до пояса гвардеец. Увидев командующего, он встал, опираясь на шаспо, такой же маленький, как сам Домбровский.

– Снаряды? Привезли снаряды? – хрипло спросил он.

Домбровский покачал головой. Эти люди просили не смены, не еды, они требовали снарядов! Он положил руку на горячее, потное плечо артиллериста:

– Снарядов нет, гражданин, но стрелять надо.

Он показал, как заряжать пушку осколками гранат и камнями. Артиллеристы составили заряд. Домбровский навел пушку, щурясь, проверил прицел, выпрямился, отряхнул испачканные руки.

– Поехала!

Пушка с необычным фыркающим звуком метнула длинный язык огня, и воздух загудел от каменной картечи, летящей к версальским траншеям.

Гвардейцы выругались, затейливо, удивленно. Домбровский поднялся на гласис и долго осматривал позиции версальцев. Он понимал, что под таким огнем форт сможет продержаться двое, самое большое трое суток.

Прямо из форта Домбровский поехал к члену Военной комиссии Коммуны Варлену. Обычно в эти часы после полудня Варлен принимал избирателей в мэрии XII округа. Неизвестно, когда Варлен успевал выполнять все свои обязанности. Кроме военных дел, он занимался контролем денежных расходов Коммуны, обеспечивал Париж продовольствием, выступал в клубах. Не было человека, которого он отказался бы выслушать, а главное, он действовал. Недаром Варлена любили парижские рабочие.

Французская секция Интернационала, одним из вожаков которой был Варлен, дала Коммуне много талантливых руководителей. Чеканщик Альберт Тейс руководил почтой города. В течение нескольких дней он привел в порядок громадный аппарат, доведенный до полного развала правительством Тьера. Бронзовщик Камелина заведовал Монетным двором, вместе с рабочими он разработал новый способ чеканки монет. Инженер Вальян возглавил народное образование. Парижане выбрали рабочего-ювелира Франкеля и рабочего-обувщика Серраиэ в члены Коммуны, им поручили работу в Комиссии труда и обмена.

В душе Домбровского Варлен и его друзья занимали особое место. Если такие люди, как старый революционер Делеклюз, воплощали для Домбровского рыцарское благородство Коммуны, если он любил прокурора Коммуны – пылкого Рауля Риго, как любят совесть и гнев народа, если его товарищи Верморель, Клеман, Арну были честными крепкими руками Коммуны, то люди с улицы Кордерри[3] олицетворяли для него ум и сердце Коммуны. Они привлекали его своей близостью к народу. Они были плоть от плоти парижских пролетариев, нового двигателя революции.

Всю обстановку просторного, залитого солнцем кабинета Варлена составляли стол и несколько стульев. В распахнутые окна заглядывали шумные ветви каштанов. Напротив Варлена сидела женщина. Солнце било ей прямо в лицо, и следы недавних слез блестели на впалых щеках. Появление Домбровского смутило ее. Умолкнув, она подвинулась на самый кончик стула, вертя в руках какой-то узелок. Домбровский отошел к окну. Варлен ободряюще кивнул женщине.

– Значит, гражданин, я действительно могу переехать, – нерешительно сказала она, – и взять свою мебель, и не заплатить квартирной платы?

Варлен улыбнулся:

– Безусловно. Разве вы не читали декрета Коммуны?

– Читала, но боюсь, я плохо поняла.

– Чего же тут сомневаться? Вы можете платить квартирную плату?

– Откуда? Восемь месяцев я без работы. Мой муж в Национальной гвардии. На его жалованье мне и детей не прокормить.

– Ну, вот видите! Перебирайтесь на новую квартиру, когда вам вздумается.

– И у меня хозяин ничего не отберет?

– Ничего.

– Я могу взять мою одежду и швейную машинку?

– Вы можете взять все.

– Но в прошлом году хозяин утек в тюрьму мою соседку. Муж ее лежал три месяца в больнице, а у нее не оказалось денег, чтобы уплатить за квартиру.

Варлен нахмурился:

– В прошлом году не было коммуны. Хозяин делал, что хотел. Закон был на его стороне. Отныне закон на вашей стороне. Если хозяин попытается вам мешать, приходите сюда. Мы заставим его подчиниться.

Женщина изумленно, чуть испуганно отодвинулась.

Варлен засмеялся:

– Вы что, не верите мне?

– Я так привыкла, что хозяйин... – краснея, начала она, потом тряхнула головой и мягко сказала: – Не сердитесь на меня. Я вам верю. Не потому, что вы сидите здесь. Я стирала белье в прачечной вместе с вашей женой. Когда я узнала, что она не может нанять себе прачку, я подумала: значит, все правильно, значит, Коммуна для таких, как мы с вами.

Ход ее рассуждений несколько озадачил Варлена, но вывод понравился. Веселые морщинки разбежались вокруг его глаз.

Женщина развернула узелок и положила на стол перед Варленом два тоненьких обручальных кольца, рубиновую брошку и старинные карманные часы.

– Возьмите это, пожалуйста, для Коммуны, – быстро сказала она. – Я приготовила их отдать хозяину. Вот... Но раз так... возьмите!

Теперь пришла очередь смутиться Варлену. Видно было, что жалкие эти драгоценности составляли все богатство семьи. Он попытался вернуть их, но женщина решительно воспротивилась.

– Гражданин! Какое ты имеешь право отказываться? Если мой Филипп отдает свою жизнь за Коммуну, то мне наплевать на все остальное. – И она с великолепным презрением кивнула в сторону вещей. – Все равно без Коммуны нам не жить, а разбогатеет – так вместе.

Она встала, выпрямилась, с чисто женским изяществом поправила прическу. Домбровский поразился внезапной перемене в этой изнуренной бедностью, бесконечно усталой женщине. У нее оказалась гибкая и молодая фигура; лицо, шея, руки были покрыты ровным золотистым загаром.

– Платочек-то я возьму, вам он ни к чему! – сказала она и впервые улыбнулась, зацветая чистым румянцем.

– Ты уверен, что ей стоит переезжать? – спросил Домбровский, когда они с Варленом остались одни.

Возникла острая пауза. Варлен медленно приглаживал свои длинные волосы.

– Понимаю... И все же стоит. Мы не должны думать о поражении, – он взял тон излишне твердый и этим выдал себя. – Пусть эта женщина и все другие знают, что дает революция.

– А потом?.. Ее выкинут на улицу?

– Коммуна должна успеть сделать все, что она обещала, – упрямо сказал Варлен. Он приблизился к Домбровскому, хмуро и отстраненно оглядывая его.

– Ты превращаешься в профессионального военного. А ведь есть еще профессия – революционера. Надо скорее показать всей Франции, что дает рабочим Коммуна. И тогда...

– И тогда?.. – Домбровский несогласно покачал головой. – Нет, мое дело сражаться. Положение на фронте печальное. У нас как раз не хватает профессиональных военных.

– Вроде Росселя?

– Да, если хочешь, вроде Росселя.

– Кстати, думает он о наступлении?

Домбровский замаялся, покрутил усики.

– Он занимается реорганизацией.

– Слишком долго он ею занимается.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Варлен, ты не военный... И вообще... Он командующий. Я не привык обсуждать...

Варлен усмехнулся:

– А вот есть человек, он тоже не военный, зато он революционер. И это помогает ему видеть то, чего не видишь ни ты, ни Россель.

Домбровский спросил:

– Ты что, получил письмо от Маркса?

У Варлена была прекрасная память, и он почти дословно передал Домбровскому содержание последних писем Маркса к нему и к Франкелю.

Маркс настойчиво доказывал необходимость решительного наступления на Версаль. Он предупреждал о том, что Тьер просит Бисмарка отсрочить уплату первого взноса по мирному договору до занятия Парижа. Бисмарк принял это условие, и так как Пруссия нуждается в деньгах, она предоставит версальцам всяческую помощь, чтобы ускорить взятие Парижа. «Поэтому будьте настороже», – писал Маркс. Он советовал укрепить северную сторону высот Монмартра – прусскую сторону: «Иначе коммунары окажутся в ловушке».

Для Домбровского Маркс был вождем Интернационала, философом, защитником польской революции; для Варлена Маркс был прежде всего живым человеком. Говоря с Домбровским, Варлен вспоминал скромный коттедж в Майтланд-парк-Роде на окраине Лондона. Кабинет Маркса. Широкое окно, выходящее в парк. Вдали холмы Хемстед-Хиса. Желтые кусты цветущего дрока, крохотные, темно-зеленые рожицы сбегают по отлогим склонам. Там он гулял с Марксом. Сам Маркс возникал в памяти Варлена обязательно в движении. Большеголовый, широкоплечий, с энергичным лицом; разговаривая, обдумывая что-нибудь, он стремительно шагал по своему кабинету из угла в угол. На старом, в чернильных пятнах, ковре тянулась вытоптанная тропинка. Груды сваленных в мнимом беспорядке газет, журналов, вырезок, книг... Теперь, наверное, поверх всего – карта Парижа. Маркс и Энгельс были в курсе всех дел Коммуны, как будто военные действия происходили под Лондоном. Варлен все время чувствовал помощь Маркса. Во все страны летели призывы Маркса в защиту Коммуны. Сотни писем слал он в Антверпен, в Нью-Йорк, в Лейпциг, Амстердам – туда, где действовали секции Интернационала. Несмотря на то, что вся буржуазная печать ополчилась на Коммуну, Маркс пытался рассказать миру об истинном характере великой революции Парижа.

Домбровский задумчиво сорвал лист каштана, надкусил черенок.

– Наступление! Пора переходить в наступление, – проговорил Варлен. – Ты согласен?

Домбровский улыбнулся улыбкой молчаливого человека, для которого мысли лучше слов, а действие лучше длинных рассуждений.

Он приехал к Варлену, чтобы рассказать о положении в Неси. Там стреляют камнями, хотя арсеналы города полны снарядов. На дворе Военной школы валяются стволы дальнобойных орудий, лафеты к ним стоят в другом месте, и три недели тянутся переговоры между ведомствами о том, как собрать пушки и установить их на южном валу, откуда они смогут помочь форту.

Но теперь... письмо Маркса, слова Варлена, – Домбровский чувствовал себя так, как в первые дни Коммуны, когда он настаивал на наступлении, когда главное не успело еще заслониться бесчисленными заботами боевых буден. Снаряды для Неси, саперы, пушки... в конце концов это все только оборона. Хорошо, он снова потребует наступления, Варлен его поддержит, а остальные? А Совет Коммуны?

Стоило ему вспомнить путаницу политических страстей и взглядов, которая раздирала правительство Коммуны, и снова его охватили сомнения.

Имеет ли он право взять на себя инициативу, отбросить в сторону все дела и разработать план наступления? Кто уполномочивает его на это?

Солдат боролся в нем с революционером. И в этой борьбе все преимущества были на

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
стороне солдата. Домбровский чувствовал себя всего одним из трех командующих фронтами, а мнение Варлена, он знал, поддержит лишь меньшинство в Совете Коммуны.

За дверьми послышался шум, кто-то басом воскликнул: «Вот и ладно, он мне как раз и нужен!» – и в комнату, стуча палкой и деревянной ногой, вошел пожилой рабочий. Синяя потрепанная блуза болталась на его костлявых плечах, как будто ветер раздувал ее. Красное лицо его блестело от пота.

– Ну как, Урбэн, разобрался? – спросил Варлен. Заметив взгляд Урбэна, он добавил: – Это гражданин Домбровский.

Домбровский крепко пожал коричневые загрубелые пальцы, осторожно охватившие его узкую руку.

– Ого! – одобрительно улыбнулся Урбэн. От Урбэна исходил резкий и свежий запах дубленых кож. Он работал прессовщиком на кожевенно-обувной фабрике Пешара. Несколько дней назад этот самый Пешар явился в интендантство и предложил понизить расценки за изготовление сапог для Национальной гвардии.

– Кто-то из военных начальников утвердил новый контракт, – Урбэн посмотрел на Домбровского. – Послали в Совет Коммуны, там тоже подписали.

Домбровский нахмурился. Очевидно, Урбэн знал, что этим начальником был Домбровский, но из деликатности избегал говорить об этом прямо. Да, действительно, памятуя, как бедствовала Коммуна с деньгами, Домбровский обрадовался возможности сэкономить десятки тысяч франков и, не задумываясь, разрешил подписать новый контракт.

– Ну и что тут особенного, – холодно сказал Домбровский. – Допустим, я был этим военачальником. Мы выигрываем сотню франков на каждой паре сапог.

– А ты не подумал, с чего вдруг этот буржуй Пешар стал таким добреньким? – язвительно спросил Варлен.

Лицо Урбэна скривилось от ярости.

– Он добренький, как же... за наш счет.

– Домбровский считает, что он оказал услугу Коммуне, – усмехнулся Варлен.

– Да черт возьми, в чем дело? – повысил голос Домбровский. – Мне надо обути солдат. Я же не могу быть в курсе ваших... всяких соображений.

Урбэн выставил вперед здоровую ногу и постучал об пол грубым башмаком, показывая на него пальцем.

– Коли наш Пешар берет за них вместо трехсот франков двести, ты полагаешь, гражданин Домбровский, он себе в карман положит меньше на сто франков? Дудки! Как бы не так. Мы, мы, рабочие, получим меньше.

– Зачем ему это нужно? – недоверчиво спросил Домбровский.

Урбэн с укоризной вздохнул и, вытащив огромный цветастый платок, стал утирать потное лицо. Неудобно было ему, простому рабочему, поучать генерала, да еще такого, как Домбровский.

Варлен объяснил – крупные подрядчики, хозяева больших мастерских, фабрик хотят восстановить рабочих против Коммуны. Видите ли, дескать, при Коммуне жить стало хуже, чем при старом правительстве. Коммуна снижает расценки, покупает сапоги по более низкой цене.

– Так точно он нам и преподнес, – подтвердил Урбэн. – Понимаете, какая каналья!

Домбровский исподлобья, неприязненно блеснул на него глазами. Да, этот кожевник разбирался в политике лучше, чем он.

– Я сейчас от франкеля, – сказал Урбэн и почему-то добродушно рассмеялся. –

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Представляете – министерство земледелия. Привратники. Ковры. Кабинет министра. Письменный стол длиной с квартал. За ним в зеленом бархатном кресле наш Франкель. Зеленый цвет ему здорово идет. Так вот Франкель тоже обещал заняться этим делом. Он сказал мне: «Мы не должны забывать, что революцию совершил пролетариат. Если мы ничего не сделаем в интересах этого класса, то какой же смысл в Коммуне? Для чего ей тогда существовать?» Правильно, Варлен?

Далекие идеалы революции вдруг приблизились, очутились рядом, стали вот этим сегодняшним делом о сапогах, вот этим Урбэном, которому надо было заработать на хлеб и который требовал этого заработка у своей Коммуны. Домбровский не любил признаваться в своих ошибках, его сердило, что он оказался таким наивным, и в то же время он радовался тому, что все, о чем он мечтал, существует, и плоды революции уже созрели, и рабочий Урбэн уже требует этих плодов. Впервые в жизни Ярослав почувствовал, что не только борется за будущее, но уже защищает настоящее.

Он стоял между Варленом и Урбэном, отковыривая концом ножен грязь, присохшую к носкам начищенных сапог.

– Надо что-то придумать, – огорченно сказал Варлен. – Придется расторгать контракт.

Он вернулся к своему столу, взвесил на руке часы, оставленные женщиной, задумчиво приложил их к уху.

– А денег действительно нет, Урбэн... Гвардейцам платить нечего.

Тяжело стуча деревяшкой, Урбэн заковылял по комнате.

– Как так нет денег?! Миллионы лежат во французском банке... Миллионы! Вы церемонитесь. А они расстреливают! Чего вы боитесь взять деньги? Нам теперь бояться поздно. – Урбэн размахивал огромным коричневым кулаком. – Я сына послал на фронт, мне больше нечего дать... А вы там фигуриете друг перед дружкой: ах, какие мы честные, не берем чужое золото, вот, мол, о нас подумают... да плевать, что они подумают. Они думают, олухи сидят в Коммуне.

– Не так-то все просто, – сказал Варлен. – Сперва надо добиться единогласия в Совете Коммуны.

Урбэн горестно махнул рукой.

– Нашли время спорить. Послушали бы, что у нас в клубе народ говорит. Наступайте! Чего вы оглядываетесь? Шагайте вперед. – Подойдя к Домбровскому, он тронул кобуру его пистолета. – Оружие есть, пусть оно стреляет! Поверь мне, Варлен, я дрался в сорок восьмом году. Смелее вперед, не защищаться, а бить самим. Бить в морду!

Урбэн устало добрался до стула и повалился на него, выставив изувеченную ногу. Варлен вполголоса расспрашивал его, как относятся в клубе к созданию Комитета общественного спасения; не правда ли, этот комитет смахивает на диктатуру? Хриплым шепотом, смиряя свой буйный голос, Урбэн отвечал Варлену, и оба они время от времени поглядывали на Домбровского.

Поставив ногу на подоконник, он что-то чертил в раскрытом планшете. Карандаш в его руке то задумчиво останавливался, то начинал размашисто ходить по бумаге.

Кусая губу, Домбровский смотрел на улицу. Собирался дождь. Быстро темнело. Промчался ветер и погнал по мостовой бумажки. Кувыркаясь, они мчались наперегонки с прохожими, спешившими в подъезды. На какое-то мгновение все стихло, и вот грянул дождь. Он разом звонко ударил тысячами капель по крышам, в зеленые ладони каштана, по пустым тротуарам, в полотняные тенты витрин. Короткий майский дождь, лихой и дружный, как атака. Он кончился так же разом, оставив победную дробь капель в гулких желобах.

– Вот так бы по левому флангу! – медленно вслух произнес Домбровский.

Ночью, работая у себя в штабе над картой, Домбровский вдруг вспомнил другую карту, совсем не похожую на карту Парижа. Восемь лет и многие сотни верст

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru отделяли его от той карты. Он вычертил ее гвоздем на ослизлой стене своей камеры в Варшавской цитадели. На воле Центральный национальный комитет ждал от него плана восстания. Бесшумно открывалось окошечко, появлялся выпученный, в красных прожилках глаз надзирателя. Ярослав прятал гвоздь в рукав и начинал кружить по камере: семь шагов – поворот – пять шагов. Напрягая память, он кусок за куском восстанавливал топографию Варшавы.

В Петербурге, в Академии Генерального штаба его не обучали искусству восстания. Но у него были другие учителя: Чернышевский, Герцен, Огарев...

Тогда Центральный комитет назначил его комендантом Варшавы, и он должен был взять ее; теперь Коммуна назначила его комендантом Парижа, и он должен отстоять его. Любой из офицеров, воспитанных на академических традициях, тот же Россель, не увидел бы общего между этими планами, но для Домбровского без Варшавы не было Парижа.

Защищать Исси – требовала классическая военная наука. Наступать – требовали Маркс, Варлен, требовал революционный опыт Домбровского. Наступать – требовал Урбэн, и в смятых, неуклюжих фразах кожевника гремел многотысячным голос народа. После встречи с Урбэном Домбровский отпросил все сомнения. Отныне он выполнял волю коммунаров Парижа.

Лишь наступление могло спасти Коммуну. Но чтобы осуществить эту единственную возможность, следовало отыскать такую же единственную тактику боя. Слишком неравны были силы противников...

Версальцы сильны своей численностью? Хорошо, он противопоставит их численному преимуществу героизм солдат Коммуны. В его распоряжении особая, небывалая армия. Таких воинов не имел ни один полководец мира. Бой будет строиться так, чтобы сталкивать версальца один на один с коммунарком. Насильно согнанные Версалем овернские, бретонские крестьяне при первом удобном случае бегут или сдаются в плен. Поле боевого действия, ограниченное до минимума, может ослабить преимущество версальцев. Бить противника тем, чего у него нет: моральным превосходством людей, знающих, за что они воюют...

В голубой комнате, где заседал Военный Совет, было тихо. Давно перестали шушукаться начальники штабов. Никто больше не листал блокнотов, не задавал вопросов. Бержере, облокотись на стол, закрыл лицо рукой, хрустнул карандаш в нервных пальцах Ля-Сесилия.

Все они отлично знали положение на фронтах, но Домбровский первый осмелился нарисовать законченную, исполненную горькой правды картину, порожденную ошибками и слабостями каждого из них.

Ладонь Домбровского легла на карту, закрыв цветной многоугольник форта Исси. Дымящиеся развалины форта жгли его кожу.

Отсюда начнется контрнаступление...

Он говорит чуть медленнее обычного, стараясь избегать специальных терминов: кроме него и Росселя, здесь нет профессионалов военных, – Эд до Коммуны был журналистом, Бержере – типографским рабочим, Ля-Сесилия – учитель математики, Монтель – механик.

– Сегодня за ночь мобилизовать все маневренные силы Национальной гвардии, собрать все резервы, призвать под ружье рабочие кварталы. К завтрашнему вечеру вывести части на исходные позиции, а в полночь энергичными вылазками очистить подступы к городу с юга. – Он провел ладонью по карте, как бы отгоняя нарисованные жирно синими кругами версальские полки в сторону Медонского леса. Там, в лесу, они потеряют строй, управление, превратятся в толпу. Под утро на Западном фронте коммунары должны будут приковать внимание противника ложными атаками.

– Я сделаю это на своем участке без подкреплений, – предупредил Домбровский. – А часом позже с участка Ля-Сесилия главными силами, собранными в кулак, надо разбить окончательно правый фланг противника и двинуться не по главной дороге, а обойти сильные батареи Медона с юга... – Круто повернув руку, он повел ее вниз по карте вдоль красного пунктира. – И стремительным ударом с тыла захватить

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Версаль!

Вывод ошеломил командиров. Кто-то привстал, кто-то изумленно переспросил соседа: «Версаль?» Переглядывались, растерянно и недоверчиво улыбаясь. Даже здесь, где отвага считалась не доблестью, а долгом, замысел Домбровского пугал своей дерзостью.

Переход от отчаянья к уверенности оказался слишком резок. Всего несколько минут назад они готовы были умереть на баррикадах Парижа. Если бы Домбровский предложил обсудить план баррикадных боев внутри города, никто бы не удивился. Смерть не страшила их, но Домбровский говорил не о смерти и не о мужественной защите, он звал к победе. Взять Версаль! Что это – риск, авантюра или просто безумие?

Домбровский вдруг почувствовал, что остался один. Неужто они не поняли? Как объяснить им? Наверное, он что-то упустил. Нет, не может быть, ведь этот план – лучшее, что он создал за свою жизнь. Он обязан убедить их. Сейчас решается судьба Коммуны.

Сознавая решающую ответственность этих минут, он вложил всю силу своей тревоги, призыв, и угрозу, и уверенность в заключительную фразу:

– Продолжать оборонительную тактику – значит потерять последнюю надежду!

Нестройный, растущий шум заметался в огромной комнате. В словах многих офицеров чувствовалась склонность к той осторожной выжидательной тактике, которой придерживался Совет Коммуны. Там искренне верили, что новый строй может победить без вооруженной борьбы. Только своим политическим примером. Революция должна вспыхнуть в Марселе, в Лионе – знамя Коммуны поднимется над всей Францией. Сейчас же важно продержаться. Прислушиваясь к опасливым репликам, Домбровский убеждался, что большинство относится к его плану с предубеждением, тем более раздражающим, что оно не проявлялось ни в чем определенном. Он жаждал возражений, он готовился защищаться, но никто не вникал в ход операции. Снаряд, летящий мимо цели, единственный, последний снаряд..

При виде его окаменелого лица Валерий Врублевский засопел, заворочался. Кресло скрипело под его грузным телом. Он ждал.. Не ему следовало выступать первым. Наконец, не выдержав, он поднялся и, поглаживая большую черную бороду, начал издали, не раскрываясь, по-мужицки хитря.

– План уж больно неожиданный. Трудно, конечно, после стольких шишек начинать заново. Да еще на Версаль замахнуться. Впору бы отбиться, а тут наоборот. И вроде не придерешься. Все рассчитано. Может, только лучше наступать севернее?

Молчание.

– А если мы откажемся? Осторожность хороша, когда действуешь. Неужели здесь найдется полководец, считающий, что лучшая тактика – это держаться вне выстрела?

Домбровский вскочил, но сразу же опустил, стиснув подлокотники кресла.

Речь Врублевского развязала языки.

– Здесь все расписано слишком гладко, – хмуро сказал Бержере, кивая на карту, – а в сущности это повторение идеи Флуранса и..

– Вылазка Флуранса прошла бы успешно, если бы не предательство форта Мон-Валериан, – смиряя голос, возразил Домбровский.

Бержере только рукой махнул.

– Положение с тех пор изменилось. Версальцы стали гораздо сильнее. Ты спросишь, что делать? Бержере перегнулся через стол и протянул руку, загибая пальцы. – Восстановить укрепления – раз. Навести порядок в нашем военном аппарате – два. Проверить офицерский состав – три. Создать резерв в десять-пятнадцать батальонов – четыре.

Домбровский разочарованно смотрел на руку наборщика с набухшими жилами, с

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
черными от въевшейся краски и свинцовой пыли ногтями.

– На это нужно две недели. После этого мы сможем наступать, – заключил Бержере.

Искоса Домбровский следил, как Россель, надев пенсне, склонив расчесанную на два гладких крылышка голову, аккуратно измерял что-то на карте циркулем, время от времени рассеянно вскидывая глаза на очередного оратора. А они, преодолевая смущение от его пренебрежительного молчания, выступали один за другим, торопясь освободиться от накопившегося груза сомнений и нерешительности.

Пожалуй, среди всех присутствующих только Россель мог разобраться и оценить неумолимый замысел операции. В ней было то озарение, вдохновенное и редкое, какое выпадает человеку, может быть, раз в жизни.

Среди скрещения красных и синих стрел таилась единственная возможность победы. Что мог Домбровский требовать от вчерашних наборщиков и механиков? В конце концов Россель прав, пренебрегая мнением сидящих здесь честных революционеров, но безграмотных полководцев. А они поучают его, Домбровского! Самолюбие его было уязвлено.

Генерал Эд, командуя второй резервной бригадой, осторожно покашливая в сложенную трубочкой ладонь, усомнился: правильно ли будет считать военную политику Коммуны наступательной?

– Народ возложил на нас задачу защищать Париж. Малейшая неудача при наступлении обнаружит нашу слабость. Следует оборонять подступы к городу, не подвергая Коммуну риску. Враг сам обессилит себя в бесплодных атаках. Ты, гражданин Домбровский, не знаешь парижан, – он добродушно улыбнулся, – они плохо воюют по ту сторону городской стены, это не в духе Национальной гвардии. Ты подходишь теоретически, как профессионал военный, а вот жизнь...

– Да, я военный, – яростно перебил его Домбровский. – Армией должны руководить военные!

Он словно ощутил рядом обнаженное потное плечо артиллериста из форта Исси, вспомнил женщину в кабинете Варлена. Какого черта, он тоже имеет право говорить от имени народа. Злая решимость добиться своего во что бы то ни стало, не уступать крепла в нем по мере того, как ход совещания принимал все более безнадежный оборот.

Сняв пенсне, Россель откинулся в кресле и, близоруко щурясь, оглядел сверху донизу мешковатую, неуклюжую фигуру Эда; потом, вытащив белоснежный платок, не торопясь стал протирать стекла пенсне. Поджав губы, дослушал последние слова Эда и тотчас начал сухим, скрипучим голосом:

– Мне, военному делегату Коммуны, принадлежит решающее слово. Я в основном одобряю предложенный генералом Домбровским план, – властно и высокомерно чеканил фразы Россель. – Выдвинутые возражения считаю необоснованными. К ним могут прибегать люди, ничего не понимающие в тактике...

Домбровский на цыпочках вернулся на свое место.

Напряженные ожиданием мускулы дрогнули, ослабели. «Молодец, так им и надо!» – облегченно вздохнул он.

– ...люди нерешительные, привыкшие рассуждать, а не действовать, – Россель стукнул ребром ладони по столу, повысил голос, – такие люди засели и в артиллерийском комитете и мешают мне организовать артиллерию. Начальники батальонов научились у вас митинговать, прежде чем по приказу идти в бой, и, наконец, вы здесь рассуждаете, не имея на то ни теоретических знаний, ни опыта.

Домбровский посмотрел на Валерия Врублевского. Тот сидел, упрямо, по-бычьему наклонив голову, так, что из-под лохматых нависших бровей не видно было глаз. Правая щека его нервно подергивалась.

«Что с ним?» – удивился Домбровский.

И тотчас почувствовал вызывающую оскорбительность тона Росселя. «Ах, вот оно

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
что! Но это же не главное, – примиряюще подумал Домбровский. – Главное в том, что план будет принят».

– Командир Эд изволил заметить, что не в духе парижан воевать вне линии укрепленного района, – лицо Росселя приняло ядовитое выражение, – но не будете ли вы любезны разъяснить мне, что у меня под командованием – армия или духи? Армия должна воевать хоть в Африке, а всюду одинаково хорошо, иначе это сброд, а не армия! – Он надел пенсне, спрятал платок и закончил царапающе, как росчерк пера: – Предлагаю приступить к разработке плана генерала Домбровского.

Изменения, внесенные Росселем, во многом смазывали неожиданность замысла Домбровского. Они как бы превращали красочную картину в геометрический чертеж. Попытки Домбровского настоять на своем кончились тем, что Россель резко оборвал его. На завтра было назначено наступление, строго подчиненное академическим правилам военной науки, – на большом участке фронта, со сложным маневрированием, требующим значительных сил. Командирам поручалось собрать к 11 часам утра на площадь Согласия двенадцать тысяч бойцов. Такова была минимальная цифра, на которую согласился Россель. Все отдавали себе отчет в том, что собрать такое количество людей в течение одной ночи почти невозможно. Эд наклонился к Домбровскому:

– Ну что, добился? – и тревога в его голосе была сильнее обиды.

Все же разъезжались взбудораженные, с тем особым чувством, которое всегда царит в войсках в последние часы накануне сражения.

Домбровскому любое наступление казалось лучше безнадежной обороны. Спускаясь по лестнице, он уже давал подробные распоряжения своему начальнику штаба Фавье о пунктах сбора, о том, какие части откуда брать, куда подтянуть резервы.. Их догнал Ля-Сесилия. Длинная сабля, стуча, подпрыгивала за ним по ступенькам.

– Ух, до чего же я соскучился по настоящему сражению, Ярослав! – крикнул он, хищно скаля белые зубы. Сам буду драться.. Версалья дойду!

– Смотри не заблудись, – меланхолично пошутил Бержере, идущий следом.

Домбровский вышел в сад. В холодном воздухе стоял густой, почти вязкий запах отцветающих каштанов. Валерий Врублевский догнал Ярослава, взял его под руку, и они пошли по аллее к воротам, где ординарцы взнуздывали коней. Врублевский заметно хромал, тяжело опираясь на руку Ярослава.

– Поди, с седла не слезаешь? – неодобрительно спросил Домбровский, косясь на больную ногу товарища. Старая рана, полученная Врублевским восемь лет тому назад в Польше, во время восстания 1863 года, снова открылась от частой верховой езды.

– Что же мне – в экипаже кататься? – рассеянно отозвался Врублевский. – Послушай, Ярослав, – продолжал он, спеша высказать беспокоившую его мысль, – я боюсь, что мы не успеем собрать людей..

Домбровский молча пожал плечами.

– ...тогда этот чиновник отменит наступление. Я не верю ему. Не верю!

– Обиделся? – сказал Домбровский и шутливо толкнул Валерия локтем в бок. – Оседлал Россель вашего брата, а? Да я шучу, шучу. Конечно, главное, что пойдём вперед. Ведь благодаря ему..

– Знаю, знаю.. Благодаря ему принят твой план и так далее. Ты считаешь, что это все? Думаешь, остальные были против? Не понял ты их. Они, как неумелые пловцы, торопились снять с себя всю лишнюю одежду, прежде чем броситься с моды. Ты не почувствовал за их жалобами воодушевления! Думаешь, меня обидела резкость Росселя? Он честолюбец – вот что страшно. Армия Коммуны – это дубинка в его руках. Он угрожает ею Версалью, чтобы заставить Францию продолжать войну с пруссаками. Не выйдет – и Коммуна ему не нужна. Потому ты молчал, когда он калечил твой план? Думаешь, мы не поняли? И если завтра он изменит, ты будешь также молчать?

Они остановились. Домбровскому подвели коня. Конь ткнулся белой головой в грудь

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
хозяину и тихонько стал искать руку. Домбровский нежно погладил его по замшевым
ноздрям.

– Ну что ж, договаривай.

– Ярослав, надо тебе принять командование армией, – очень тихо сказал
Врублевский.

Домбровский резко повернулся.

– Мы – поляки... Понимаешь, – проговорил он, – мы для них поляки. Они плохо
понимают, зачем мы здесь.

Врублевский сипло, прерывисто задышал, словно поднимаясь на крутую гору. Может
быть, Ярослав прав. Он привык видеть в Домбровском старшего. Несмотря на
доверие, которое оказывал им народ, они не раз замечали скрытую подозрительность
к себе со стороны многих членов Совета Коммуны. Если бы Домбровский решился
взять командование войсками в свои руки, коммуна, нелепо боящаяся призрака
диктатуры, могла бы обвинить его в измене. Произошел бы раскол среди командных
кругов армии... «Париж захвачен поляками!» – брызгая слюной, кричал бы Тьер с
трибуны Национального собрания.

– Дело свободы Франции для меня дороже всяких национальных предрассудков, –
упрямо наклонив голову, наперекор своим мыслям сказал Врублевский. – Наоборот,
я, как поляк, горжусь, что ты, мой соотечественник, оказался таким способным
военачальником. А всякая клевета разобьется о нашу честность. Правда, как
солнце, одна для всех.

– Не знаю, дружище, – вздохнув, отвечал Домбровский, ставя ногу в стремя, – в
луже тоже есть свое солнце.

И все же он чувствовал, что Врублевский прав.

Валерий Врублевский.

Их торопили со всех сторон, и они расстались, не успев договорить. Так кончались
все их встречи в течение этих суматошных недель. Они сходились и расходились,
как два крыла летящей птицы.

Чужой

На окраине Жантильи Домбровский нагнал Росселя. Они поехали рядом, оставив
несколько позади своих адъютантов и охрану. Ярослав поблагодарил Росселя за
поддержку и принятие его предложения. Россель ответил вежливой, но холодной
фразой, и разговор оборвался.

Дорога уже опустела. По пути в город им встретился всего один батальон.
Левифланговые, подняв факелы, осветили лица всадников.

– Батальон, равнение налево! – крикнул командир.

– Ур-ра, Домбровский! Ур-ра, Россель! Да здравствует Коммуна! – раздались
нестройные, но частые возгласы.

Домбровский отдал честь.

– Привет и братство!

Россель тронул лошадь рысью и молча проехал мимо. Домбровский удивленно
посмотрел ему вслед.

– И это называется – солдаты! – сказал Россель, когда Домбровский поравнялся с
ним. – Сброд, годный лишь для бунта. Рваные штаны, сабля, путающаяся в ногах,
плащ носит как мешок, грязное кепи... Домбровский, скажите мне откровенно, неужели
вы, кадровый офицер, полагаете, что с этими людьми можно победить армию,
руководимую даже таким никчемным командующим, как Тьер? – Он оглянулся на
ординарцев и вплотную, стремя в стремя, подъехал к Домбровскому. – Я не хочу,

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru чтобы вы ложно поняли меня. Вы единственный, кого я уважаю здесь. Когда я узнал, что в стране возникла борьба между двумя партиями – партией капитулянтов и партией, настаивающей на продолжении войны с Германией, – я подал в отставку. Я без колебания перешел на ту сторону, где не было генералов, виновников капитуляции. Но Коммуна оставила меня в дураках. Еще две недели тому назад я надеялся повернуть войска Коммуны против пруссаков или хотя бы заставить Францию опомниться и продолжать войну с немцами.

«Неужели Валерий прав?» – думал Домбровский. Он вспомнил, как радовался назначению полковника Росселя военным делегатом вместо Ключере. Его привлекали в Росселе эрудиция, слава талантливого военного инженера французской армии... Поверил, что к власти пришел настоящий командующий.

– Я искал патриотов, а нашел междоусобную войну, – продолжал Россель. – Вы поляк, а я... я не могу убивать французов, какие бы они ни были.

– Зачем вы мне рассказываете это? – угрюмо спросил Домбровский.

– Вы чужой здесь, вы беспристрастны – и можете убедиться, что я прав.

«Чужой?..» – спросил себя Ярослав. Губы его скривились в невеселой улыбке.

– Чужой? – беззвучно повторил он с живым удивлением и вдруг вспомнил, как то же слово услышал он из других уст, на родной польской земле, в Варшаве.

Это случилось накануне восстания, на заседании ЦК. Домбровский привел с собою русских офицеров во главе с Андреем Потембей. «Вы не верили мне, – обратился он к „белым“, – а русские готовы выступить вместе с нами. Спросите их, и вы убедитесь, насколько постыдны были ваши сомнения». Как он был тогда молод и неопытен! Открытые националисты, «белые» нагло, не стесняясь присутствия русских, отказались принять их помощь. «Вы хотите лишить нашу шляхту главной силы – ненависти к России! – кричали они Домбровскому. – Восстание должно носить исключительно национальный характер». Домбровский пытался переубедить их: главная сила – это ненависть не к русским, а к царизму. Восстание в Польше удастся, если его поддержат русские крестьяне. Из национального оно должно перейти в крестьянское. Он сослался тогда на Герцена, лучшего друга поляков: «Вне России нет будущности для славянского мира». На него накинулись с бранью. «Он продает Польшу русским! Это худшая измена». И тогда граф Замойский, надменно подняв бледное лицо, сказал: «Вы, Домбровский, всегда были больше русским, чем поляком. Вы чужой нам».

Для польских магнатов Домбровский был действительно чужим. Это несколько не огорчало его, даже тогда. Другое – слышать то же от Росселя.

Домбровский крепко сжал витую рукоять хлыста. Недаром, видно, Врублевский предупреждал... Тлеющая тревога разгоралась, заслоняя обиду, вызванную этими оскорбительными словами Росселя. Впервые Домбровский снес оскорбление, не выдав своих истинных чувств, подавив желание бросить в лицо Росселю гневную правду. Он сдержал себя ради предстоящего наступления.

Пользуясь неожиданной откровенностью Росселя, он спросил, верит ли Россель в успех завтрашнего сражения.

– Я использую эту попытку, – твердо обещал Россель. – Она мой последний шанс, – повторил он, думая о чем-то своем.

Копыта застучали по деревянному горбтому мостику через Бьевр. Узкой ленточкой блеснула вода, покрытая грязными хлопьями пены. Шумели мутные ручьи, снося в реку вонючие отбросы многочисленных пивоварен, прядильных, сыромятных, красильных мастерских, тесно прижатых одна к другой вдоль берегов этого рабочего района.

Впереди букетом огней сверкал Париж. На синем небе, словно накаленные, обозначились контуры башен, соборов; слева от холма, на который поднялись всадники, чернела тяжелая громада Пантеона, опоясанная золотым кольцом фонарей.

Путь туда лежал через фабричные кварталы по тесным, немощным улочкам, мимо ветхих, вросших в землю домов парижской бедноты. Из раскрытых дверей мастерских

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
неслись голоса, шлепающие удары, гул станков. Бурчали водяные колеса. На высоких рамах сушились натянутые кожи. Их острый запах напомнил Урбэна.

Встретить бы его сейчас, порадоваться вместе завтрашнему наступлению. Ярослав вдруг особенно явственно осознал, как много значила бы для него похвала этого человека.

Выезжая на бульвар, они обогнули увитый плющом старинный дом. Под балконом горел фонарь, освещающий низкие кованые ворота и над ними – вырезанный на сером камне барельеф трехмачтового парусника – герб города Парижа.

Россель кивнул головой:

– Кораблю нужен капитан. Эти никчемные болтуны тянут руль в разные стороны. Париж может спасти только военная диктатура.

– Париж – да, Коммуну – нет, – как можно мягче ответил Домбровский. – И вы и я натворили бы на их месте еще больше ошибок. Диктатура одного человека не заменит Совета Коммуны... там ведь много талантливых людей. Возьмите Варлена, Риго, Делеклюза... А иногда перед простым вашим парижским рабочим чувствуешь себя таким школяром..

Несвойственное ему волнение звенело в голосе. Россель с любопытством посмотрел в его сторону и ничего не ответил.

Они расстались на площади. Крепким пожатием Домбровский как будто хотел передать свою энергию холодной, влажной руке Росселя.

На следующее утро после совещания в Жантильи Россель получил телеграмму: «Форт Исси занят, прибывает множество версальских войск». Стоя посреди кабинета, он перечитывал ее снова и снова. Высокий крахмальный воротник резал ему подбородок. С усилием подняв голову, он сунул телеграмму в карман и отправился на площадь Согласия. Падение Исси требовало немедленно изменить ход задуманной операции.

Ветер улетел из города. От входящих на площадь отрядов в знойном воздухе висели рыжие облака пыли. Громыхали бочки с водой. Кричали продавцы жареного картофеля. Гардмобили возбужденно переговаривались о предстоящем наступлении. Все были веселы и радовались, как мальчишки, которые вертелись тут же, ходили на руках, дрались, довольные, если им удавалось рассмешить взрослых. Гражданки, идущие с рынка, угощали гвардейцев хрустящими пирожками и яблоками.

Возле покрытой черным траурным чехлом статуи города Страсбурга совещались озабоченные командиры. Всю ночь они разъезжали по городу, ища разбросанные части, ибо штаб не имел точных адресов. Им удалось собрать семь тысяч человек, – огромная цифра для армии Коммуны. Ждали с минуты на минуту Ля-Сесилия с двумя батальонами. Через полчаса должен был приехать Россель. Он поведет их в бой.

– А там каждый будет драться за двоих!

– И нас будет четырнадцать тысяч!

Но Россель приехал раньше, чем его ждали. Раздались команды. Шеренги быстро выровнялись. Приземистый человек в штатском, сопровождаемый группой офицеров, подпрыгивая в седле, объезжал фронт; губы его были брезгливо поджаты; поравнявшись с командирами, стоявшими на правом фланге, он выпрямился, привстал на стременах. Лицо его было желто-белым, как кость. Он сказал твердо и громко, никого не осуждая:

– По моим подсчетам недостаточно.

Его просили подождать хотя бы полчаса – подойдут еще отряды; его пытались убедить... Никого не слушая, он приказал разойтись и, круто повернув лошадь, уехал.

Вернувшись в министерство, он велел дежурному отвезти в типографию записку:

«Трехцветное знамя развеивается над фортом Исси, оставленным вчера гарнизоном.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Военный делегат Россель».

– Отпечатать ее в десяти тысячах листовок и расклеить по городу.

Проводив дежурного, он запер дверь кабинета, опустил в кресло. О чем он думал? В любом случае он решил выходить из игры. Ему не удалось изменить ход событий. Для коммунаров главным врагом оставался Версаль, а для него – немцы. Он жаждал продолжать войну, а не революцию. Карта, на которую были поставлены его талант, образование, молодость, карьера, – эта карта бита...

Много времени прошло, прежде чем он придвинул бумагу и стал писать:

«Граждане члены Коммуны, уполномоченный вами временно заведовать военными делами, я сознаю, что не могу дальше нести ответственность за командование там, где все рассуждают и никто не хочет повиноваться». Вспоминая неудачи последних дней, он писал все быстрее, царапая бумагу, брызгая чернилами. Перечислив с горькой обидой все случаи путаницы в военном аппарате Коммуны, он кончил: «Для меня остается только один из двух исходов – или уничтожить препятствия, или удалиться. Я не в силах уничтожить препятствие, так как они в вас, в вашей слабости. Я удаляюсь и прошу вас дать мне камеру в Мазасе»[4].

В это утро Домбровский был вызван на редут Н.

Заканчивая осмотр, он взглянул на часы – без четверти двенадцать. Пора было возвращаться в Париж. Нужно застать Росселя на площади Согласия. Он поднял подозрительную трубу, изучая в последний раз траншеи версальцев. Он не видел, как в редут на взмыленной лошади влетел Грассе – дежурный адъютант штаба. Соскочив с седла, Грассе подбежал к Домбровскому, крича:

– Россель подал в отставку! Исси пал!

Труба дрогнула в руке Домбровского, но он не обернулся. Прошла добрая минута, пока он наконец аккуратно уложил трубу в чехол и отдал ее ординарцу.

У крепостного вала уже бурлила взволнованная толпа коммунаров:

– Измена!

– Продали Исси!

– В Париж!.. Перестрелять мерзавцев!

Домбровский обернулся и спрыгнул с насыпи. Его мгновенно окружили.

– Измена! – дерзко крикнул ему в лицо молодой канонир, размахивая запалом.

– Ну, и что же ты хочешь? – спросил Домбровский. Все увидели на его лице злое любопытство.

– В Париж! – парень снизил тон, ошеломленный тоном Домбровского.

– Дайте ему мою лошадь, а я пока останусь защищать редут, – сказал Домбровский.

Коммунары умолкли. Канонир хмуро отступил. Грассе, опустив голову, стегал хлыстом по лафету.

– Россель подал в отставку, – небрежно разъяснял Домбровский. – Ну что же, на его место назначат другого...

А у самого в это время бешено мчались мысли: «Значит, он приехал на площадь раньше срока. Может, вовсе не приезжал, решил, что после падения Исси атака бессмысленна». И вслух:

– Поднажмем – и отберем Исси. Впрочем, «мясникам» нечего радоваться, я был там позавчера – куча песка и камней. Вот, а ты хочешь покинуть форт, – повернулся он к канониру, – сеешь панику и помогаешь изменникам.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Домбровский присел на лафет. Его неторопливость и злость убедительнее слов действовали на людей, но в их молчании оставалось еще недоверие.

Тогда он притянул за рукав молодого канонира, посадил его рядом с собой.

– Как тебя звать, гражданин?

– Жан.

– Жан Ехидка, – насмешливо пояснил кто-то. Коммунары обступили пушку, на которой сидел Домбровский.

– Так вот, Жан, ты напомнил мне сказку, которую я слышал в Швеции, – рассеянно начал Домбровский. Он посматривал на Грассе, стараясь по выражению его лица отгадать размеры катастрофы. – Сказка про то, как один крестьянин, по имени Пьеро, пахал однажды до самого вечера. Быки его устали, он тоже. Собираясь вечером домой, он положил плуг на спину осла, да еще уселся сам, и, погнав впереди быков, отправился в путь. Осел сгибался под непосильной ношей. Крестьянин наконец понял, что осел не может идти. Тогда Пьеро слез, взвалил плуг себе на плечи и снова сел на осла, говоря: «Ну, теперь ты можешь идти как следует, плуг на мне, а не на тебе».

Среди нервного смеха он сказал на ухо Жану, вспотевшему от общего внимания:

– Ты не обижайся, все мы бываем такими иногда.

А разве сам он несколько минут тому назад не растерялся? Только вовремя сдержал себя.

Он велел подать лошадь и отошел в сторону с командиром батальона, седым капитаном Нервалем. Домбровский рассказал ему о предполагаемых действиях версальцев на этом участке. Нерваль внимательно слушал, кое-что переспросил и замаялся в нерешительности, одергивая свой поношенный, аккуратно заштопанный мундир.

– Ну, что еще? – спросил Домбровский.

– Генерал, нам нужны подкрепления, эти цыплята не обстреляны, не обучены. Да и их мало. Мне не продержаться с ними. Их бы отвести месяца на два в город, нашпиговать там. Что сейчас выкинули, – прямо стыдно перед вами!

– И ты, Нерваль! – покачал головой Домбровский. Он взял капитана под руку. – Я, конечно, могу попросить господина Тьера подождать месяца два, пока мы обучим наших солдат, – как ты думаешь, Нерваль? Ну вот, улыбаешься – значит, все в порядке. Наша армия должна обучаться в бою. – Он остановился, обвел рукой кругом: – Смотри, какая красота!

Стены из плотных серых мешков с землей, уложенных поверх зеленого вала, защищали редут от случайных пуль. Орудия, вытянув блестящие пальцы стволов, грозили заволоченным дымкой черным ленточкам вражеских траншей. Четкие силуэты дозорных застыли подле бойниц. Блики солнца лучились на пирамидках снарядов, на козлах из ружей.

– Вот лучшая школа для твоих птенцов, только учить их надо. А ты хочешь заставить их махать палками вместо шаспо!

И, уже сидя на лошади, пожимая цепкие, опаленные порохом пальцы Нерваля, добавил:

– Я постараюсь прислать тебе батальон, но надежды мало. Не знаю, чего у меня меньше, – надежд или людей.

Долго еще стоял у ворот капитан Нерваль, провожая глазами группу всадников и особенно одного из них – на белой лошади.

– Все понятно, генерал, – бормотал он в усы. – Будь спокоен за нас, гражданин.

Честолюбие жаждет похвал или хотя бы оправдания со стороны окружающих: оно питается этим, растет пышно и быстро, как сорная трава, заглушая в человеческой душе сомнения и раскаяние.

Россель не считался с мнением окружающих, за исключением, пожалуй, одного человека – Домбровского. Вряд ли, однако, Россель отдавал себе отчет в тех чувствах, которые привели его вечером того же дня на Вандомскую площадь. Меньше всего ему хотелось сейчас видеть Домбровского, и в то же время это был единственный человек, который мог его понять. Самолюбие Росселя страдало, и он надел на себя маску служебного долга.

Со дня своего назначения на должность военного делегата Россель чувствовал в Домбровском соперника, и хотя поведение Домбровского не давало ни малейшего повода заподозрить его в честолюбивых замыслах, Россель продолжал относиться к нему с ревнивой неприязнью.

Тактика Домбровского была настолько непонятна Росселю, а результаты ее настолько удивительны, что вначале он склонен был объяснить их везением, удачей – чем угодно, но не заслугами командующего Западным фронтом. Однако вскоре несколько случаев доказали Росселю, что он имеет дело с незаурядным полководцем, превосходящим его если не знаниями, то талантом. Россель болезненно ощущал это превосходство. Французские генералы, позорно проигравшие войну с Германией, возмущали Росселя своей бездарностью, и он презирал их почти открыто. И может быть, поэтому так невероятно казалось встретить в армии Коммуны никому не ведомого польского офицера, способного с успехом командовать французской армией.

Правда, он слышал, что Домбровский окончил русскую Академию Генерального штаба, о которой Россель был высокого мнения, но все же его национальная гордость была уязвлена. Позже, заметив недоверие к поляку Домбровскому со стороны некоторых членов Коммуны, Россель решительно взял его под защиту. Ему казалось, что Домбровский чувствует себя в Париже таким же одиноким и непонятым, как и он сам.

Россель ожидал, что застанет Домбровского в отчаянии или гнев. Однако Домбровский встретил его с обидной небрежностью, словно потеряв всякий интерес и к Росселю, и к тому, что произошло. Россель приехал, желая объяснить мотивы своего поступка, готовый к упрекам, оправданиям, к чему угодно, только не к жалости, которую он ощущал за безразличием поляка. Хоть бы задал какой-нибудь вопрос, но и вопросов не было.

Скрывая уязвленность, Россель сухо изложил, в каком состоянии остаются после его ухода ведомства и отделы, рассказал о работе новой баррикадной комиссии, о военном трибунале, о расположении артиллерии.

Домбровский время от времени делал заметки в блокноте.

– Это, конечно, не официальная передача дел, – сказал в заключение Россель тем же сухим и ровным тоном. – Я не имею указаний Совета Коммуны, кому передать дела, тем не менее считаю своим долгом поставить вас в известность, как своего заместителя, дабы руководство могло осуществляться непрерывно.

Домбровский учтиво поклонился, задернул шторы над картой и отошел к раскрытому настежь окну.

Отсюда открывался прекрасный вид на каменный простор Вандомской площади. Толпа любопытных окружала Вандомскую колонну – «памятник грубой силы и ложной славы». Бронзовая фигура Наполеона недоверчиво взирала с вершины колонны, как, примостившись на цоколе, рабочие пилили гранитный пьедестал, готовя колонну к свержению по приказу Совета Коммуны. Легкие облачка каменной пыли взвивались в такт мерному звуку пилы.

Домбровский вспомнил, как третьего дня, проезжая по площади, его начальник штаба Фавье задержался подле памятника и продекламировал:

Согласен я, чтоб этот монумент
Народом не был уничтожен, –
Когда б Россель окаменел,
А Бонапарт вдруг ожил.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Домбровский тогда строго отчитал Фавье.

«Что ему еще надо?» – подумал Ярослав, чувствуя на спине колючий, упорный взгляд Росселя.

Все, все в этом человеке было сейчас Домбровскому неприятно, каждое движение казалось фальшивым, каждый взгляд, звук раздражал. Даже выработанная годами воинской службы привычка к дисциплине и субординации не помогла. Требовалось напряжение и почтительность. Ведь Россель формально еще оставался его начальником.

– Скажите, Домбровский, а что вы намерены делать дальше? – вдруг прервал молчание Россель. В сдержанном тоне его слышались нотки непонятого интереса.

Ярослав не спеша повернулся, и они в упор, откровенно изучающе посмотрели друг на друга.

«Почему ты остаешься здесь так спокойно и уверенно? Не знаешь ли ты какого-то секрета?» – тревожно спрашивали глубоко запавшие глаза Росселя, и Домбровский понял, что желание узнать это привело к нему Росселя.

– Я буду делать то же, что и делал, – я буду воевать, гражданин делегат.

Россель поморщился.

– Бросьте, Домбровский, вы прекрасно знаете, что город обречен. Неужели вы действительно надеетесь на победу?

Если бы этот вопрос задал ему Врублевский, Варлен, любой из его друзей, Ярослав, наверное, ответил бы: «Нет, я уже не надеюсь на победу, сегодня мы упустили последний шанс; если не произойдет чуда, разгром Коммуны – дело времени». Но Россель он не мог сказать так не только потому, что считал его виновником сегодняшней катастрофы, но и потому, что не сумел бы объяснить, зачем же он сам остается продолжать эту безнадежную борьбу, хотя всем сердцем чувствовал, что поступает правильно.

– Кроме того, что я отдал себя до конца дней на службу революции, кроме этого, я еще и солдат и не привык бежать с поля боя, – сказал Домбровский, уклоняясь от прямого ответа.

Россель чуть побледнел, но, сделав вид, что не заметил оскорбительного намека, отвечал тем же небрежно-поучительным тоном:

– Во-первых, вы не солдат, а генерал. Вы можете не бежать, а прекратить бой, а во-вторых, – он откашлялся, аккуратно вытер платком уголки губ, – я не бегу, а подал в отставку по причинам, вам известным.

– И все-таки нельзя уволить в отставку честь и благородство, – непримиримо сказал Домбровский. – Народ доверился мне, и я не могу бросить его, когда стало так трудно.

Россель устало пошевелил сухими длинными пальцами.

– Ах, самое честное – сказать народу правду.

– Ну что ж, вы сделали это. Вы приказали напечатать листовку о сдаче Исси и ваше письмо к Коммуне.

Подстегнутый жесткой насмешкой, Россель выпрямился, завертел из стороны в сторону квадратной бородкой, как бы пытаясь высвободиться из тесного воротничка наглухо застегнутого сюртука.

– Я не собираюсь спорить с вами о правильности своих действий... – начал он с прежней надменностью. Но это была последняя попытка. Он как-то надломился, не в силах скрыть свою растерянность. Пальцы его все быстрее застегивали и расстегивали пуговицу сюртука. За минувшие сутки глаза Росселя ввалились еще глубже, совсем запрятались в темных впадинах, и весь он как-то выцвел, запылится.

– Нет-нет, ведь вы-то должны понять, что это превращается в бессмысленную гражданскую войну. О боже! Убивать французов, когда немцы стоят под стенами Парижа!

Начало темнеть. Несколько раз отворялись двери, просовывалась голова дежурного, Россель хмурился, и голова бесшумно скрывалась. Внизу, на площади, фонарщик зажег газовые рожки фонарей, где-то во дворе горнист заиграл вечернюю зорю, и тотчас по всем коридорам послышался топот бегущих ног. Наступал час вечерней поверки.

Множество срочных дел дождалось командующего фронтом.

– Зачем вы пришли ко мне? На что вы надеетесь? – отбрасывая все правила приличия, безжалостно загоняя слова в обоймы фраз, спросил Домбровский.

Россель встал, близоруко щурясь.

– Поймите, Домбровский, я считаю вас умным и честным офицером, и я хочу знать, почему вы остаетесь? Почему вы остаетесь? – повторил он еще раз с робкой настойчивостью.

Домбровский отвел руки за спину, крепко сплел их и подошел вплотную к Росселю. Голубые глаза его заледенели.

– Вас удивляет, как это так – вы, француз, уходите, а я, поляк, остаюсь, – вежливо начал он, и только усилившийся акцент выдавал его волнение. – Вы считаете меня таким же честолюбцем, как вы, и боитесь просчитаться. Вы, Россель, хотели бы спасти Францию не из любви к ней, а из честолюбия, освободить ее от немцев, но не от Тьера. Еще один Бонапарт. Или Жанна д'Арк? Да, да... – быстро продолжал он, заметив движение Росселя. – Что вам Коммуна? Красное в рулетке? Куда вы меня зовете? Куда вы идете сами? Во Франции сейчас есть Париж и есть Версаль. С кем вы? Ни с кем. Вы покидаете свой народ в самую тяжелую минуту. – Он вспомнил сегодняшнее утро, погибшие надежды на наступление и сбился, потеряв мысль от нахлынувшего гнева. – Распустить семь тысяч человек! – Домбровский чуть не застонал. – Вы... вы никчемный полководец!

Капельки пота выступили на желтоватом лбу Росселя. Он стоял в оцепенении, не в силах оторваться от холода смотрящих на него в упор глаз.

– Вы нашли предлог бежать, но вы потеряли родину. Где она, ваша Франция? Ее нет. Вы лишились родины, потому что любите себя больше, чем ее. Я поляк, я иностранец, я для вас здесь чужой, но я люблю Францию больше, чем вы, потому что я люблю Коммуну, свободу Франции, ее будущее и, может быть, потому, что я знаю тяжесть цепей. Простите, мне тяжело говорить об этом.

Он круто повернулся и отошел к столу. Россель для него больше не существовал.

Тьер

Вслед за начальником полиции в кабинет министра внутренних дел Пикара вошел мягкой, чуть развинченной походкой человек лет тридцати. По вызывающему щегольству костюма, по пестрым брелокам на голубом левантиновом жилете его можно было отнести к завсегдашней Нижней Биржи или монмартрских кабаков.

– Господин министр, это и есть Вессэ, я вчера докладывал, – представил его начальник полиции. – Вессэ предлагает свои услуги для поручения в Париже.

Пикар откинулся на спинку кресла и с бесцеремонностью оценщика стал рассматривать предложенный товар: гибкая мускулистая фигура, шрам на шее, манеры развязные, но не от смущения, а от наглости, видно – бывалый парень. Такой годится на любое... Надо отдать должное полиции, она умеет подбирать подобных типов.

– Ваше занятие, господин?..

– Вессэ, Макс Вессэ, господин министр. – Человек с усмешкой покосился в сторону начальника полиции. – Я, господин министр, действовал больше по коммерческой

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
части.

– Вот вам, мой друг, – обратился Пикар к начальнику полиции, – еще один лишний пример: самые разные слои общества устремляются к законному правительству, горя одним святым порывом – скорее расправиться с бунтовщиками..

Начальник полиции вяло кивнул головой. К чему ломать комедию, тут никого из посторонних нет! Ведь только вчера он показывал Пикару материалы полицейской префектуры о Вессэ, где за ним числится не одно темное дело. Продолжая думать о противной говорливости Пикара, он открыл рот, желая что-нибудь подтвердить, но речь Пикара лилась ровно, без перерывов, и начальник полиции безмолвно открывал и закрывал рот, как рыба, задыхающаяся на берегу.

Наконец с моральной стороны было покончено.

– На вас, господин Вессэ, возлагается славная, почетная задача, – голос Пикара преисполнился торжественности, – помочь генералу Домбровскому искупить свою вину перед Францией, перед правительством...

Вессэ подобрался, насторожился, его хорошо выбритое, припудренное лицо выразило сомнение.

– Домбровский должен оставить на ночь без охраны одни из городских ворот и соседние с ними редуты. Остальное его не касается. За эту услугу он получит пятьсот тысяч франков...

– Но, господин министр, – Вессэ поклонился и недоуменно развел руками, – весь Париж уверен в преданности Домбровского.

Пикар подошел к Вессэ.

– Ну, представьте себя на его месте! – Пикар поднял руку, но не достал до плеча Вессэ и похлопал его по животу. – Что может связывать Домбровского с Коммуной? Иностранец, наемный солдат... Пятьсот тысяч франков! Полмиллиона франков! – сказал он, с наслаждением смакуя эту цифру.

– И вдобавок Домбровский не дурак, – удалось наконец вставить слово начальнику полиции. – Наверное, уже успел убедиться в безнадежности положения и сам ищет случая сбежать. А мы дадим ему возможность уехать куда угодно...

«Хоть на тот свет», – весело подумал Пикар и добавил:

– Дадим пропуск для пятидесяти человек по его выбору.

– Да... Но с таким делом легко загреметь, – вздохнул Вессэ.

Пикар поморщился:

– Ваш риск будет вознагражден. Опасно только мелкое воровство. Имейте в виду, суд Коммуны еще не расстрелял ни одного человека. Если переговоры с Домбровским окончатся неудачей, что, конечно, маловероятно, – Пикар помрачнел, разозлился, – тогда... любыми способами его надо убрать. Любыми. Это единственный стоящий у них генерал.

Инструктируя Вессэ, Пикар не упустил из виду, казалось, ничего не значащих мелочей – упомянул, как обучать агентов, как одеваться, и десятки других подробностей, которые может ухватить лишь опытный, не лишенный таланта в подобных делах мастер.

– Но если дело раскроется, – осторожно подыскивал – слова Вессэ, – поднимется шум, скандал...

– Все равно Домбровский будет скомпрометирован. Пойдут слухи. Он сам подаст в отставку. Поляки самолюбивы... Имейте в виду, – Пикар торжественно поднял руку, – нет неблагодарных средств в нашей борьбе с коммуной! Она пограла все человеческие законы, как же мы можем быть гуманны к ней? Грязная чернь! И если мы все же предлагаем поляку Домбровскому искупить его тягостную вину перед французским народом, то это лишний раз доказывает наше христианское терпение и

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
милосердие...

Вессэ слушал, задумчиво глядя на шлепающие губы министра.

– Домбровский будет окружен славой, связав свое имя с великим шагом умиротворения гражданской войны во Франции, как и вы, оказавший ей серьезную услугу в это трагическое время. Если же придется убрать Домбровского, то акт лучше совершить публично, ваши агенты должны раздуть панику и отчаяние среди коммунаров...

В это же время на другой половине Версальского дворца «глава исполнительной власти» будущий президент Французской республики Адольф Тьер принимал тайного посла от Бисмарка.

Ни один солнечный луч не пробивался сквозь спущенные зеленые шторы. В огромном мрачном кабинете стояли лесные сумерки. Приходилось соблюдать величайшую осторожность. Переговоры с врагами Франции, когда в стране революция, когда война формально не кончена, такие переговоры нуждались в абсолютной тайне.

Несмотря на жаркую погоду, в кабинете топили камин – Тьер мерз. Он сидел сгорбись, протянув руки к огню. Пламя бросало прыгающий свет на его седой залызанный хохолок, на бронзовый бюст Наполеона за его спиной. В полутьме Тьер походил на сову: бледное круглое лицо, выпуклые стекла очков в золотой оправе сжимали крючковатый нос, настороженно оттопыривались острые ушки. Он говорил быстро, тоненьким, визгливым голосом.

В своих хитроумных комбинациях он исходил из того, что молодая Германская империя боялась Коммуны не меньше, чем Версаль. Пребывание под стенами Парижа губительно действовало на немецких солдат: свободный воздух Коммуны портил хваленую немецкую армию. Командование было вынуждено держать войска возле столицы, ожидая уплаты французским правительством первого взноса контрибуции. Но банк находился в Париже в руках коммунаров, поэтому Бисмарк так торопил Тьера со штурмом Парижа.

Тревожился не только Бисмарк. Ветер революции переносил искры Коммуны через все границы. Мечты и теории, за которые людей сажали в тюрьмы и вешали, вдруг предстали страшной явью восставшего Парижа. Так, значит, революция, коммунизм – все это не только опасные выдумки, это уже действительность? Живая, грозная, огрызающаяся огнем пушек и митральез?... Позабыв всякие распри, короли и министры Европы толкали Тьера скорее ворваться в Париж, сбросить, уничтожить мятежное знамя, полыхающее на виду у всего мира.

Восставший город нагнал страх даже на прусскую военщину, упоенную недавней победой над Францией. Пятьдесят тысяч вооруженных рабочих были страшнее, чем вся французская армия с ее генералами, маршалами, крепостями.

Тьер старательно подогревал страхи Бисмарка. Ему нужна была поддержка Германии, он принимал любую помощь – русского царя, американского посланника, кого угодно. Можно было проиграть войну с немцами, но нельзя было проиграть войну с французскими рабочими.

Тьер мог быть доволен: второй раз за последнюю неделю в Версаль приезжали с неофициальным визитом «гости» от Бисмарка. Однако особенная настойчивость нынешнего посланца беспокоила президента.

Оглядывая искоса грузную фигуру гостя, Тьер угадывал под черным фраком широкие прямоугольные плечи и выпяченную грудь кадрового офицера. Гость торопился закончить разговор. От приторной любезности Тьера, от его бледного жирного лица у немца возникло ощущение опасности: достаточно неверного слова – и Тьер вывернется. А ведь приказ Бисмарка короток и тверд: никаких отсрочек со штурмом Парижа.

Увы, если бы Тьер мог взять Париж! Все его попытки кончались провалом. Страх, переходивший в ужас, перед людьми, которых не могли запугать никакие жестокости, страх, которым были преисполнены его генералы, этот страх царил и в душе Тьера. Чем больше он боялся, тем сильнее он ненавидел.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Восемнадцатого марта, когда город восстал, он едва успел бежать. Забившись в угол кареты, он кричал одно слово: «Скорее!» Карета бешено мчалась, он подпрыгивал на подушках и, придерживая очки, кричал, кричал...

С тех пор видение этой ужасной ночи неотступно преследовало Тьера. Он собрал вокруг Парижа огромную армию, батареи с раннего утра начинали обстреливать город, а ему все еще казалось мало. Тьер отдавал пленных на расправу озверевшей толпе таких же беглецов из Парижа, каким был он сам, – всем этим буржуа, сутенерам, ростовщикам; и все-таки страх не проходил.

– Они слишком хорошо воюют! – сказал Тьер и выжидательно умолк.

– Или плохо воюют ваши генералы, – строго отозвался немец. Он напомнил господину президенту, что его медлительностью недовольны и Александр II и Англия.

Тьер развел руками, усмехнулся почти беспечно:

– Что я могу поделывать? На все нужно время. Время – великий исцелитель!

Гость раздраженно поднялся и зашагал по кабинету, щелкая каблуками на поворотах.

– Вы будете возиться с ними еще месяцы! Зараза расползается по всей Европе. – Он остановился, сердито поправил крахмальный непривычный воротничок. Надо дать почувствовать этой старой обезьяне, что немцы победители, а не какие-нибудь советчики. – Почему бы вам не воспользоваться нашей артиллерией? – прищурясь, спросил немец. – За несколько суток рабочие предместья станут развалинами, от Коммуны не останется и запаха.

Так вот он, главный козырь Бисмарка! Тьер мгновенно оценил затаенную угрозу: первое же немецкое ядро, упавшее на Париж, поднимет против Версаля всю Францию.

Тьер снял очки, потер переносицу. Без очков глаза у него были узенькие, рысьи. Но вот он надел очки, а вместе с ними – выражение глубочайшего почтения.

– Во имя порядка, – он смиренно сложил ладони, – во имя порядка я попрошу вас предоставить нам самим разделаться с бунтовщиками. Право, две армии – слишком много чести для них.

– А одной слишком мало, – грубо, с издевкой хмыкнул немец.

– Помощь должна быть другой, – коротко вздохнул Тьер, – если бы мы могли ударить Коммуне в тыл...

Немец подумал. Пропустить версальские войска через немецкую зону? Но ведь Германия заверила Коммуну в своем нейтралитете...

– А что скажут... хм, газеты, да и, наконец, сами немецкие солдаты? Ведь война не кончена... хм, немецкий патриотизм..

– Просвещенные люди современности, – перебил его Тьер, – давно должны откинуть в сторону смешное, устарелое понятие «нация». – Тьер склонил голову, давая почувствовать гостю, что они и есть эти просвещенные люди. – Германия может и должна стать вооруженным стражем цивилизации. Для этого надо только протянуть через границу свою братскую руку Франции, и мир и все человечество будут спасены от варваров. История увековечит имя князя фон Бисмарка... А что касается ваших солдат, – он доверительно прикоснулся к рукаву гостя, – то пора приучить их к этому: Берлин ничем не лучше Парижа. – Остренькая улыбочка промелькнула на длинных губах Тьера.

Продолжая говорить, он увлек гостя к карте и заставил показать, на каком участке удобнее всего пропустить версальские дивизии.

– Пожалуй... хм... Ага, вот вы перебросите на Вильневля-Горен группу в пятнадцать тысяч штыков, – сказал немец. – Нападение отсюда будет совершенно неожиданно. Коммунары не укрепили свою северную окраину. Они крепко уверены в нашем нейтралитете! – Толстый рыжеволосый палец гостя полез по карте, оставляя выдавленную ногтем черту. Навстречу ему двинулся сухонький, с длинным желтым ногтем мизинец Тьера. Оба пальца встретились в центре Монмартра. Гость

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
захохотал.

Тьеру стало не по себе от грубой, ничем не замаскированной откровенности гостя. Он поживался от громкого голоса немца. Право, можно было бы не так цинично. Поразительно, до чего эти пруссаки не умеют облекать свои мысли в приличную форму. Впрочем, не мешает уж заодно договориться о будущих беглецах из Парижа. Хорошо будет, если прусские войска развернутся, не позволяя ни одному из участников Коммуны ускользнуть от суда. И он опять стал красноречиво обосновывать справедливость и гуманность такой операции.

Немец недоуменно почесал шею.

– Но позвольте, хм... С какой стати коммунары пойдут к нам? К тому времени они поймут нашу роль. Да и вообще, – спохватился он, – они еще, чего доброго, откроют действия против нас, а?

Тьер довольно потер руки.

– Я все предусмотрел. Наш общий друг Уошберн, вы знаете его, американский посланник, берет эту часть операции на себя.

Немец наконец разобрался в задуманной провокации.

– Неплохо, – он важно кивнул Тьеру. – Коммунары побегут, как в мышеловку.

Расстались они друзьями.

«Этот канцелярский Бонапартит хитер, – с удовольствием думал немец. – Он сумеет пустить кровь».

«Приятно иметь дело с таким сооружением из бычьего мозга и прусской муштры! – подумал Тьер. – Стоит им сдержать слово, и Франция даже не заметит, что за мясорубку я устрою в Париже. Все будут возмущаться немцами».

Семена короткими ножками, Тьер проводил гостя до самых дверей, не переставая говорить:

– Передайте графу фабрицие, что я соержу своих солдат по его методу: ни одна душа на выстрел не смеет приближаться к казармам, – только наши газеты, только офицеры; больше мяса, водки... Зато, как сказал Кромвель: «Никто не идет так далеко, как тот, кто не знает, куда идет».

Из глубоких морщин Тьера выползла улыбка.

– Низайший поклон его императорскому величеству.

Проводив гостя, Тьер, посмеиваясь, уселся перед камином и стал быстро потирать руки. «Чудесно! Этот глупец ничего не понял. Спешить? Торопиться? Чепуха! Нет, только бы войти в город; зачем же торопиться в самом городе. Надо потихоньку брать улицу за улицей, дом за домом и расстреливать всех подряд. Это ведь так просто, когда идет война. Безо всяких судов, защитников и прессы. Закончить сражение можно и в две недели. За две недели мы сумеем перебить тысяч тридцать – сорок...»

Розовые отблески пламени лизали его маленькие руки. «Только бы войти, ворваться в город!»

Тьер был ростом ниже Наполеона на несколько дюймов, и в этом он видел единственную разницу между собой и великим полководцем.

Главным его занятием было шуметь, потому что главной его чертой было тщеславие. Он докучал своей особой всей Франции, всей Европе. Он вылетал из министерства в двери и тотчас влезал в окно. Он считал себя незаменимым, и действительно буржуазия нуждалась в нем – никто не мог так много и нахально лгать, как этот маленький «великий» человек.

В нем воплотилась вся подлость французской буржуазии. Само его присутствие в

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
правительстве унижало французский народ, и это ставилось Тьеру в заслугу. Нельзя иметь никаких убеждений – вот единственное, чем он твердо руководствовался. Когда он оказывался вне правительства, он кричал о свободе, о революции. Когда он был у власти, он говорил о порядке и строил укрепления вокруг Парижа против внутреннего врага. Во имя этого порядка он расстреливал рабочих. Никто до него не мог с таким бесстыдством переодеваться тут же, на трибуне Национального собрания. Он с одинаковой ловкостью умел трубить в революционную трубу и наигрывать на королевской свирели.

Этот сын бакалейщика и ученик пройдохи Талейрана начал свою карьеру крикливым выступлением на юридическом факультете города Э, получив приз за красноречие. Когда факультет объявил конкурс на лучшее произведение по заданной теме, Тьер представил две работы, развивавшие противоположные точки зрения. Одной из них была присуждена первая премия.

Лафит вывел Тьера в люди. Он покровительствовал ему и был его другом. Когда кабинет Лафита пал, Тьер, к удивлению всей Франции, не ушел с ним в отставку. Эта блоха спокойно соскочила с плеча Лафита. И сразу же на всех политических перекрестках Тьер стал пинать ногами своего покровителя, потому что почувствовал, что Лафит навсегда сошел со сцены.

Говорили, что Тьер не имел матери: человек, рожденный женщиной, наделен слабостями, у него сердце иногда берет верх над рассудком, он может увлечься, надеть глупостей ради женщины и принести жертвы ради друзей. Ни в чем подобном Тьера нельзя было упрекнуть. У него не было сердца и не было слабостей. Он женился, потому что ему были нужны новые связи в свете, и отказался от своего отца, потому что отец не приносил никакой выгоды.

Он умел использовать любые обстоятельства для личной наживы, особенно солидный доход он извлекал в дни бедствий страны, и никогда нельзя было сказать – вот его самый дурной поступок.

Тщеславие и чванство Тьера можно было сравнить только с его ненавистью к рабочим.

Как войти в Париж – хитростью или силой? Ему было безразлично. Вечной угрозой тяготел над ним этот город, гнездо всех революций. Вторая империя пыталась развратить Париж, сделать из него международный притон, игорный дом. Шайке проходимцев во главе с Тьером было выгодно царство авантюры, афер, продажных душ, всеобщего опьянения и разгула. Они хотели сделать свое царство незабываемым. Вокруг Парижа строились форты, из которых удобнее всего было обстреливать... Париж. Узкие кривые улочки, удобные для баррикад, спешно расширялись, их перестраивали в широкие проспекты, имея в виду удобства правительственной артиллерии.

Но парижских пролетариев нелегко было испугать. В рабочих предместьях все громче распевались хлесткие песенки о Тьере. Тьеру хотелось, чтобы перед ним трепетали, чтобы его боялись, а его называли карапузом, мухой, сморчком, шибздиком, его удостаивали только презрением. Нет ничего опаснее, чем смех народа. Тьер вспомнил о карикатурах на него, развешенных сейчас по всему Парижу. Ну что ж, он смоеет их кровью коммунаров.

Тьер дернул шнурок звонка и велел позвать министра внутренних дел Пикара.

– Ну как?

– Все в порядке, – ответил Пикар. – Правда, этот человек уверен в честности Домбровского...

Тьер придержал очки. Его большая голова тряслась от смеха.

– Честность!.. Честность, сударь, значит, на сто тысяч франков дороже. Запомните, мой милый, золото перевешивает любое чувство.

– Я обещал, что мы дадим пропуск для пятидесяти поляков по его выбору...

– Никогда столько не даешь, как давая обещания, – ласково заметил Тьер.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Пикар начал было передавать подробности, но Тьер быстро оборвал его:

– В таких вопросах я целиком доверяюсь вам. Мое дело воевать. Я хочу только одного: избавить отечество от позора Коммуны.

Он подошел к столу, взял пачку донесений.

– Перед лицом опасности, забывая о наших врагах – немцах, этот сброд топчет святое знамя отечества. – Скорбь звучала в голосе «великого» человека. – Смотрите, у них сражается триста поляков, русские, бельгийцы. Они избрали в Коммуну венгерца Франкеля; эта русская Дмитриева собирает митинги парижских прачек и прислуг... – «Великий» человек размахивал бумагами с искренним негодованием, а глаза, прищурясь, следили, запоминает ли Пикар его слова. – Все эти Варлены, Делеклюзы, Арно торгуют интересами нации. Они лишены святого чувства патриотизма.

«Старая лиса, – думал Пикар, почтительно кивая головой, – ловко он оборачивает это дело. Вся грязь спихнул на меня, а сам...»

– Господин президент, – сказал он, – я обещаю, что наша пресса разделит ваше негодование.

– Ваша пресса изолгалась так, что ей никто не верит, – раздраженно заметил Тьер, – это плохая клозетная бумага. – Он быстро забежал по кабинету. Взгляд его упал на карту. Выдавленная ногтем черта тянулась от восточных фортов к центру Парижа. Тьер улыбнулся и потер руки.

– Мой дорогой Пикар, – смягчаясь, сказал он. – Я подозреваю, что Домбровский и Врублевский просто продались немцам и ведут с ними тайные переговоры. Наши газеты должны заняться этим. Как больно будет честному французу узнать про тайные переговоры с врагом за спиной у народа в такое время!

– Да, это ужасно! – весело подтвердил Пикар.

Артур Демэ

Достаточно взглянуть на его легкую, танцующую походку, когда он, засунув руки в карманы, ловко скользит сквозь густой поток прохожих, бесцеремонно, в упор разглядывая встречных, бросая девушкам короткие замечания, от которых те улыбаются, – сразу становится ясно, что он родился и вырос в Париже.

Париж вынуждал и воспитывал Артура Демэ, и он любил свой город сыновней любовью. Он презирал провинциалов, а тем паче иностранцев. Предместья Парижа были для него стенами мира. Демэ исполнилось уже двадцать шесть лет, но он ни разу не выезжал из Парижа дальше Сен-Дени, Версаля, Венсена и не жалел об этом. Зато редко кто мог с таким правом сказать: «Я знаю Париж!» И это было, пожалуй, единственное, чем Артур гордился. Он знал дом на площади Рояль, где жил поэт Скаррон, и мог показать на площади Вогезов путь, по которому Ришелье пробирался к своей любовнице. Он бывал в катакомбах, он облазил город до самых глухих, никому не ведомых трюбов. Повсюду он имел друзей и знакомых – в сырых подвальных мастерских Бельвилля, в антикварных магазинах, в депо Северной железной дороги, в монмартрских кабачках, за кулисами Оперетты, в грязных мебелированных комнатах Латинского квартала, в Палате депутатов..

Он работал журналистом, но это не было его призванием. Просто он не знал другой работы, которая так же удовлетворяла бы его ненасытное любопытство к жизни.

Он питал глубокое равнодушие к газетной славе, и, наверное, поэтому в журналистских кругах Парижа, полных сплетен, взаимных козней и зависти, имя Артура Демэ пользовалось любовью. Но ни одна редакция не могла удержать его больше полугода. Так же часто любил он менять характер работы: сегодня – судебный репортер, завтра – театральный критик, послезавтра – журналист в Национальном собрании.

Первое серьезное горе он испытал при вступлении пруссаков в Париж. Ему казалось, что он не переживет этого позора. Он был в числе тех, кто настоял на уничтожении Булонского леса, чтобы его не осквернили пруссаки. Он сам рубил прекрасные дубы, кружевные беседки, стрелял лебедей, хохлатых уток на прудах... Когда лес был

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
зажжен, Артур снял шляпу и три часа простоял в толпе на городской стене, потом пошел в кабак и напился до бесчувствия.

Коммуна застала Демэ газетным хроникером у Пиа.

В Лувре перед статуей Венеры Милосской, в залах Микеланджело он впервые увидел синие блузы рабочих, в роскошных галереях Аполлона и Рубенса сияли восторженные глаза, шлепали босыми ногами ребятишки, а их отцы, сняв деревянные сабо, застенчиво ступали по блестящему паркету в шерстяных носках.

Демэ выбрали в мэрию, и он сразу же с головой зарылся в работу, лишь изредка уступая просьбам Пиа урвать минутку – забежать в редакцию.

Сейчас, направляясь в мэрию, он решил заглянуть по дороге в кафе «Кролик-мститель», надеясь застать там Пиа и передать ему заказанную статью.

Перейдя улицу, Артур лукаво подмигнул ржавой облупленной вывеске кафе, – ее вызывающее уродство как бы подчеркивало, что хозяин не зазывает сюда прохожих и даже не желает их посещения. Толкнув ногой дверь, Демэ остановился на пороге сводчатого полутемного зала. Беспочвенно улыбаясь, он с наслаждением вдыхал знакомые запахи кухни, крепкого табачного дыма, свежих газет и винных бочек, покрытых плесенью и землей.

Все по-старому, только над стойкой увитые свежей зеленью портреты Марата, Гарибальди, Гюго и Делеклюза. Их раньше не было. Шутка ли, ведь Артур не заходил сюда с апреля! Работа в мэрии, заседания всяческих комиссий, потом редакция оставляли ему на сон шесть часов в сутки. Оглядывая зал, он испытывал удовольствие, как от встречи с другом, которого давно не видел.

С начала войны «Кролик-мститель» облюбовали журналисты левых газет. С утра до поздней ночи висят под потолком клубы пара и дыма, стреляют пробки, звенит посуда, стуча красными сафьяновыми сапожками, снуют между столиками официантки. Сюда редко заходят посторонние. Каждая газета имеет свой угол. Тут же, на мокром столике, раздвинув кружки, пишут какую-нибудь срочную статью, распределяют хроникеру; встав на стул, что-то читает вслух сегодняшней «гвоздь», сопровождая каждый абзац убийственными замечаниями. Фраза, небрежно брошенная между двумя глотками вина, завтра будет повторяться тысячами читателей, но здесь же можно услышать новости, которые никогда не попадут в газеты.

– Здорово, бурдюки! – крикнул Артур резким голосом уличного парня.

Он сбежал вниз, пожимая протянутые со всех сторон руки, пробираясь к столику Феликса Пиа. Сам хозяин дядюшка Тирден вышел из-за стойки. Он нес бутылку шабли и особый гирденовский салат. Тирден любил Артура за неизменный аппетит, хозяин кафе считал, что главное достоинство всякого журналиста – хороший желудок.

Артуру немедленно сунули в руки последний номер версальского «фигаро».

– Как тебе нравится? – спросил Пиа.

Всю первую страницу газетки занимала цветная карикатура – Домбровский и Врублевский, одетые в зеленые польские мундиры, в высоких меховых папах, стоят на развалинах Парижа и, размахивая вилами, не дают маленькому французу войти в город. Оба они перепачканы кровью, из карманов у них торчали горлышки винных бутылок и пачки немецких денег.

Артур пожал плечами:

– Эти писаки кричат против нас только потому, что мы не платим им, чтобы они кричали за нас.

– Грубо, не правда ли? – воскликнул Феликс Пиа, уловив брезгливую гримасу Демэ.
– Но это пишется не для Парижа, – представьте себе, как эта карикатура действует на крестьян! Не удивительно, что Коммуна не находит отклика в деревне.

– С каких это пор наши крестьяне стали патриотичнее парижан? – немедленно заметил Верморель.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Именно потому, что они менее патриотичны, их восстанавливают против нас всякими Домбровскими, – настаивал Пиа. – Нужно уважать национальные предрассудки.

– Истинный друг нации тот, кто свободен от национальных предрассудков, – отпарировал Верморель.

И спор, прерванный было приходом Артура, разгорелся с новой силой. Одни, во главе с Феликсом Пиа и Жоржем Клеро, известным политическим обозревателем газеты «Экономист», осуждали участие иностранцев в Коммуне, нападая особенно на Домбровского, назначенного недавно главнокомандующим армии Коммуны, другие – их было большинство – поддерживали Огюста Вермореля и Вермеша, редактора популярной газеты «Отец Дюшен», защищавших Домбровского. Артур маленькими глотками тянул вино, забавляясь жеманной жестикуляцией Пиа, остроумными репликами Вермеша, аристократическими манерами Клеро, – словом, всем тем, что давало пищу его наблюдательному, насмешливому уму. Сам предмет спора его интересовал мало.

– Друзья мои, – со снисходительной величавостью сказал Клеро, – Коммуна возникла как движение национально-патриотическое, и участие в ней иностранцев вызывает естественное недоумение. – Он произносил слова медленно, как бы любуясь ими. – Пусть они помогают нам отсюда, – он неопределенно махнул рукой, – из-за границы. («Наверное, он страдает оттого, что не может глядеть себе в рот», – подумал Артур.) Мы должны оставить чистыми наши ряды, если хотим сохранить Францию. Представить только: поляк возглавляет французское патриотическое движение! Когда я думаю об этом, мне делается стыдно. Сердце Европы бьется во Франции, а сердце Франции – в Париже. Поэтому буржуазия всех стран желает уничтожить душу нашего народа, растворить ее в космополитизме.

– Что касается меня, – уже начиная скучать, сказал Артур, – то мою душу можно растворить только в том случае, если Тирден принесет мне стаканчик абсента.

– Ты не разбираешься, где кончается космополитизм и начинается Интернационал. Почему мы должны действовать врозь, если наши враги соединились? – рявкнул Вермеш. – Знаешь ли, куда ты толкаешь иностранцев, Клеро? Черт возьми, к Тьеру! Либо они должны быть с нами, либо с версальцами! Вы боитесь этого, – он ткнул пальцем в карикатуру, – но, клянусь моей лопатой земли на могилу Шибздика, каналы еще больше боятся участия в Коммуне таких, как Домбровский и Дмитриева. Враги проницательней друзей.

Пиа поднялся, поправил тщательно уложенные седые кудри.

– Те иностранцы, которые участвуют в Коммуне по милости нашей неразберихи, – авантюристы. Они иностранцы повсюду, даже у себя на родине. Коммуна для них – мутная водичка...

Верморель стукнул кулаком по столу так, что все кружки подскочили.

– Да как ты смеешь! Эти люди проливают кровь за наше дело! – закричал он.

Все смутились.

– Огюст, будь великодушен, – примирительно заметил Артур. – Пиа достоин всяческого сочувствия, ведь ему чаще других приходится выслушивать свои речи.

Пиа с многозначительной и хитрой гримасой сожаления по адресу Вермореля продолжал как ни в чем не бывало:

– Еще неизвестно, за что они ее проливают. Вот возьмите хотя бы этого поляка Домбровского. – И он эффектно выбросил руку, как будто «этот поляк» находился у него на ладони. – Был осужден за что-то в России, бежал с каторги, шатался по всему свету, потом, говорят, здесь, в Париже, подделывал паспорта и ассигнации. И вот такого человека ставят во главе нашей армии!

– Как будто у нас мало своих авантюристов, – расхохотался Клеро, довольный своей шуткой.

– Это клевета! – заикаясь от волнения, возмутился Верморель.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Армия обожает маленького поляка, – неуверенно поддержал кто-то.

– Черт возьми, лучший судья в этих вопросах – народ! – кричал Вермеш. – Недаром по всему городу расклеены портреты Домбровского: народ не спрашивает, из какой ты страны, – народ спрашивает, что ты делаешь и какую пользу ты приносишь революции.

– Ах, предположим, вы правы, друзья мои, – жеманно заявил Пиа. – Но объясните тогда мне, что привлекает Домбровского к Коммуне? Не все ли равно ему, кто победит – мы или версальцы? Ведь не надеется же он потом с нашей Национальной гвардией освободить свою Польшу? Или ты, может быть, обещал ему это, Верморель? Ведь вы, кажется, друзья?

Верморель с нескрываемым презрением поглядел на Феликса Пиа.

– Да, я горжусь дружбой с Домбровским. Он бесстрашно несет под пулями знамя Интернационала со словами Маркса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» – строго и торжественно сказал Верморель.

«Излишняя высокопарность и заикание мешают ему стать хорошим оратором», – с сожалением отметил про себя Демэ. Но, заговорив о Домбровском, Верморель так воодушевился, что даже привычный ко всему дядюшка Тирден поднял голову и стал прислушиваться.

Верморель всегда поражал Артура своей страстностью. Он ни в чем не терпел равнодушия и был одинаково безудержен и в любви и в ненависти.

Верморель говорил о том, что и раньше лучшие люди мира защищали свободу чужих народов. Байрон погиб, сражаясь в рядах греческих повстанцев, итальянец Гарибальди воевал в Южной Америке за независимость Уругвая, русский Бакунин участвовал в германской революции 1849 года, Гейне помогал французам в 1848 году.

– Но этими благородными людьми двигало сочувствие. Здесь же, в Париже, когда впервые в истории взяли власть рабочие, либералы отвернулись от Коммуны. Только истинные революционеры встали на ее защиту. И первым среди них к нам пришел Домбровский. Он пришел не из сочувствия, он пришел защищать свое дело, свою правду. В этом сила Коммуны, в ее всемирной правде. У Домбровского есть поговорка: «В каждой луже – свое солнце», – продолжал Верморель. – Это удивительно подходит к твоим рассуждениям, гражданин Пиа. Думая о свободе только своей нации, мы смотрим в лужу и надеемся согреться отраженным в ней солнцем. Тьер ненавидит Домбровского больше, чем любого из нас, ибо Домбровский показал, что где бы ни было создано государство рабочих, защищать его должны революционеры всех стран. А что касается его прошлого, то вот... – Он вытащил из внутреннего кармана своего просторного сюртука толстую связку бумаг, обернутую в пергамент, и помахал ею перед носом Пиа. – Здесь документы Домбровского, я взял их у его жены. Хочу написать статью о нем, чтобы опровергнуть клевету версальцев.

– Любые документы можно истолковать по-разному, – недоверчиво пробормотал Пиа.

Лицо Вермореля передернулось.

– Я могу передать их тебе. Пожалуйста, сделай статью.

Клеро, желая сгладить грубость своего приятеля, сказал поспешно:

– Дадим эти документы Артуру. Он беспристрастен. И он напишет.

Артур Демэ воспринял такой неожиданный поворот разговора без всякого удовольствия. Горячая речь Вермореля тронула его, но не убедила. Он был вовсе не беспристрастен. Со времени назначения Домбровского командующим он невзлюбил маленького поляка, рисующегося своим спокойствием. Как будто Коммуна не могла найти француза, способного командовать парижанами!

Артур не успел ничего возразить, – из дальнего темного угла раздался хриплый голос:

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Доблестные рыцари пера и жители трибун, позвольте мне вмешаться.

– Рид, дружище, – засмеялся Артур, – ползи сюда!

На свет вышел обрюзгший пожилой человек с рыжими бакенбардами и сонным лицом. Одной рукой он придерживал у груди стакан и бутылку вина, другой волочил за собой стул.

– Вот я вам сейчас кое-что докажу, – бормотал он.

Роберт Рид, по происхождению шотландец, работал корреспондентом одновременно двух газет, американской и английской. Он жил во Франции уже семнадцать лет, и единственным живым чувством этого флегматичного человека была беззаветная любовь к Парижу.

Влюбленные быстро узнают друг друга. Между Артуром и Ридом царил самая горячая дружба.

Рид уселся верхом на стул и стал шарить у себя по карманам.

– Ага, вот! – Журналист вытащил записную книжку. – Я прочитаю вам отрывок из своей корреспонденции в Лондон. Слушайте! Описание сегодняшнего Парижа я пропускаю... Вот... «Где же находятся, – думал я, – представители Европы и Америки? Возможно ли, чтобы при виде этого потока невинно пролитой крови они не сделали попыток к примирению? Эта мысль была для меня невыносима, и, зная, что американский посланник господин Уошберн в городе, я решил немедленно повидаться с ним... Направившись к Уошберну, я встретил на Елисейских полях множество повозок, переполненных ранеными и умирающими. Снаряды рвались вокруг Триумфальной арки, и к длинному списку жертв Тьера прибавилось еще множество невинных людей... Войдя в комнату секретаря посольства, я спросил господина Уошберна. Обо мне доложили, и я был допущен к посланнику. Он сидел, развалившись в кресле, и читал газету. Я ожидал, что он встанет, но он продолжал сидеть по-прежнему, не выпуская из рук газеты, – поступок крайне грубый в стране, где люди обычно так вежливы. Я сказал господину Уошберну, что с нашей стороны было бы бесчеловечно не добиваться примирения. Удастся нам это сделать или нет – во всяком случае, наш долг попытаться; и момент для этого казался особенно благоприятным, – пруссаки как раз настойчиво требуют от Версаля заключения окончательного договора. „Парижане – бунтовщики, – ответил Уошберн, – пусть они сложат оружие“. Я возразил, что Национальная гвардия имеет законное право носить свое оружие, но что дело не в этом. Когда гуманность поругана, цивилизованный мир имеет право вмешаться. Уошберн фыркнул. „Я прошу вас о сотрудничестве, – продолжал я. – Если версальцы откажутся, моральная ответственность ляжет на них“. Уошберн: „Я этого не нахожу“. Так кончилось наше свидание. Я покинул Уошберна глубоко разочарованный. В его лице я встретил грубого и надменного человека, абсолютно лишённого тех братских чувств, которых можно было бы ожидать от представителя демократической республики».

– Святая наивность! – сказал Верморель, когда Рид окончил.

– Напечатали? – спросил Артур.

Рид печально захлопнул книжку.

– Как бы не так. Я послал это в три лондонские газеты. Ни одна не хочет помещать ни слова правды о Коммуне. Да... добрая старая Англия...

Он торопливо наполнил стакан и выпил залпом.

– Верморель, – сказал вдруг Артур, – давай свои документы о Домбровском!

Артур проводил Рида до его квартиры.

– Цензура меня преследует с пеленок, – бормотал Рид. – Когда потерялась моя метрика, редактор отказался поместить объявление в газете. А этот Уошберн – змея.

– Рид, ты складываешь оружие? – спросил Артур.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– А что я могу с ними поделать?

– Можешь. Тебе надо увидаться с Варленом или с Френкелем.

– Варленом? – переспросил Рид. Он запустил пальцы в свои рыжие щетинистые бакенбарды. Хмель вылетел у него из головы. – Варлен честный парень и светлая голова, но ведь он же член Интернационала!

– Ну и что же? – засмеялся Артур.

Рид прислонился к стене дома.

– А дальше – Маркс, Лондон? Нет, это не для меня...

– Испугался? Эх ты, потомок Робин Гуда!

– Конечно, я полечу со своего места со скоростью пули, – рассуждал сам с собою Рид. – А может, попробовать, а? Интересно... Почему бы не вмешаться. Кто узнает, что ты жил, если ты ни во что никогда не вмешивался...

В дороге

Чем глубже Артур погружался в чтение этих документов, тем больше он восхищался жизнью и мужеством Ярослава Домбровского. Такое чувство было необычайно для скептика Демэ. Теперь он понимал Вермореля и всех, кто близко сталкивался с Домбровским.

Через два дня он возвратил документы Верморелю, сделав выписки для будущей статьи. Некоторые письма, заметки остались непрочитанными потому, что перевод со словарем польских и русских текстов отнимал у Демэ много времени.

Получилась не статья, а что-то непривычное. Эссе? Заготовки романа? Не все ли равно. Удивительная жизнь Домбровского подстегивала воображение. Факты служили Артуру лишь каркасом...

«Ему исполнилось девять лет, и отец отдал его в кадетский корпус.

Мать приехала с мальчиком в Брест-Литовск. Она долго стояла, держа сына за руку, перед длинной красной казармой, где ему предстояло учиться, боязливо разглядывая полосатые будки часовых по углам, глухие железные ворота, узкие грязные окна за толстыми решетками.

...Через несколько дней после определения Ярослава корпус посетил царь. Кадетов выстроили в актовом зале. Ярослав, как самый маленький, стоял последний в шеренге. Его еще не успели остричь – льняные кудри спадали к плечам. Он с интересом смотрел, как царь идет навстречу своему огромному портрету на стене. И вдруг засмеялся.

Оловянные глаза Николая остановились на живом лице мальчика. Царь нагнулся, погладил его по голове, взял на руки, спросил отрывисто: „Фамилия, имя?“ – „Ярослав Домбровский, ваше величество“, – запинаясь, пролепетал ребенок. „Поляк“, – выдавил сквозь зубы Николай. По лицу его внезапно прошла судорога отвращения, он бросил мальчика на пол и быстро, не оглядываясь, зашагал к выходу, брезгливо вытирая руки кружевным платком.

Так окончилась первая встреча Домбровского с царем.

Поляков в корпус принимали неохотно. Их пороли, придираясь к каждому пустяку. Именно здесь самодержавие воспитало в Ярославе Домбровском ненависть к царской России. Вначале он чуждался даже сверстников. Неделями никто не слышал от него слова. Единственными друзьями его стали книги. Урвав свободную минуту, он забирался в библиотеку, где в казенно-одинаковых переплетах скрывались изложенные суровым языком жизнеописания великих полководцев и рассказы об их чудесных подвигах. Александр Македонский и Наполеон скоро оттолкнули его своим честолюбием, его привлекали изящество Тюренна, разносторонность Карно, гениальность Цезаря, но лишь Кутузов и Костюшко приводили его в трепет. Впервые прочитав, как юный Костюшко клялся на мече отца вернуть свободу порабожденной родине, он спрыгнул с лестницы, прислоненной к полкам, и, подняв руку, вызывающе

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru громко прокричал слова клятвы. За это он получил двадцать ударов розгами. Никто не подозревал, что творится в душе ребенка. Вспыльчивость, дерзость и бунт кончались всегда плачевно. Тогда он стал осторожнее и приучил себя к сдержанности. Он тренировал свою волю: вскакивал посреди ночи и бежал босиком в умывальную обливаясь холодной водой, потом ложился в постель, довольный, поджимал застывшие ноги и быстро засыпал. Когда при нем насмеялись над поляками, он уже не бросался на обидчиков с кулаками и не убегал, – он внимательно слушал, не пропуская ни одного слова, и лицо его было непроницаемо.

Вырастая, он стал присматриваться к товарищам. Он подружился с Казимиром Грудзинским. Вокруг них собиралась местная революционная молодежь. Чтобы продолжить военное образование, Домбровский решил перевестись в Константиновский корпус. Он уговорил Казимира, и в 1851 году друзья переехали в столицу, в Санкт-Петербург – воспитанниками лучшего военного училища России.

...Преподаватель математики полковник Петр Лавров, небрежно одетый человек со спутанной бородой, был для них первым русским, любящим поляков и искренне желающим освобождения Польши. Иногда он приглашал их к себе „повечерять“. Здесь они познакомились с Андреем Потемней. Дружба с этим молодым русским офицером многое определила в жизни Домбровского. Через него он сблизился с революционной молодежью столицы; и у тех и у других враг оказался общий – самодержавие.

Через два года Домбровский – прапорщик. Начальство радо отделаться от подозрительного поляка, его сразу посылают на Кавказ – „теплую каторгу“, как тогда называли этот край. С Кавказа редко возвращались живыми.

...Лабинский полк выступает усмирять восстание горцев. Сырые землянки, гнилые болота, малярия, горы, неожиданные обвалы. Ночью дымный костер, чечевичная похлебка, солдатские песни и разговоры о земле, о жадности помещиков, о долгожданной воле. Здесь он учится спокойно слушать свист пули невидимого стрелка, грохот лавины, тревожную мелодию фанфар. Здесь в нем воспитывается быстрота решений и решительность в действии. Этот юноша любит опасность, и смерть упорно уклоняется от встречи с ним. Вскоре ему присваивают звание поручика, награждают орденом святого Станислава.

Друзей у него мало. Большинство офицеров презирали политику и холопов. Они избивали солдат и коротали часы за картами. Лишь некоторые, подобно Домбровскому, задумывались над жизнью. Через десятки руки к ним доходил зачитанный листок „Колокола“ Герцена. Эта газета становится евангелием Домбровского.

Он присматривается к своим солдатам, таким же терпеливым и человечным, как и польские крестьяне. Все мучительней ему участвовать в истреблении горцев, не желающих покоряться царским наместникам. Он отказывается от наград и отличий. При первом удобном случае он подает прошение в Академию Генерального штаба.

Далеко по дороге провожали его солдаты. Полюбили его не только за справедливость, за то, что берег их от глупой пули, защищал от грубости полкового начальства, и за то, что почувствовали в нем товарища.

Шел 1859 год. Карета мчалась мимо горящих усадеб, виселиц, оцепленных казаками деревень. Ключья синего дыма медленно оседали меж белых стволов берез. Бескрайная, обездоленная царем Россия возникла перед ним в алых отсветах крестьянских восстаний. Он чувствовал себя как в Польше. Судьбы обоих народов становились для него более общими, чем цепи, сковавшие их. Русский крестьянин так же требовал воли, так же мечтал о земле...

...Началось брожение и в армии. Офицеры тайком читали Чернышевского, герценовский „Колокол“. Поступив в академию, он вместе с Сераковским, другом Чернышевского, создает польский революционный кружок. Собираются на квартире Домбровского. Беседы с Чернышевским приводят его к мысли – освобождение Польши возможно лишь в союзе с русскими революционерами.

Вскоре во всех военных академиях России возникают подобные же кружки поляков. Они сливаются в одну тайную организацию, руководимую Домбровским.

Учится он блестяще. Мысль о родине, которой понадобятся знания ее сынов в день восстания, не отпускает его ни на минуту. Его не трогает, что русским товарищам,

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru кончившим академию вместе с ним, дали звание капитанов, подполковников, а ему лишь штабс-капитана.

В декабре 1861 года состоялся выпуск. Домбровскому предлагают работу в Генеральном штабе, но он добивается откомандирования в Польшу. Ему удается получить задание от генерал-квартирмейстера Действующей Армии.

Он снова на родине. Теперь нельзя терять ни одного дня. Варшава кипит, о восстании говорят с университетских кафедр, на рынке, в ресторанах...

Домбровского вводят в состав Центрального революционного комитета. Неизвестно, кто дал ему кличку Локоток, но не прошло и двух месяцев, как это имя узнали в мастерских Варшавы, на тайных сходках в Опатовске, Ковно, Замостье. Он обладал многими качествами вождя: способностью быстро оценить ситуацию, военным талантом, неистощимой энергией, хладнокровием и уверенностью в победе.

Через Андрея Потеню и своих друзей: Нарбута, Иванова, Баталова, Константина Крупского[5], капитана Озерова – Домбровский налаживает связь с русским революционным офицерством.

– Наша задача – пропаганда в армии, – говорил Андрей Потеня, – солдаты негодуют по поводу уменьшения порции мяса и хлеба. Начнем с этого.

– Разъясним им, чего хочет польский крестьянин, – говорил Нарбут. – Будем привлекать армию на сторону народа.

Домбровский с радостью видел, что, несмотря на казенную пропаганду ненависти к польским слушателям, солдаты жадно слушали беседы революционных офицеров. Польского и русского крестьянина роднила и тяжкая судьба, и общая мечта о земле и свободе.

– За вашу и нашу свободу! – сливались голоса в ночной тишине казарм, за плотно завешанными окнами офицерских квартир.

– За вашу и нашу свободу! – раздавались клятвы над серебристым блеском скрещенных клинков.

Военная организация крепнет. Почти каждый полк, расквартированный в Польше, имел людей, преданных общему делу. Молодые русские офицеры во главе с Андреем Потеней бесстрашно вступили на путь борьбы с самодержавием.

Центральный Национальный комитет назначил Домбровского комендантом Варшавы. По мере того как обстановка для восстания становилась благоприятной, внутри ЦНК назревал раскол. Спорили о лозунгах восстания. Против России или против царизма? Освобождение Польши или общероссийская революция? Часть членов ЦНК склонялась на сторону „белых“ – помещиков-националистов, требуя присоединить к Польше Украину.

– То есть заменить один гнет другим? – спрашивал их Домбровский. – Украина – это украинский народ. Кто дал нам право распоряжаться его судьбой? Мы не будем свободны, если будем угнетать другой народ.

Его поддерживали наиболее революционные „красные“.

Военные власти, чувствуя напряженное положение, готовились переквартировать полки. Оппозиция в ЦНК усиливалась. Домбровский торопил с восстанием. Он предложил простой и смелый план. Ночью две тысячи повстанцев, вооруженных револьверами и кинжалами, занимают Модлинскую крепость и передают восставшим находящееся там оружие – семьдесят тысяч винтовок. В составе варшавского гарнизона есть учебная рота, где служат члены революционного союза молодые русские офицеры Арнгольдт, Сливицкий и унтер-офицер Ростовский. По сигналу эта рота открывает ворота Варшавской цитадели и пропускает восставших. Общими силами они разоружают гарнизон, овладевают огромным арсеналом крепости. Остальные группы повстанцев захватывают в Варшаве дворец наместника, казармы и возглавляют борьбу рабочих.

Сторонники „белых“ и без того были против союза с русскими, а тут приходилось еще вручать судьбу восстания в руки простых русских солдат.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– А я верю им больше, чем вам, – холодно настаивал Домбровский. – Они идут воевать за Россию без помещиков.

Убежденность „красных“ заставила назначить срок восстания на 26 июля 1862 года.

Вместе с русскими свергнуть самодержавие! В огне польского восстания будут созданы русские революционные войска, они уйдут на свою родину, чтобы начать там революцию, – таков был политический план Домбровского.

Андрей Потебня написал Герцену в Лондон:

„Войско русское готово драться со своими, если бы они вздумали идти против поляков“.

Герцен ответил:

„Мы на стороне поляков потому, что мы русские. Мы хотим независимости Польши, потому что мы хотим свободы России. Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас“.

Но „белые“ поняли, что в огне такого восстания запылали бы и поместья польских магнатов. Решено было любыми способами обезвредить „красных“. Вечером двадцать пятого апреля „белые“ окружили дом, где заседал ЦНК. Угрожая пистолетами, они объявили комитет распущенным и создали новый. Группа Домбровского очутилась в этом комитете в меньшинстве. Устранить самого Домбровского они не решились: он пользовался слишком большой популярностью.

Новый комитет прежде всего отодвинул срок восстания. Напрасно Домбровский доказывал, что подготовить восстание так, как этого хотят „белые“, невозможно, всегда будет чего-то не хватать, в революции самое важное – дерзость и быстрота. Его не слушали.

Русским революционным офицерам с каждым днем все труднее удавалось сохранять конспирацию. Солдаты, возбужденные вольными речами, требовали вооруженного выступления. В такие моменты нет ничего опаснее бездействия.

Однажды ночью, по доносу одного из офицеров, Арнгольдт, Сливицкий и Ростковский были схвачены. Вестовой Сливицкого Щур прибежал в казарму, разбудил роту. Солдаты, не сговариваясь, разобрали ружья, бросились к гауптвахте, связали караул и освободили своих офицеров.

– Бегите! – закричал офицерам Щур.

Офицеры выскочили во двор. В крепости уже трубили тревогу, мелькали огни. Слышна была команда. Гарнизон окружал гауптвахту, преграждая мятежникам выход в город.

– Бегите! – торопили солдаты.

Пользуясь суматохой, еще можно было успеть проскользнуть в темноту. Сливицкий схватил товарищей за руки.

– Их расстреляют. Мы не можем бежать, иначе их расстреляют! – Он показал на солдат. – Их сто человек.

– Нас будут пытаться, – сказал Арнгольдт, – выдержим ли мы, друзья?

Самый молодой, унтер-офицер Ростковский, оскорбленно вздернул голову и тонким срывающимся голосом подал команду.

Рота выстроилась. Цокнули о камни ружейные приклады.

– Братцы, – сказал Сливицкий, – спасибо вам, но нам не пробиться. Нас слишком мало. Троем же нам бежать нельзя, вас погубим. Возвращайтесь в казармы.

– Ваше благородие!.. – крикнул кто-то.

– Слушай! – строго продолжал Сливицкий. – Жизнь наших братьев поляков в ваших руках. Не обесчестите себя. Идите и прощайте, товарищи.

Они вернулись в камеру.

Правительство решило любыми средствами вызнать имена главарей Польского революционного комитета.

Русские офицеры держались героически, угроза смерти не запугала их. Тогда принялись за солдат. Никто из ста человек не проговорился. Всех, кроме Щура, отправили в арестантские роты. Видели, как Щур будил роту, и подозревали, что он знает поляков, входивших в революционный комитет.

Июльским утром на просторном, усыпанном желтым песком плацу Модлинской крепости выстроилась конвойная команда. Солдаты стояли в две шеренги, друг против друга, сжимая в руках вместо ружей длинные гибкие прутья. Скрипя отворились глухие железные ворота, и на плац вывели молодого солдата. Он был без ремня, с непокрытой головой. Ветер вздувал пузырем его белую рубаху. Полковой писарь зачитал приговор: „Рядового Щура лишить медали в память минувшей войны, воинского звания и всех прав состояния, наказать шпицрутенами через сто человек шесть раз и сослать на каторжную работу в рудниках на двенадцать лет“. Последние слова он произнес скороговоркой, понимая, что бессмысленно везти на каторгу труп. Самые крепкие не выдерживали больше трехсот ударов. В приказе была оговорка: „Если во время наказания рядовой Щур захочет признаться, битье прекратить, а коли Щур скажет правду на тех поляков, кои в заговоре состоят, то и вовсе его помиловать“.

„Те поляки“ – Домбровский и Сигизмунд Сераковский – стояли поодаль на валу; жестокий долг привел их сюда. Если Щур не выдержит, проговорится, то они успеют незаметно скрыться, чтобы предупредить товарищей и спасти организацию от разгрома. До сих пор на следствии их имен никто не назвал. Они могли, не вызывая подозрения, свободно присутствовать при казни. За подъемным мостом их ждали оседланные лошади.

Конвоиры сорвали с Щура рубаху, привязали руки к ружейным прикладам. На шее, на кистях рук солдата темнели смуглые полосы загара, за ними тело было розовое, по-юношески угловатое.

Глухо ударили барабаны, и флейты исступленно засвистели тупой и бедный мотив. Стая галок вылетела из-под облупленных карнизов каземата, испуганно закружилась над плацом.

Щур поднял белое лицо, вздохнул всей грудью и вступил в страшный коридор. От первого удара он вскрикнул, и этот грудной человеческий голос, исполненный гнева, боли, стыда, донесся к Ярославу сквозь визгливую деревянную мелодию флейт и барабанов. Тонкий злой шрам, вспыхнув, перечеркнул спину осужденного. Конвоиры потянули ружья, и, чтобы не упасть, Щур опять ступил вперед и пошел уже молча, только крупно вздрагивал от каждого удара.

– Я не вынесу, – пробормотал Сераковский. Губы его тряслись.

– Я тоже, – сказал Ярослав.

Стараясь не глядеть на плац, сбивчиво, теряя всякую осторожность, Сераковский твердил:

– Я спущусь сейчас к ним... Приму все на себя... Ты оставайся, а я пойду. Иначе я сойду с ума!

– А восстание? – не поворачивая головы, спросил Домбровский. Он положил руку на горячую от солнца кобуру. – Если ты сделаешь хоть шаг, я застрелю тебя.

Лицо его одеревенело, подобно лицам солдат, стоявших в строю. И, так же как у них, крупные капли пота текли по его вискам и высыхали под солнцем, от которого ему было холодно до озноба.

Сераковский сбежал вниз, сел на камень по ту сторону вала, зажал уши. Ярослав остался. Он должен был выстоять до конца. Не ради своей безопасности, но для того, чтобы вовремя скрыться, – решалась судьба восстания.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Падая, спотыкаясь, Щур шел вперед. Иногда он поворачивал лицо в сторону свистящих розог, и Домбровский видел перекошенный мукой рот и пепельные навывкате глаза.

После первой сотни ударов офицер, командующий на плацу, поднял руку. Оборвался дрожащий вопль флейт. Щур бессильно повис на прикладах, спина его превратилась во что-то рваное, мокрое, красное. Офицер наклонился к нему и о чем-то спросил. Домбровский сделал шаг назад, к самому скату насыпи.

Сераковский, пораженный тишиной, хотел было подняться на вал, но Ярослав подал ему знак вернуться.

– Ничего я не знаю, ваше высокоблагородие, – натужно простонал Щур.

Взмах руки в светлой лайковой перчатке – и снова веселая дробь барабана, хлюпающие удары влажных от крови розог. Щур терял сознание, его отливали водой и продолжали тащить сквозь строй. На желтом песке между шеренгами все шире проступала темная от крови дорожка. По ней волокли тело солдата. Барабаны все еще били, пиликали флейты. Домбровский, сгорбясь, стоял на валу. Тень от козырька закрывала его глаза.

Щур умер под розгами, никого не выдав.

Тело его положили на шинель и унесли. Плац опустел. Сняв каску, Домбровский подошел к месту казни. Он нагнулся, взял щепотку намокшего в крови тяжелого песка...

Во рву Новогеоргиевской крепости расстреляли Арнгольда, Сливицкого и Ростковского.

Военные власти спешно сменяли полки. Полиция арестовывала всех сколько-нибудь подозрительных.

Варшава была на военном положении – городские сады, площади заняты войсками. Повсюду белели лагерные палатки. На перекрестках улиц стояли пушки. Мимо окон квартиры Домбровского днем и ночью шагали патрули.

Самое главное для конспиратора – умение видеть себя со стороны. Домбровский владел им в совершенстве. Молодой блестящий штабс-капитан, занятый своей внешностью и романами с варшавскими красотками, не возбуждал подозрений у жандармов.

Провал группы Сливицкого нарушал весь план восстания. „Белые“ радовались: восстание придется отложить.

– Русские теперь не в силах поддержать нас, – лицемерно вздыхали они. – Надо ориентироваться на Запад, на Европу.

Домбровский отвечал делом. Он привел на заседание ЦНК двадцать русских офицеров.

– Мы ручаемся за свои батальоны, – заявил Андрей Потеня.

– Поверьте, друзья, мы ненавидим самодержавие больше вашего, – сказал русский офицер Нарбут, старый товарищ Ярослава по Кавказу.

На заседании присутствовали участковые представители рабочих и ремесленников Варшавы. Они потребовали:

действовать в союзе с русскими;

ускорить срок восстания;

Домбровскому возглавить Центральный Национальный комитет.

Большинством голосов комитет отклонил их требования.

Граф Замойский торжествующе посмотрел на Домбровского.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Ну-с, ваши господа русские офицеры свободны.

Русские встали, с ними поднялся Домбровский, за ним – его друзья, один за другим встали участковые представители.

Может быть, здесь Ярослав впервые понял: есть враги, которые говорят по-польски, фамилии польские, а они враги, такие же опасные, непримиримые, как русские жандармы.

Всю жизнь человек освобождается от иллюзий. Неправдой оказалась ненависть русского народа к полякам, неправда и разговоры о единстве всех поляков.

Ну что ж, мы уходим, – сказал Домбровский, – мы уходим вместе с русскими, мы сами поднимем восстание, но вас там уже не будет.

Он не подчинился решению комитета лжереволюционеров и националистов и продолжал готовить восстание.

Он был как дерево, которое тем быстрее растет, чем больше рубят у него ветвей.

Остановить Домбровского мог лишь арест. И его арестовали. Мысль о том, что его выдали „белые“, была слишком омерзительна, но ведь они ликуют: „красное чудовище“ лишилось головы!

На суде Домбровский искусно защищался, военный суд вынужден был его оправдать. Наместник царя в Польше граф Федор Федорович Берг, добродушно кивая седой головой, прочел приговор и не спеша начертал резолюцию, отнюдь не утверждающую.

– Торопитесь, все торопитесь, молодость безрассудная, – произнес он своим знаменитым шелковым голосом.

– Никак нет, ваше сиятельство, – попробовал оправдаться военный прокурор, – мы не располагаем достаточным материалом.

Берг славился своей сентиментальностью и тактичностью.

– Вижу, дорогой прокурор, вам милее роль адвоката, вздохнул он. – Поверьте моему опыту, Домбровского выпускать нельзя, молодому человеку будет куда полезнее пересидеть это смутное время в нашей тихой цитадели. А тем временем, может быть, кое-что и выяснится. Итак, дело Домбровского повелеваю приостановить.

Шли месяцы. Квадратик неба, переплетенный решеткой, потемнел, закрылся снеговыми тучами. К утру серые стены покрывались инеем. Домбровский часами, пока хватало сил, бегал по камере, чтобы согреться. Его лишили прогулки, не давали книг, не давали бумаги.

Однажды его вызвали на свидание с невестой. Он чуть было не выдал себя от удивления, никакой невесты у него не было.

В сборной, за двумя проволочными сетками, он увидел Пели Згличинскую. Она торопливо, беспокойно улыбалась ему. С этой девушкой он познакомился по приезду в Варшаву. Она работала в революционной организации. Когда произошел раскол в ЦНК, Пели стала на сторону Домбровского и его товарищей.

Ярослава задевало, что его личность не играла в ее решении никакой роли. Лично он ее не интересовал, он мог быть старым, уродливым, его вообще могло и не быть, и ничего, казалось ему, в поведении этой строгой красивой девушки не изменилось бы.

Однажды они задержались в комитете, и он проводил ее домой.

В тени бульвара он остановил ее.

– Пели, спору, что вы не помните, какого цвета у меня глаза.

Она пренебрежительно рассмеялась:

– Никогда не интересовалась.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Я так и думал, – спокойно согласился он и вдруг крепко взял ее за плечи, притянул к себе и поцеловал. Пели топнула ногой. Самоуверенный наглец, она считала его революционером, а он вот какой... Ловелас. Гусарские замашки...

– Лучше, чтобы вы сердились на меня, чем вовсе бы не замечали, – сказал Ярослав.

А теперь этот фат, щеголь, гусар стоял перед ней в длинном грязном арестантском халате, распухшие пальцы вцепились в проволочную сетку. Глаза его сияли.

Пели направили сюда товарищи. Чтобы добиться свидания, она вынуждена была назвать себя невестой Домбровского. Одна мать божья знала, сколько стыда пережила она, решившись на это. А сейчас, когда она увидела Домбровского, ей вдруг стало все равно – глубокая нежность заполнила ее сердце.

– У вас синие-пресиние глаза, – сказала она.

Смотритель встал между ними.

– Условный язык запрещается!

Вести с воли были неутешительны. Восстание откладывалось. Таяли силы русского офицерского союза. Не хватало военных руководителей. С помощью Пели Ярослав переправил в ЦНК новый план восстания.

В эти дни Домбровский получил записку от Андрея Потebни. Расправив свернутую трубочкой папиросную бумагу, он с трудом разбирал в полутьме камеры мелкие буквы.

Потebня и его друзья мучительно переживали свое положение. „Белые“ отказались от помощи русских офицеров, они порвали все связи с ними. Что делать? Драться против своих русских солдат, рядом с „белыми“, которые ненавидели русский народ? Перейти на сторону тех, кто отталкивает тебя? Остаться на стороне самодержавия, помогать царю душиТЬ польскую революцию?

„...Какой позор ляжет на имя русское, если в войсках не найдется ни одного смелого голоса, ни одного подвига, а только палачество да палачество“, – писал Потebня.

Он привез из Лондона письмо Герцена и Огарева к русским офицерам в Польше: „Друзья, с глубокой любовью, с глубокой грустью прощаемся мы с вашим другом, который скоро присоединится к вам. Мы отлично понимаем, что для нас невозможно не принять участия в восстании, вы должны это сделать как искупление. Вы не можете, не протестуя, позволить раздавить Польшу... Положение ваше трагическое и безвыходное. Мы не предвидим ни одного шанса на успех... Но Польша подымает наше социалистическое знамя, наше знамя земли и воли; вы же, дорогие друзья, вы еще слишком слабы, чтобы сделать это!“

Домбровский метался по камере... „Белые“ тушили пожар восстания. Они отталкивали русских, которые любили Польшу больше, чем все эти Замоиские...

Собственная судьба казалась ему менее тяжелой, чем судьба Потebни и других русских офицеров. Но так казалось ему до того зимнего ясного дня, когда вместе с рассветом в камеру проникли звуки набата. Гудели все колокола Варшавы.

Восстание началось.

– Дорогой Локоток, несмотря ни на что, мы примкнули к восставшим, – сообщал Домбровскому Владимир Озеров.

Это была последняя весть с воли. Затем всякая связь оборвалась. Ярослав томился в неизвестности.

Единственное, что знал он твердо, – „белые“, захватив руководство восстанием, сделают все, чтобы оно не превратилось в революцию.

Он предпринимает отчаянную попытку бежать. Ночью он раздевается догола и ложится на промерзший каменный пол. На следующий день его уносят в тюремный госпиталь с воспалением легких. Вместе с группой заключенных он должен был разоружить

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru наружную охрану и бежать. С воли Казимир Грудзинский и Пели посылают ему через врача деньги и оружие.

В последнюю минуту Домбровского предали.

Его заточают в секретный каземат. Гнев и ненависть выжгли его болезнь. Он выздоровел. Руки его свободно гнут железные перекладки кровати. Он чувствует себя полным сил.

В темноте сырого вонючего каземата созревала его мысль, спадала шелуха прошлых заблуждений.

Но к чему были его сила и знания в этой каменной коробке? Он мечтал получить свою долю в сражении, бушевавшем там, за стенами цитадели, а его окружало нерушимое безмолвие. Тюремщики не подозревали, какие мучения испытывал их молчаливый спокойный узник.

Его больше не вызывали на допросы, о нем забыли. И это было самой тяжелой пыткой. Он глохнул, он сходил с ума от этой мертвенной тишины каземата. Как идет восстание? Что творится на воле? Ничего он не знал. Пятнадцать месяцев абсолютной каменной тишины.

А между тем восстание перекинулось в Литву и Белоруссию. На Украине, в Белоруссии шляхта делала все возможное, чтобы не допустить выступления крестьян. Александр II издал манифест, суля амнистию тем, кто сложит оружие. Английские и французские дипломаты вместо обещанной помощи повстанцам вели в Петербурге переговоры с царем.

Подавить восстание был послан тот самый Муравьев, который увековечил себя как Муравьев-вешатель. Распри внутри Центрального Национального комитета лишали восстание единого руководства. Отряды действовали разрозненно. Среди низкорослых болотистых лесов Полесья сражались отряды Кастуся Калиновского. Литовскими повстанцами командовал друг Ярослава Сигизмунд Сераковский. Чернышевский, их учитель, их надежда, был брошен в Петропавловскую крепость.

В мае тяжело раненный под городом Биржай Сераковский был взят в плен.

На западный берег Буга отступил Валерий Врублевский. Отряды молодого учителя лесной школы дрались до последнего патрона, до последнего человека. В течение всей зимы среди лесных хуторов Залесья не затихали бои. Рядом с Врублевским в уланском мундире Астраханского полка сражался Владимир Озеров. Одним из отрядов Врублевского командовал казак Подхалюзин; поляки прозвали его Ураган за лихой посвист, с которым он налетал на карательные войска.

...Ничего этого не знал Ярослав. В тупом безмолвии вспыхивали и гасли дни. Серая тень решетки появлялась на низком каменном своде, спускалась к дверям, ползла по плитам пола и таяла в вечерних сумерках.

Наконец один из пленных повстанцев проговорился на допросе о деятельности Домбровского. Повод для смертного приговора был найден.

...Начальник тюрьмы изумленно смотрел на посетительницу. Красивая, со вкусом одетая девушка, из хорошей семьи – и вдруг такая странная просьба.

– Пани Згличинская, – строго спросил он, – вам известно, какой приговор грозит вашему жениху?

Пели молча кивнула. Густо припудренное лицо не могло скрыть следов слез. Красные веки нервно вздрагивали. Припухшие губы были плотно сжаты.

– Вам известно, что жена казненного государственного преступника пожизненно ссылается в глубь империи?

– Мне все известно. И я прошу вас... Впрочем, тут нечего просить. Даже ваши законы не могут помешать мне. Я требую немедленно повенчать нас.

...Может быть, она надеется смягчить этим приговор? Бесполезно.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Или, чего доброго, устроить побег? Все бесполезно. Венчание произойдет в тюремном костеле.

Пели соглашалась на любые условия.

Начальник тюрьмы пожал плечами.

– Ну что ж, пани невеста, завтра в полдень вы станете женой смертника.

Она встала. Тюремщик почувствовал невольное уважение к этой девушке. Провожая ее до дверей, он не удержался – спросил:

– Простите меня за нескромность, зачем вы губите свою жизнь? Вы молоды, красивы...

Она ответила не оборачиваясь:

– Вам не понять этого, пан начальник тюрьмы.

Но не только начальник тюрьмы – никто из близких не понимал решения Пели Згличинской.

В унылой следственной комнате, под портретом царя, ксендз благословил их. Кругом стояли родные и гости. У входа топтались караульные. Гроыхали железные двери.

Взявшись за руки, молодые подошли к черному распятию.

О чем думал Домбровский в эти минуты? На что надеялся он, осужденный на смерть? Зачем согласился он принять эту жертву?»

...Когда Артур Демэ попробовал написать об этом, он почувствовал свое бессилие.

Душой он догадывался и понимал – Домбровский и Пели были движимы верой в бессмертие любви, торжество духа над смертью, бросали вызов врагам. Но Артур был всего-навсего журналист, а здесь нужен талант писателя. Газетная бойкот пера мешала, он не знал, как передать свои размышления и чувства.

Отступить было некуда. Взвалив себе на плечи эту тяжесть, он обязан идти до конца. Он был в долгу перед Коммуной и перед ее врагами.

«...Русские друзья добились пересмотра приговора Домбровскому. Улики были слишком ничтожны. Граф Берг, снова вздыхая, заменил смерть пятнадцатилетней каторгой.

Восстание было разгромлено. Сераковский повешен. Кастусь Калиновский повешен. Падлевский расстрелян. Андрей Потеня погиб в сражении под Песчаной Горой. Казнен Ураган. Убит в бою Нарбут. Тяжело раненный Врублевский несколько дней полз по снегу в лесу, крестьяне спрятали его и переправили за границу. Где-то в лесах скрывался Казимир Грудзинский. Пели была выслана в глухой русский городок Ардатов.

После суда, возвратясь к себе в камеру, Ярослав написал во всю стену:
„Угнетенные не имеют права падать духом!“

Изо дня в день он выцарапывал буквы все глубже, пока слова не стали как бы высеченными на сером камне.

В Москве, по дороге на Колымажий двор, в пересыльную тюрьму, их сопровождала толпа молодежи. Не обращая внимания на угрозы жандармов, юноши и девушки кричали ссыльным:

– Да здравствует свободная Польша!

– Польша погибла, – пробормотал арестант, шедший рядом с Домбровским.

– Нет, погибли наши надежды на шляхту и на Запад, – отозвался Домбровский.

Рядом с цепью жандармов, приветствуя арестантов, шли русские юноши и девушки.
„Вот кто с нами, – думал Домбровский. – Это они в Петербурге, на Сенной площади, бросали цветы к ногам Чернышевского, привязанного к позорному столбу. Они

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
встанут на место Потемки и Нарбута. Они помогут Польше“.

В пересыльной тюрьме Домбровский был одним из немногих, кто думал о борьбе. Кругом раздавались жалобы, шли томительные пересуды о причинах разгрома. Домбровский молчал, когда другие спорили, и действовал, когда другие малодушничили. Не возвращаются только мертвые, он был жив – значит, борьба продолжалась.

Через несколько дней ссыльных должны были заковать в кандалы и погнать по этапу в Сибирь.

По утрам на тюремный двор приходили торговки продавать всякую снедь полуголодным арестантам. С одной из женщин Домбровский познакомился. Несколько украдкой брошенных фраз. Может быть, отчаянность замысла содействовала этой поразительной удаче. Накануне арестантов обрили наголо. Назавтра торговка принесла в корзине женскую одежду. Каким-то образом Домбровский ухитрился переодеться и вышел через ворота тюрьмы с толпой женщин. Она предложила Домбровскому укрыться у нее дома, но Ярослав отказался, – он не мог подвергать ее риску. Кто была эта пожилая русская женщина, которая, пренебрегая опасностью, помогла бежать „врагу отечества“, как называли тогда польских повстанцев?

И вот он идет, закутав лицо платком, неумело поддерживая юбку, по заснеженным улицам Москвы. У него не было знакомых в Москве. Бежать из тюрьмы оказалось еще не самым трудным. Возле крыльца какой-то лавки стояли пьяные молодые приказчики. Один из них, широко расставив руки, пошел навстречу Домбровскому, напевая:

Я поймал тебя, красотка,
И теперь не отпущу!

В узком переулочке не разминуться. Домбровский повернул назад, но запутался в юбке, упал, парень схватил его за полу тулупчика. Домбровский, изловчившись, ударил его головой в живот и, подобрав юбку, пустился бежать, мелькая полосатыми арестантскими брюками. Сзади долго еще раздавались свист, улюлюканье, крики...

Наступали быстрые зимние сумерки. Домбровский не мог даже ни с кем заговорить – резкий польский акцент сразу бы выдал его. Избегая полицейских и будочников, он шел, выбирая самые глухие закоулки московской окраины. Темные улочки кутались в снежные сугробы, скрипели деревянные мостки. Цветы, как кумушки, выглядывали из тусклых окошечек.

Изнемогая от усталости, Домбровский повалился на какую-то скамью.

Что бы вы делали на его месте? Домбровский любил называть себя фаталистом, но редко кто мог так смело распорядиться своей судьбой, как он.

Послышались шаги. В темноте блеснули серебряные пуговицы форменной студенческой шинели. Мимо шел, подняв воротник, студент Московского университета.

Домбровский остановил его и, не дав времени опомниться, рассказал всю свою историю. И еще раз судьба улыбнулась ему: студент оказался народовольцем. Домбровский скрывался у него несколько дней, пока налаживалась связь с Петербургом.

На следующий день после побега в Москву пришла телеграмма из Варшавы от самого наместника. Он приказывал немедленно переправить Домбровского в Варшаву. Арестованный член ЦНК Авейде, чтобы сохранить себе жизнь, выдал Домбровского. Роль вождя „красных“ полностью раскрылась перед властями.

Посреди Александровской площади в Варшаве плотники уже сколачивали виселицу, когда из Москвы пришел ответ – Домбровский бежал.

Домашний врач поставил графу Бергу пивавки. Лежа в креслах, Берг лично инструктировал сыщиков. Он посылал их в Москву, семь человек, не доверяя московской полиции. За поимку Домбровского была обещана крупная награда. Редактор „Московских ведомостей“ Катков с апломбом лакея из хорошего дома уверял читателей, что не пройдет и недели, как Домбровский будет схвачен.

Друзья уговаривали Домбровского немедленно переправиться через границу. Прежде чем уехать, он решил восстановить нарушенные связи между польскими и русскими

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
кружками.

И потом... он не мог покинуть Пели.

Чтобы сбить с толку полицию, друзья послали письмо в Ардатов:

„Уважаемая госпожа Домбровская, по просьбе Вашего мужа заверяю Вас, что он, вырвавшись из рук палачей, благополучно уехал за границу“.

Разумеется, полиция перехватила письмо, и поиски Домбровского прекратились...

Понадобилось несколько месяцев, пока удалось установить тайную связь с Пели.

Домбровский не терял времени даром. Следовало обеспечить себе свободу передвижения. Нафабранные бакенбарды неузнаваемо изменили его молодое лицо. Он научился разговаривать с резким немецким акцентом, шумно нюхать табак и самодовольно протягивать пышную визитную карточку: „Фон Рихтер, полковник в отставке“.

В рождественскую ночь на тайном петербургском собрании в память восстания декабристов в числе других ораторов был Домбровский. Даже подполковник Ткачев не узнал в этом сутуловатом красноносом немце своего товарища по академии.

Опираясь на суковатую с серебряной монограммой палку, фон Рихтер говорил о дружбе польского и русского народов.

– Выходы ее, посеянные Герценом и Чернышевским, политые кровью Потемни, Сливицкого, Нарбута, – взмоли! И нет силы, чтобы уничтожить их!..

Студенты и офицеры, чиновники и журналисты – все, кто были в зале, поднялись со своих мест.

Печальная и светлая сила была в их молчании.

Хмурым апрельским утром из Сараевской пустыни, верстах в тридцати от Ардатова, выехал побывавший на богомолье купец. В Ардатове он сменил лошадей и на рассвете отправился дальше. По размытой глинистой дороге лошади тащились с трудом. Накрапывало. Купец беспокойно высовывался, выглядывая то на одну, то на другую сторону дороги.

Отъехав версты три, нагнали богомолку. Не поймешь, старая или молодая, черный платок надвинут на глаза, в руках посошок, за плечами котомка.

Купец окликнул ее, богомолка запричитала – ноги болят шагать до Симбирска, не подвезут ли люди добрые. Ямщик заругался, да купец уговорил, угостил водкой из походной баклажки.

Как потом показал ямщик на допросе в жандармском управлении, богомолку посадили в коляску и повезли до села Павлова, на берегу Волги, а там и купец и она сели на пароход.

Через три дня на перроне Николаевского вокзала Ярослав встречал Пели. Она вышла из московского поезда под руку с Озеровым. Вместо купеческой короткой поддевки на нем было светлое щегольское пальто. Приподняв цилиндр, он, по привычке щелкнув каблуками, представил свою спутницу, зябко кутавшуюся в меховую накидку, полковнику фон Рихтеру.

Бегство Пели организовал тот самый Владимир Озеров, который сражался вместе с Врублевским, а пять лет спустя участвовал с Бакуниным в Лионской Коммуне и после неудачи восстания освободил Бакунина и помог ему скрыться.

Прошло два месяца. Июньской белой ночью английский пароход „Неман“ отчалил от Кронштадтской пристани.

Ярослав и Пели поднялись на палубу. Кронштадт медленно уходил в белесый сумрак, сливаясь с очертаниями далекого Петербурга. Дрожащая дымка, легкая, как дыхание спящего, поднималась над золотыми шпилями, колокольнями церквей, над острым

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
профилем города.

От кормы бежала тугая волна, раскачивала раскиданные по глади залива смоленые
рыбачьи парусники.

Белое небо поднималось все выше.

Пели и Ярослав смотрели назад до тех пор, пока хватило глаз различить узкую
полоску земли, зажатую между небом и морем.

Из Стокгольма Домбровский отправил письмо редактору „Московских ведомостей“
Каткову. Это письмо напечатал Герцен в „Колоколе“.

„Милостивый государь, в одном из номеров „Московских ведомостей“ вы, извещая о
моем бегстве, выразили надежду, что я буду немедленно пойман, ибо не найду
убежища в России. Такое незнание своего отечества в публицисте, признаюсь вам,
поразило меня удивлением. Я тогда же хотел сообщить вам, что надежды ваши
неосновательны, но меня удержало желание фактически доказать все ничтожество
правительства, которому вы удивляетесь по крайней мере публично. Благодаря моему
воспитанию, благодаря людям, которых вы считали врагами России, а я ее
гордостью, я, хотя и иностранец, – знаю Россию лучше вас. Я так мало опасался
всевозможных ваших полиций: тайных, явных и литературных, что (отдаю при этом
полное уважение вашим полицейским способностям) был, однако, долго вашим соседом
и видел вас очень часто. Через неделю после побега я мог отправиться за границу,
но мне нужно было остаться в России, и я остался. Обстоятельства заставили меня
посетить несколько виднейших русских городов, в путешествиях я не встречал ни
малейшего препятствия. Наконец, устроив все, что было нужно, я решил отправиться
за границу с моей женой. Хотя она была в руках ваших сотрудников по части
просвещения России, исполнение моего намерения не встретило никаких затруднений.
Словом, в продолжение моего шестимесячного пребывания в России я всегда встречал
сочувствие и помощь русских людей и на деле доказал кое-кому из сомневающихся
русских патриотов, что в России при некоторой энергии можно по-прежнему работать
на дело свободы.

Только желание показать всем, как вообще несостоятельны ваши приговоры,
заставляет меня писать к человеку, старавшемуся разжечь вражду между нашими
народами, опозорившему свое имя ликованием над убийствами, запятнавшему себя
ложью и клеветой. Но, решившись на шаг, столь для меня неприятный, не могу не
выразить здесь презрения, которое внушают всем честным людям жалкие усилия ваши
и вам подобных к поддержанию невежества и насилия“.

Лучшими своими делами и самой жизнью он был обязан русским. Чернышевский, Щур,
солдаты Лабинского полка, Потеня, Озеров, Герцен – как вехи вставали они на
решающих поворотах его судьбы. Они научили его распознавать друзей среди врагов
и врагов среди соотечественников.

Самые прекрасные майские песни сочиняют студеной зимой, так и любовь к отечеству
сильнее жжет на чужбине.

Домбровский приехал в Париж.

Тяжелы ступени чужого крыльца, и горек хлеб изгнания.

Домбровский создает в Париже левое объединение польской эмиграции. Чтобы как-то
обеспечить семью, пришлось поступить работать рисовальщиком в Бюро
Трансатлантической компании.

Царская полиция плетет вокруг Домбровского паутину интриг, добываясь у
французских властей его выдачи.

В 1867 году Домбровский уезжает в Италию к Гарибальди. Эта встреча стала
знаменательной для обоих, оба они были, как говорил о себе Робеспьер, „рабами
свободы своей родины“. Для великого итальянца Домбровский явился живым
воплощением интернационализма...»

У Артура Демэ осталось несколько документов, несколько неразобранных записей в
блокноте – несколько лет жизни Домбровского.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Вот отзыв известного немецкого полководца Мольтке о книге Домбровского «Критический очерк войны 1866 года в Германии и Италии»:

«Польша имеет соотечественника, способности которого приносят честь польскому народу. Это – Домбровский. Я прочел его книгу – это наилучшая работа о последней войне».

Цитата из книги Домбровского:

«...И косы становятся страшным оружием, когда они в руках революционных войск».

Воззвание в период осады Парижа пруссаками:

«...Мы организуем легион защиты Парижа, нас 300 поляков, желающих служить делу Французской республики, дайте нам коней, саблю, карабин и позвольте действовать в тылу пруссаков. Мы верим, что дело Парижа не проиграно, Франция имеет за что бороться!»

Ярослав Домбровский»

Вырезка из газеты – письмо жены Домбровского к генералу Трошю:

«...Вы арестовали моего мужа за то, что он критиковал ваши трусливые предательские действия...»

Телеграмма Гарибальди к главе правительства Гамбетте:

«Ярослав Домбровский мне необходим. Он назначен командиром легиона, идущего на помощь Парижу. Помогите переправиться ему воздушным шаром из Парижа.

Гарибальди».

Письмо Домбровского жене из Лиона накануне Коммуны:

«Мне очень не нравится то, что я вижу... Правительство предает Республику на каждом шагу. Я чувствую себя сломленным той страшной драмой, в которой народ, полный самоотверженности, способный сам по себе принести Европе мир и свободу, этот народ деморализован и постыдно продан горсткой растяп и негодяев».

Тихо шипел газовый рожок. На его мутный свет летели из тьмы раскрытого окна желтые ночные мотыльки.

«Ложное солнце, – подумал Артур. – Как часто и люди до самой смерти не замечают, что они живут при свете фальшивого солнца».

Он поднялся, разогнул онемевшую спину и, потягиваясь, подошел к распахнутому окну.

Грифельно-серые волны крыш подкатывались к мансарде. С новым чувством смотрел он на разорванную колокольнями, башнями линию горизонта, словно мореплаватель, увидевший чужие берега. Мир его, кончавшийся предместьями Парижа, стремительно расширялся.

И впервые пришла в голову мысль о прожитых годах. Какими пустыми оказались они при встрече с жизнью настоящей человека. Все свои сознательные годы он жил свидетелем. Зачем он жил? Для того чтобы сообщать новые закулисные сплетни или про очередное убийство в кабачке «Ню-ню»? Он тратил свою злобу на рецензии и восторги на описание сенжерменских балов.

Все это не стоило одного месяца жизни Домбровского. Артур шел сквозь годы своей легкой, фланирующей походкой, с любопытством оглядываясь по сторонам, и чувствовал себя счастливым. При всяком образе жизни можно чувствовать себя счастливым или несчастным. Все те, кого считали «преуспевающими», выбрали себе удобное безопасное счастье. Вкусный обед, собственный дом... Почему же Домбровский отказался от этого? И Артуру вспомнились имена Марата, Бланки, Герцена и еще сотен и сотен людей, чей прямой и непримиримый жизненный путь проходил через тюрьмы, страдания, нищету. Что двигало ими, что получали они взамен? Счастье борьбы за свободу? А может, и саму свободу, потому что тот, кто борется, тот свободен? Но были ли они счастливы? Все равно он завидовал судьбе этих известных

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru и безвестных борцов. Точно с высокой горы оглянулся он на мир своих прежних интересов. Жизнь нельзя начинать сначала, ее можно только продолжать. И он знал, что будет продолжать ее иначе, потому что это было не просто желание, он понял, ради чего стоит жить и бороться.

Возвращение Руляка

Наконец сам командир, капитан Нерваль, смог убедиться, что Луи Руляк из Бельвилля действительно трус.

Утром Руляк был назначен подносчиком патронов. Получив на складе первый ящик с патронами, он стал пробираться назад, вдоль домов предместья. Здесь было тихо, но он поминутно останавливался и, прижавшись к стене, оглядывался вокруг. Потом он начинал двигаться дальше, с ненавистью и страхом поглядывая на обшитый железом ящик, и бормотал про себя: «Если попадет пуля... это взорвется у меня в руках». То и дело путь ему преграждали горы щебня, обломков, балок, камней. Над полуразрушенными домами чернели ребра стропил.

Неожиданно где-то наверху фистулой пискнула случайно залетевшая пуля, чиркнула о стену, отлетела рикошетом и закопалась в кучу извести, взметнув белое облачко. Руляк вскрикнул, выронил ящик, бегом кинулся к редуту.

Пришлось капитану Нервалю послать людей разыскивать ящик и выделить нового подносчика.

В 128-м стрелковом, одном из лучших батальонов Коммуны, – трус!

Три года тому назад Луи поступил учеником к мебельщику Кодэ, известному в Париже мастеру-художнику. И хотя вначале Кодэ сердил медлительность Луи, он заметил в пареньке упрямство, а потом и любовь к делу и оставил его в мастерской. К Коммуне Луи отнесся равнодушно. Мастерская в это время получила срочный заказ. Луи, возвращаясь домой к ночи, ужинал и сразу валился в постель.

Когда Тьер, собрав полуторастотысячную армию, начал осаждать свободный Париж, Коммуна объявила мобилизацию всех граждан от 17 до 35 лет.

Но какое было дело Луи до версальцев или до коммунаров? Пускай дерутся, бездельники. Он твердо решил стать таким же мастером, как Кодэ, и никто не имел права мешать ему. Он должен работать: дома все заложено в ломбард, хозяин грозит выгнать из квартиры, а ведь Луи содержал мать и сестренку! И лишь когда мать пристыдила его, он явился в мэрию.

В батальоне Луи мало с кем разговаривал, не умел отвечать на шутки товарищей. Он тосковал, вспоминая терпкие ароматы дерева, лака. И дуб, и ясень, и бук имели свои едва различимые запахи. Больше всего Луи боялся, что ему поранят руку. Тогда прощай все мечты! Бомбардировка приводила его в ужас. Заслышав гудение и визг снарядов, он мчался в глубь каземата. Коммунары во главе с Жаном Ехидкой, тонким болезненным юношей, отчаянным смельчаком, острым на язык задирой, требовали, чтобы капитан Нерваль выгнал Руляка из батальона. Нерваль наотрез отказался:

– Нет, Руляк наш парень. В конце концов он поймет, что это за штука – Коммуна.

Член Совета батальона Поль Мио несколько раз пробовал говорить с Луи о Коммуне, но тот угрюмо молчал, глядя куда-то в сторону. Проходило время, пальцы Луи теряли ловкость, и едкий воздух, пропитанный гарью, все реже напоминал ему нежные запахи дерева и красок.

С апреля 128-й батальон не покидал передовой линии. В батальоне едва оставалась сотня человек, но у Коммуны не хватало резервов. Каждому приходилось драться за себя и за своих убитых товарищей.

Наконец сегодня вечером капитан Нерваль получил приказ немедленно явиться с батальоном в штаб. 128-й сдал позицию маленькому резервному отряду. Луи решил, что их отправят домой в отпуск. Сразу позабылись страхи прошедших дней. Веселый, он шагал в строю, то и дело сбиваясь с ноги, ибо смотрел не вперед, а по сторонам, различая вдоль дороги на темно-синем фоне неба очертания каштанов, шелестевших тонкой сочной листвой раннего лета.

Они подошли к замку Ла-Мюэт, где был расположен штаб Западного района. Просторный двор освещался несколькими кострами. Подле костров отдыхали ординарцы.

Батальон остановился у крыльца, и бойцы вспомнили, как месяц назад, солнечным апрельским днем, они, двести пятьдесят веселых ребят в новеньких, мундирах, выстроились, распевая «Марсельезу», перед вот этим крыльцом. Командующий армией Ярослав Домбровский и член Коммуны Верморель под звуки оркестра передали капитану Нервалю шелковое красное знамя, сверкающее на солнце. Теперь оно висит неподвижно, дырявое от пуль, изорванное и прокопченное, как их мундиры.

В огромном мрачном дворе отряд казался маленькой кучкой.

На крыльцо вышли три человека. Один из них, низкорослый, худой, поднял руку.

– Домбровский! – понеслось по рядам.

Домбровский остался прежним. Под знакомым, спокойным взглядом его светлых глаз исчезала усталость и грусть, словно батальон становился таким же, каким был месяц назад. В свое время весть о назначении Домбровского командующим привела их в недоумение. У каждого из них были свои счёты с Версалем, общей была ненависть к правительству измены и предательства. Он же был иностранцем и, казалось, не мог иметь своей личной ненависти, и это вызывало недоверие до тех пор, пока они не убедились в его преданности.

Они полюбили в Домбровском все: его мужественное красивое лицо, и резкий акцент, и молчаливость, и редкие шутки. О его хладнокровии и храбрости ходили легенды, за ним были готовы идти куда угодно.

– Граждане! – сказал Домбровский быстро и деловито, и все подались вперед, толкая передних. – Граждане! Нам нужно сегодня энергичной вылазкой очистить Соблонский парк от версальцев, чтобы не дать им закрепиться под бастионами. Один батальон смельчаков, внезапный натиск – и дело будет сделано. Эту операцию доверили сто двадцать восьмому батальону. Я буду командовать вами.

Маленький белокурый поляк чем-то напомнил Луи Рутьяку хозяина Кодэ в те минуты, когда старик начинал какую-нибудь новую интересную работу, – лица обоих выражали уверенность опытных мастеров.

– Ур-ра! Да здравствует Домбровский! Ура! Да здравствует Коммуна!

Полузабытое радостное рабочее возбуждение охватило Рутьяка. Он высоко подкинул кепи и ловко поймал на дуло.

В столовой при штабе был приготовлен ужин для того, как заявил Ехидка, чтобы они не стали кушать версальцев живьем и не попортили себе желудков.

В то время когда Луи был в столовой, Нерваля остановили члены Совета батальона. Они заявили решительно:

– Гражданин командир, Совет батальона считает, что гражданин Рутьяк недостойн участвовать в сегодняшней вылазке.

Нерваль сдвинул кепи, досадливо почесал седой ежик.

– Пожалуй, что так, ребята, – сказал он.

Когда коммунары возвращались во двор, Рутьяка подозревали члены Совета.

– Луи, – сказал ему, неловко усмехаясь, один из них, – ты получил заслуженный отпуск: Нерваль приказал тебе отправиться в город на отдых до завтрашнего вечера.

Рутьяк растерянно оглянулся, на него никто не смотрел. Раздалась отрывистая команда Нерваля. Батальон быстро строился. Рутьяк остался один у крыльца. Его место в строю было занято. По ступеням спускался Домбровский. На мгновение его взгляд задержался на Рутьяке. Луи отчаянно испугался, сердце его сжалось, –

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
неужели Домбровский спросит, почему он здесь? Батальон выстроился. Впервые Луи
видел со стороны четкие линии его рядов, поблескивающую вороненую сталь штыков.
Внимательно осмотрев шеренгу за шеренгой, Домбровский отдал последние
инструкции, негромко скомандовал, и отряд бесшумно ушел в темноту вслед за
маленькой фигуркой своего генерала.

Двор стал мрачным, пустынным. Костры погасли. Часовой у двери сказал кому-то с
веселой завистью:

– Счастливики, они толково проведут ночь.

Он заметил Руляка и крикнул ему сверху:

– Тебе что здесь надо, гражданин?

Теперь Луи стал никому не нужен и даже мешал, как вывороченный из мостовой
булыжник.

– А пошли вы все к черту! Подумаешь! – огрызнулся Руляк, презрительно сплюнул
сквозь зубы и, вскинув шаспо на плечо, побрел за ворота.

«Мать-то обрадуется... наверное, совсем обнищали за месяц. А Кодэ? Вот кому
хорошо..» – И он стал представлять себе мастерскую: кучи стружек, банки с
красками, лаком, инструменты, развешенные по стенке... Но напрасно он вызывал в
памяти привычные картины, – обида мешала ему, то и дело он представлял себе
ребят, пробирающихся сейчас в темноте вслед за Домбровским.

И почему Домбровский так посмотрел на него, проходя мимо? Неужели кто-то
рассказал ему?..

Медленно, ничего не замечая, проходил Луи Руляк шумные улицы, залитые светом
газовых рожков, разукрашенные флагами. Его окликали – он не слышал. Внезапно он
столкнулся с кем-то и поднял голову. Перед ним, улыбаясь, стояла девушка с
красным цветком в волосах. Луи узнал ее – дочь почтальона Фано.

– Луи, ты как здесь очутился? Ты не из Нейи? Что нового там? – Она взяла его под
руку.

Руляк подозрительно посмотрел на девушку.

– Не твоего ума дело, – он резко высвободился. Мундир показался ему тесным,
шаспо ненужной тяжестью резало плечо.

Мать, встретив Луи, всплакнула от неожиданности. С мокрым лицом она суетилась
вокруг сына, не замечая его угрюмости. Она изменилась за месяц: помолодела,
непривычный румянец оживил измятые морщинами щеки. Она рассказывала, что
работает – шьет мешки для фронта, получает четыре франка. Все вещи из ломбарда
им вернули бесплатно; Коммуна отсрочила и квартирные долги.

«И здесь я не нужен», – вдруг с горечью решил Луи.

Пришла соседка, тетушка Лизета. Вслед за ней, стуча костылем, ввалился ее муж
Урбэн, кожевник с неистовым характером, недавно выбранный в члены мэрии.

– Луи! – воскликнул он с порога сиплым голосом. – Ну, молодец, цел, здоров? Дали
отпуск? Значит, отличился!

Луи покраснел.

Ну, не смущайся, сынок, – хохотал Урбэн, обнимая Луи. А помнишь, как ты трусил,
боялся надеть мундир? Теперь, поди, трубочку раскуриваешь под пулями?

– Счастливая ты, Селина, – вздохнула тетушка Лизета, а вот нашего домой не
отпускают. Эта кочерыжка пальцем не пошевелит ради сына, – кивнула она на
Урбэна.

Они весело смеялись, не обращая внимания на молчаливость Луи: он всегда был
тихим парнем.

Когда Луи поднялся и надел кепи, его спросили:

– Куда ты?

– Зайду к Кодэ.

Все замолчали, опустив глаза. Обеспокоенный, глядел Луи на них. Наконец мать сказала:

– Разве ты не знаешь? Кода убит неделю назад. Он записался добровольцем в Национальную гвардию и потребовал, чтобы его отправили в Исси.

Луи не заметил, когда ушли соседи. Мать утешала его, и он прижимался к ее высохшей груди, совсем как в детстве.

– Что ж поделаешь, сынок, Кодэ умер храбрецом. Надо защищать Коммуну. Если бы все были такими смельчаками, как ты и Кодэ...

Долго сидел он, опустив руки, не зная, что теперь делать, куда идти.

Проснулся он рано утром и тихо спустился по лестнице. Улица медленно оживала. Розовый туман поднимался кверху, застревая ключьями между островерхими свинцовыми крышами. На чистых влажных панелях лежали косые тени. Хлопая, открывались ставни. Почтальон фано с кожаной сумкой отправлялся за утренней почтой. Тетушка Лизета шла с корзинкой на рынок.

– Доброе утро, Луи. Что делается, мальчик, а? – затараторила она. – Никогда еще парадной не оставляла без решетки на ночь, а теперь хоть бы что. Ни одной кражи в городе. Все воры, видно, сбегали вслед за своим начальником Шибздиком. Спасибо вам, мальчики. Конечно, с продуктами туговато, ну да ерунда, потерпим, только кончайте с этой швалью поскорее.

Потом показался Урбэн. Луи присел с ним на ступеньки, и кожевник, чертыхаясь, стал рассказывать о хозяине своей фабрики. Когда Коммуна предложила ему перезаключить контракт на поставку обуви, то этот негодяй Пешар закрыл фабрику, отказываясь работать на революцию. Рабочие были выброшены на улицу. Вчера наконец-то Коммуна издала декрет, чтобы отобрать предприятия, покинутые хозяевами. Не мешало бы коммуны быть энергичней! Ну, да теперь хозяину не отвертеться.

– Что, если мы сейчас с тобой нагрянем в его берлогу?

Луи согласился, – ему все равно нечего было делать. Он сбегал домой за ружьем, и они пошли.

Им отворила дверь молодая толстая женщина в наспех накинутом халате. Урбэн приказал ей немедленно разбудить хозяина. Они остались ждать в гостиной. Луи оглядел мебель. Среди тяжелых и безвкусных обрубков он сразу заметил в углу два кресла. Они были из розового дерева и поразили его изяществом отделки. Присев перед ними на корточки, Луи стал поворачивать их во все стороны, щелкая языком от восхищения. Он нежно вытирал кончиками пальцев пыль с деревянных лепестков, поглаживал обломанные бронзовые накладки. Форма ножек, резьба и лак болезненно напоминали ему работу Кодэ. Это было изделие талантливого художника, и Луи озлился, видя залитую вином обивку из венецианского бархата.

В соседней комнате послышались шаги. Урбэн сердито цыкнул, и Луи должен был подняться и отойти в сторону. Вошел любезный свежесбривший мужчина, что-то жуя на ходу.

– А, мой друг Урбэн, очень рад вас видеть, – весело начал он.

– Сомневаюсь, – многозначительно ответил Урбэн. – Гражданин, ты читал декрет Коммуны?

– Что вы имеете в виду? – осторожно спросил Пешар, продолжая жевать. На его щеке перекачивался бугор.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Если ты, гражданин, не откроешь фабрику, она перейдет в руки народа.

Пешар вынул платок и вытер кончики пушистых усов.

– Друг мой, – снисходительная усмешка мелькнула в глазах фабриканта, – боюсь, что вы неправильно поняли декрет.

Урбэн достал из кармана смятую газету, аккуратно расправил ее.

– читай!

По мере того как Пешар читал, они начинали понимать, что все не так просто, как им казалось.

Декрет уполномочивал Синдикальные палаты составить статистические данные о покинутых мастерских, а также об их инвентаре, о состоянии машин и представить доклад о практических условиях, при которых возможно было бы пустить в ход и в эксплуатацию эти мастерские, но уже не покинутыми их хозяевами, а кооперацией рабочих, которые работали в них.

Пешар любезно вернул газету, прищурился:

– Как видите, это еще долгая песенка.

Медленно шевеля губами, Урбэн перечитывал декрет. Шея его багровела.

– Ничего, – наконец сказал он, – мы допоем ее, гражданин. Фабрика будет наша.

Пряная любезность Пешара мгновенно исчезла.

– Ваша? – крикнул он. – Никогда! Коммуна десять раз успеет сдохнуть!

К удивлению Рульяка, Урбэн не рассердился, а спокойно сказал:

– Собирайся, гражданин Пешар.

– куда?

– Пойдем на фабрику, там соберется народ. Ты расскажешь нам, как ждешь версальцев, объяснишь, как нам жить без работы.

Пешар подошел к Урбэну и что-то зашептал ему на ухо.

– Это как понимать?! – Урбэн яростно стукнул костью. – Подкупить нас захотел?

– Он повернулся к Луи: – Если эта лакейская душа не пойдет сейчас на фабрику, стреляй в него, и пускай господь бог потом разбирается, кто из нас был прав.

Пешар, побледнев, попятился в угол, схватился за кресло. Он с такой силой сжимал спинку, что тонкие резные кисти затрещали. Луи выдернул из его руки кресло, отставил в сторону, сорвал с плеча ружье.

На маленькой площади у ворот фабрики шумела толпа рабочих. Увидев Пешара, они смолкли, расступились, давая дорогу. Пешар молча вынул связку ключей.

– Я уступаю насилию, – сказал он. – Вы ответите за это, Урбэн!

– Ты уступаешь народу! – крикнули из толпы.

Урбэн засмеялся:

– Перед кем мне отвечать, господин Пешар? Мы-то и есть Коммуна.

Ворота во двор, скрипя, распахнулись, Урбэн поставил у ворот охрану и вместе с Луи отправился в мастерскую. Они остановились у большого пресса. В цехе остро пахло кожей, сыростью. Повсюду лежала густая пыль. Кто-то распахнул окно, и свежий ветер ворвался в помещение, всколыхнул застоявшийся воздух. Урбэн тряпкой обтирал рукоятки.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Соскучился без меня, старик, – приговаривал он, поглаживая огромный штурвал пресса.

Люди кругом точно так же вытирали свои станки. Лица у всех были довольные, озабоченные.

Один из рабочих спросил Урбэна:

– А если Пешар уйдет, что нам делать?

– Сами будете работать, – не задумываясь отвечал Урбэн. – Лучше хромать, чем сиднем сидеть.

Он рассказал про Луврские оружейные мастерские: там рабочие выбрали контрольную комиссию, утвердили устав и управляют сами.

– А на почте? – поддержал его кто-то. – Простой чеканщик Тейс заворачивает всей почтой Парижа, да еще как! Почтальоны помогают ему, и дело идет на лад.

В это время откуда-то вынырнул Пешар.

– Имейте в виду, я иду жаловаться в Коммуну.

Все молча ждали ответа Урбэна. Снова робость охватила людей. Рабочие никак не могли привыкнуть, что они стали единственными хозяевами всех этих мастерских, складов с кожей, машин, что все это принадлежит им, и они могут начать работать хоть сейчас, и никто их не выгонит, не арестует.

Урбэн вытер тряпкой перепачканные руки.

– Лучше всего тебе обратиться к Серрайе, – раздумывая, сказал он. – Серрайе заведует Комиссией труда. Между прочим, он как раз сапожник. – Раздались смешки. – Он тебя очень хорошо поймет. Запомни, Пешар, – Огюст Серрайе.

Фабрикант удалился под общий смех. Мальчишки провожали его до самых дверей.

– Эге, да он жирен, как каплун! – крикнул один малыш. – Дядюшка Урбэн, не вытопить ли из него сало для сапог?

– Или зарядить им пушку!

Рульяк внимательно наблюдал за людьми. Они были возбуждены и растеряны. Никто не ожидал, что это будет так просто, но и никто не знал, что же делать дальше. Они оглядывались, как будто попали в незнакомое место.

Какой-то рабочий отобрал у одного из мальчишек обрезок кожи и бережно спрятал в ящик. Кто-то вслух мечтал, как бы заменить изношенный винт станка. Веселый звенящий перестук металла заполнял цех.

На маленькой площади перед фабрикой Урбэн собрал митинг. Он вскарабкался на пустую повозку бродячего угольщика и начал говорить.

– Граждане! – голос его, густой и сиплый, заполнил всю площадь. – Революция не должна ходить босиком. Ей нужны крепкие сапоги. Куда годится – наши ребята на фронте шагают в сабо! – Он ткнул пальцем в сторону Рульяка, и все посмотрели на деревянные неуклюжие башмаки Луи.

Толпа быстро прибывала, всасывая в себя прохожих из соседних улиц. Урбэн топтался на повозке, отчаянно жестикулируя. Он говорил о том, как установить порядок на фабрике. Его слушали жадно, поправляли, подбадривали. Ему хотели и боялись верить. Тревога невидимо бродила среди людей. Рульяк чувствовал ее. Слишком близко звучали разрывы версальских батарей. Слишком молода была Коммуна. Урбэн тоже понимал настроение толпы.

– Нельзя делать яичницу, не разбивая яиц, – говорил он. – Раз мы прогнали хозяев – значит, хозяева теперь мы. Вот стоит перед вами Рульяк, простой рабочий парень. Если он не боится лупить версальских бандитов, так чего же боимся мы? Пусть Пешар боится коммуны, а нам все равно нет жизни без нее.

Внезапно Луи вспомнил ребят, дравшихся сегодня ночью в Соблонском парке, когда он спокойно спал дома. Мысль об этом была подобна спуску курка. Луи вскочил в повозку и стал рядом с Урбэном. Надо рассказать, что все неправда, что вчера он еще был подлым трусом.

Он видел перед собой маленькую площадь с мраморным высохшим фонтаном посредине. В детстве он играл здесь с мальчишками... Площадь запружена народом. Острые глаза Луи различают знакомые лица: тетушки Лизеты, соседей. Дочка Фано, остановившая его вчера, тоже стоит здесь. Люди смотрят на него с надеждой и гордостью. Луи хочется сказать им, чтобы они не беспокоились. Теперь он знает, за что надо воевать. Он не позволит Пешару выбросить их на улицу. Пока у него ружье в руках, он не пустит версальцев! Они должны верить ему, ведь он свой парень. Он родился и вырос здесь. Но от волнения Луи ничего не мог сказать, он всегда был робок и уж, конечно, не умел произносить речей. Наконец, глотнув воздух, он крикнул:

– Я их буду бить... версальцев, пока жив, чтобы этот Пешар...

Луи прыгнул с повозки. У него слегка кружилась голова. Его обнимали, хлопали по плечу. Увидав рядом девушку с красным цветком, он улыбнулся ей и вспомнил, что ее зовут Жанна.

Раньше все считали Луи Руляка неуклюжим, угрюмым парнем, и он никогда не заглядывался на девушек. Сейчас Луи забыл, что на нем закопченный мундир, и, краснея и улыбаясь, сказал девушке:

– Ты прости, что вчера так... я думал, что ты смеешься надо мной.

– Луи, пора идти, – позвал Урбэн.

Руляк сделал шаг, но тут же остановился, хотел что-то сказать и не сказал. Он посмотрел ей в глаза, в самую черноту зрачков, и множество рыжих веснушек вспыхнуло на его покрасневшем лице. Может быть, это была та самая минута, о которой потом говорят: а помнишь, с чего началось? Она, перестав смеяться, церемонно вынула из волос гвоздику и вдела ее в петлицу отворота его мундира. Наверное, в старину так выбирали себе рыцарей.

– Будь здоров, Луи!

До самого вечера Луи помогал Урбэну: составлял акты, носил уголь, запускал машину. Потом он забежал проститься с матерью. Когда он освободился, уже стемнело. С увитых глициниями террас уличных кафе его приглашали:

– Гражданин! Стаканчик вина за коммуны!

Он, улыбаясь, подносил руку к козырьку:

– Нет, в другой раз, очень спешу.

Он представлял себе, как в первой же атаке пойдет впереди всех. Он видел удивленные взгляды Жана Ехидки, Нерваля и всего батальона. Он шел все быстрее и наконец, подгоняемый нетерпением, пустился бегом, громко стуча деревянными подошвами.

Часовой не хотел впустить его без пропуска в здание штаба. Луи кричал, ругался, умолял, – откуда только у него брались слова. Наконец дежурный офицер разрешил Руляку пройти. Луи долго метался в неразберихе глухих лесенок, коридоров, галерей с выбитыми стеклами. В углу сумрачного пустого зала он наткнулся на Нерваля. Он бросился к нему.

– Вижу. Не кричи. – Нерваль кивнул на человека, лежавшего на кушетке. Между бинтами, набрякшими кровью, Луи различил бледное, осунувшееся лицо Жана Ехидки. – Мио убит, – глухо сообщил ему Нерваль. Потом он поднял голову и оживился. – Зато и гнали же мы «мясников», Руляк! Батальон получил отпуск на неделю.

Луи долго молчал, потом пролепетал:

– Отпуск... а как же я?

Нерваль пожал плечами.

– Я не хочу дышать! – Губы Луи скривились, слезы обжигали глаза, все кругом двоилось. Чья-то маленькая рука с силой опустилась на его плечо. Вздвигнув, Луи обернулся, мигнул, – две большие слезы вылезли на щеки. Перед ним стоял Домбровский. Взгляд его показался Луи таким понимающим, что испуг сразу прошел, и он, не стыдясь, смахнул рукавом слезы. Вдруг, исполняясь решимости, Луи принялся рассказывать Домбровскому все о Кодэ, о себе, о том, как его выгнали вчера ночью, о Пешаре...

– Гражданин Рульяк, – помолчав, произнес Домбровский, – мне нужен ординарец для связи с южным участком. Это опасная работа. Если ты согласен, можешь сейчас же начинать.

– О, конечно, я буду работать, – поспешно ответил Луи. Когда старый мастер поручал ему новую работу, он смотрел на него совсем так же, как теперь Домбровский.

Адъютант передал ему пакет. Надо было пробираться пешком по внешним бульварам. Луи неуклюже, но старательно отдал честь и вышел.

– Генерал, ваш выбор великолепен, – ревниво одобрил кто-то.

– Почему? – спросил Домбровский.

– Когда Рульяк появляется на фронте, его начинают обстреливать все версальские батареи, все их митральезы и ружья. Если он будет ординарцем, то совершенно замучает «мясников».

Домбровский наклонился к говорящему.

– А-а, вот это кто! Уберег свое жало в целости? Молодец! Злость, наверное, лучшее лекарство.

Отойдя к окну, Домбровский увидел внизу, на площади, маленькую фигурку Луи. Рульяк бегом пересек желтый круг света, бросаемый фонарем, и растворился в темноте.

Друзья

Опустив в ящик городской почты записку, адресованную Домбровскому, с просьбой приехать завтра вечером, Казимир Грудзинский остановился в нерешительности.

Только что прошел шумный майский дождь. Еще капало с карнизов, но небо прояснилось, оранжевые блики заходящего солнца засверкали на мокрых стеклах, и крикливая праздничная толпа сразу же заполнила нарядные улицы.

Грудзинскому хотелось погулять, привычка к одиночеству вскоре заставила его свернуть с многолюдной, с ее бесконечными аркадами улицы Риволи в темные щели переулков. Ветхие дома живо напоминали ему родную Варшаву; там где-то был точно такой переулок, и так же поднимался из подвальных кухонь тяжелый запах помоев, и так же сушилось белье на протянутых через улицу веревках. Грудзинскому казалось, что все это он уже когда-то видел; он остановился и растроганно погладил шершавую стену дома. Старухи, сидящие на скамейке у дверей, замолчали, подозрительно разглядывая прохожего:

– Ишь как налился!

Грудзинский сунул руки в карманы и, ругая себя за сентиментальность, быстро зашагал прочь.

В одной из подворотен долговязый парень чистил мундир, хрипло напевая в такт своим движениям:

Nos forts sont nos cathedrales,
Nos cloches sont des canons,
Notre eau bénite des balles,

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Notr Oremus – des chansons[6].
«Вот и вся их религия», – подумал Грудзинский.

Снова его окружал чужой, враждебный город. Но сегодня одиночество и тоска по родине не угнетали его. Он уезжал домой и, расставаясь с Парижем, прощал ему восемь лет затворнической жизни, болотную тину эмиграции, ядовитую клевету бульварных листов...

Сегодня он получил письмо из Польши. Друзья настаивали на немедленном возвращении на родину Домбровского, Грудзинского и Врублевского. Был подготовлен тайный переход через границу.

За последние годы они не раз получали подобные предложения, и Казимир Грудзинский в другое время отнесся бы к письму более скептически. Но сейчас одно обстоятельство заставило его принять предложение без колебаний. Этим обстоятельством было участие Домбровского в Коммуне.

Со времени разгрома восстания 1863 года для Казимира Грудзинского и его друзей имя Ярослава Домбровского стало знаменем, бережно хранимым для будущих боев. Среди революционной части эмигрантских кругов окрепло наивное убеждение, что если бы Домбровского не арестовали накануне восстания и если бы заговорщики действовали по его плану, то ход событий был бы иным.

Эта наивная вера подкреплялась честным и благородным образом жизни Домбровского в эмиграции. Его военный талант и авторитет дальновидного и решительного руководителя, его опыт и связи стяжали ему славу признанного вождя польской революции. Даже здесь, в Париже, одним обаянием своего имени (так по крайней мере казалось Грудзинскому) он увлек за собой в Коммуну десятки поляков. Грудзинский был уверен, что Рожаловский, братья Околовичи, Броневский, Свидзинский пошли служить офицерами в штаб Домбровского, не имея других побуждений, кроме любви к нему.

С тех пор как образовалась Коммуна, Грудзинский виделся с Ярославом и Валерием всего дважды; последний раз – месяц тому назад. Тогда Казимир заявил, что считает их участие в Коммуне ненужным риском. Он сочувствует парижанам, но жизнь друзей принадлежит родине. Домбровский и Врублевский не имеют никакого права рисковать собою ради чужого дела. Они поспорили в тот вечер, но так ни о чем и не договорились. Грудзинский был старше своих товарищей и в глубине души оправдывал их увлечение, особенно Ярослава, солдата по призванию. Когда Казимир узнал из газет, что бои стали принимать ожесточенный характер и положение Коммуны начало ухудшаться, когда тишину его кабинета все чаще стал нарушать рокот орудий, он понял, что настало время увезти Ярослава и Валерия, спасти их для родины. Письмо из Польши лучшим образом разрешило вопрос. В прошлом после таких писем Казимир и Врублевский с трудом удерживали Домбровского от опрометчивого решения – уехать. Он искал любого предлога, чтобы вернуться на родину, снова приняться ковать восстание. Коммуна представлялась Казимиру лишь отдушиной, через которую нашли выход томившие Ярослава сила и энергия. Но каким ненужным и чужим окажется все это! Как будет счастлив Ярослав!

Грудзинский шагал, не замечая луж, и, отбивая размер, читал вполголоса стихи Мицкевича:

Мир затыкал от наших жалоб уши.
Меж тем из Польши доносились стоны,
Как похоронные глухие звоны.
Желали сторожа нам смерти черной,
Могилу рыли нам враги упорно,
А в небесах надежда не светила.
И дива нет, что все для нас постыло...

Он не заметил, как очутился на площади перед Оперой. Афиши извещали, что сегодня даются «Гугеноты» Мейербера. До Коммуны в лучших театрах Парижа шли пошлые оперетки, теперь ставились классические оперы, звучала музыка Бетховена.

Обрадованный, он купил билет и прошел в театр. Раздался второй звонок, публика хлынула из фойе в уже переполненный зал. Казимир с любопытством разглядывал пеструю толпу обитателей Монмартра, Белью, Бельвилля – рабочих, ремесленников, пожилых женщин в старомодных, плохо сшитых платьях, федератов, студентов, офицеров Коммуны – вчерашних механиков или красильщиков. Повсюду шныряли

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru мальчишки, собирая в гремучие кружки «в пользу вдов и сирот Коммуны». Галерка переселилась в партер. Грудзинского раздражали их грубые голоса, запах дешевого табака, щелканье орехов... Они чувствовали себя уверенней, чем он – завсегда оперы! На великолепном занавесе висела огромная карикатура на Тьера.

Кто-то дернул Грудзинского за рукав, и простуженный голос сказал на ухо:

– Как тебе нравится, гражданин, последняя проделка Шибздика? – Матрос с перевязанной рукой, сосед Казимира, яростно скомкал газету. – Негодяй договорился с пруссаками не пропускать в Париж продовольствия! Ладно, если у нас разыграется аппетит, мы съедим версальцев вместе с их красными штанами!

– Я пришел сюда слушать оперу, – сухо сказал Грудзинский. На его счастье в эту минуту погас свет, оркестр заиграл вступление.

Публика горячо аплодировала после каждой арии Рауля. Видно было, что его судьба искренне волновала зал. В роскошном раззолоченном театре повеяло горячим ветром парижской улицы.

«Странно, – подумал Казимир, – им должен быть враждебен или по меньшей мере чужд этот придворный мир, эта трагедия вероисповедания. Что общего между ними и фанатиком гугенотом Раулем, гибнущим за свою веру?»

Во время второго антракта зрители вдруг устремились на улицу. Фойе опустело. Казимир, заинтересованный, вышел вслед.

Толпа сгрудилась у подъезда. Мальчишка, слезая с фонаря, кричал: «Идут! Вот они!» Послышалась резвая дробь барабана, из-за деревьев бульвара показался батальон – запыленные мундиры, усталые возбужденные лица. Солдатам пожимали руки, жадно расспрашивали о новостях фронта. Из бокового подъезда вышли артисты – загримированные, в костюмах – приветствовать коммунаров. Кто-то сказал, что неплохо было бы им зайти сейчас в театр перекусить, а затем отдохнуть в мягких креслах и послушать хорошую музыку. Артисты стали горячо упрашивать командира. Он согласился, и веселая толпа повалила в театр. Мальчишки и женщины несли ружья гвардейцев. Казимир заметил смеющуюся Маргариту Валуа под руку с бурым от пороха артиллеристом и поморщился – все впечатление от оперы было разрушено.

Занавес еще долго не поднимался. В буфете кормили голодных гвардейцев, потом усадили их на лучшие места в партере.

Кресло Грудзинского оказалось занятым. Ему вдруг стало скучно и одиноко среди этих веселых, галдящих людей; разозленный, он вышел из театра, так и не дослушав оперы.

Вечером следующего дня приехал Домбровский.

Крепко расцеловав Казимира, он отцепил саблю и, расстегнув мундир, блаженно повалился на диван, своим усталым возбуждением неприятно напоминая Грудзинскому вчерашних гвардейцев. Опухшие, красные от бессонницы веки Ярослава дергались, кожа лица обветрилась, загорела. Но достаточно ему было в ответ на вопросы Грудзинского застенчиво улыбнуться такой знакомой, привычной улыбкой – и всю тревогу Казимира смыло без следа.

Домбровский прочел пришедшие на память строчки:

На коне будь вечно. Битвам нет числа.
Грудь, поди, в одно уж с панцирем сковалась.
В кабинете было удивительно тепло и тихо. Книжные шкафы многоэтажными стеклянными громадами уходили в полутемную высь. Натруженные ноги Домбровского отдыхали на толстом пушистом ковре. В углу, страдальчески запрокинув голову, стоял его любимый мраморный бюст Адама Мицкевича работы Лагрэ. Оленьи рога, старинные карабины, развешанные над польскими национальными костюмами, фортепьяно и опять книги... И хотя Ярослав не был здесь всего месяц, на него пахло далеким-далеким.

В штаб Домбровского в замке Ла-Мюэт, сквозь пустые переплеты окон, свистя,

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru залетали горячие осколки: фронт приходил совсем рядом. Проезжая по улицам, Ярослав каждый раз находил на месте прежних домов новые развалины. Артиллерийским огнем сносило целые кварталы. Каждую неделю у Домбровского сменялись ординарцы и адъютанты. На его глазах за два месяца погибли тысячи людей...

Старый слуга Грудзинского Ян вкатил чайный столик, накрытый на двоих. Ярослав даже зажмурился от удовольствия. Праздничным блестящим хороводом кружились по накрахмаленной скатерти хрустальные фужеры, вазочки, графины. Гордая пыльной древностью, темнела в середине стола бутылка вина. Когда Ян вышел, Грудзинский плотно прикрыл за ним дверь.

– Чтобы шум Европы не мешал нам, – пояснил он.

Сияя и волнуясь, он подал Домбровскому письмо.

Бережно, как зачерпнутую горсть воды, держали ладони Ярослава драгоценный листок. Домбровский беззвучно шевелил обожженными губами. Было похоже, что он не отрываясь пьет...

Казимир впился глазами в исхудалое, истаявшее от бессонницы лицо друга, следя за движением его зрачков, пытаясь угадать ход его мыслей, и его лицо тоже хмурилось, удивлялось, ликовало, преувеличивая все чувства Ярослава.

– Молодцы! – вырвалось у Домбровского.

Казимир вскочил, порывисто обнял его.

– Локоток... Локоток, – шептал он. Вся радость возвращенных надежд звучала в этой старой подпольной кличке Домбровского. Ревность, мучительные сомнения, страх одиночества остались позади. И так, они снова вместе!

Домбровский осторожно вложил письмо в конверт, взял бутылку вина, налил рюмки, и они молча чокнулись, не сводя друг с друга блестящих глаз.

Грудзинский вытер губы, кивнул на конверт:

– Ну как, а?

– Молодцы... – еще раз мечтательно повторил Домбровский.

Довольный, как будто похвала относилась к нему самому, Грудзинский, раскурив трубку, со вкусом начал излагать маршрут их переезда. Оказывается, план у него был разработан уже во всех подробностях.

При словах об отъезде что-то захлопнулось внутри у Домбровского. Плохо слушая Казимира, он с грустью рассматривал его источенную морщинами тонкую шею, бледное рыхлое лицо и думал о том, что вот уже восемь лет пытается хранить Казимир среди этих четырех стен аромат родины, как хранят засушенный между листьями книги цветок. И уют этой комнаты, уставленной пыльными, увядшими реликвиями прошлого, вызвал вдруг у Домбровского жалость. В тепличном воздухе задышался Адам Мицкевич. Толстые стеганые, портьеры надежно защищали лживую тишину. Разве такая память нужна их родине?

Улучив паузу, он предложил отложить разговор на время ужина.

Плешивая, в венчике редких волос голова Грудзинского вынырнула из облака табачного дыма.

– Можно ждать год, два, но нельзя ждать полчаса, – непреклонно пошутил он, пожираемый нетерпением договориться до конца.

Ярослав покорно отошел от стола, поудобнее уселся в кресло. Веки его слипались, приятная боль отдыха ломала мускулы. Некоторое время он, закрыв глаза, пытался слушать Казимира, но, чувствуя засасывающую дремоту, резко встал, встряхнулся, словно выходя из воды.

Подавляя растущее раздражение, он прервал Казимира и сказал, что ехать им сейчас

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
нельзя. Дело Коммуны значило для освобождения Польши больше любого заговора.

Он попробовал объяснить, что дает полякам Коммуна, но сразу же заметил, насколько неубедительно звучат его доводы.

Грудзинский только отмахивался, не принимая возражений Ярослава всерьез.

– Если ты так боишься, что вас осудят ваши новые друзья, то можно будет в конце концов показать им это письмо.

Домбровский, огорченный его непонятливостью, решил объясниться до конца.

– Я сам, понимаешь, я сам, и Валерий, и все остальные не хотим и не можем уехать сейчас из Парижа.

– Ты ошибаешься, – снисходительно улыбаясь, заметил Грудзинский и рассказал, как несколько дней назад к нему приехал Рожаловский, один из офицеров штаба Домбровского, и с горькой обидой поделился своим решением немедленно подать в отставку, уехать из Парижа.

Сражаясь на участке генерала Ля-Сесилия, во время атаки вокзала Кламар Рожаловский со своим батальоном успешно продвигался вперед. В разгар боя его отстранили от командования в силу той подозрительности и недоверия, которыми были окружены действия всех польских офицеров в армии Коммуны. Он сказал, что то же самое испытывают Броневский и Свидзинский, и они тоже решили не оставаться больше на службе у Коммуны.

– Они изменили свое решение, – спокойно сказал Домбровский.

– Интересно, как тебе удалось разубедить их?

Домбровский вынул из-за обшлага мундира помятый конверт, подал Грудзинскому.

Казимир недоверчиво прочел адрес, вытащил узкий листок папиросной бумаги, исписанный мелким знакомым почерком, взглянул на подпись, – сомнений не было, это письмо писал Воловский, человек преданный общему делу, пользующийся известностью среди польской эмиграции.

В письме дословно приводился разговор Воловского с министром внутренних дел версальского правительства Пикаром.

«...Признаюсь, что Домбровский преграждает нам дорогу в Париж, – сказал мне Пикар. – Жаль, что такой человек служит такому неблагородному делу. Я надеюсь, что мы с вами сделаем все для того, чтобы спасти его. Во-первых, если он действительно честный человек, мы найдем с ним общий язык. Какой он хочет видеть Францию? Мы пойдем на любые уступки. Нужно только арестовать всех членов Коммуны. Если из-за вопросов чести он сочтет это невозможным, мы должны будем уговорить его уйти в отставку. Вы, используя ваше влияние на него, должны сделать так, чтобы поляки-офицеры покинули Домбровского. Поляки не должны вмешиваться во внутренние дела Франции. Мы предоставим им возможность беспрепятственно покинуть Париж или Францию. Тогда он останется одиноким и тоже покинет чуждых ему людей... Иначе это увлечение приведет к гибели Домбровского и его соотечественников. Господин президент приказал расстреливать всех захваченных в плен русских и поляков. На этом настоял Александр II».

– Я им дал прочитать письмо Воловского, – ожесточаясь, сказал Ярослав, – и они поняли, что покинуть Коммуну – это значит помочь версальцам.

Казимир вынул изо рта трубку и долго смотрел на неподвижную голубую ниточку дыма.

– Получается, что я действую заодно с Пикаром, – мужественно высказал он поразившую их обоим мысль. – Но если двое делают одно и то же, это не значит, что получается одно и то же. Локоток, мне кажется, что ты запутался в сложных интригах. Никто не оценит вашего донкихотства, ты для французов был и останешься чужестранцем. Достаточно чему-нибудь случиться, и твои же солдаты расстреляют тебя как изменника. Самое меньшее, что ты можешь здесь потерять, – это голову. Тебя уже сейчас называют прусским агентом. Подумал ли ты, что восстанавливаешь

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru против поляков общественное мнение всего мира? – Он открыл шкаф, вытащил пачку иностранных газет. – Вот, полюбуйся. – Казимир швырнул пачку на колени Домбровскому. – Жалость и сочувствие, которое мы возбуждали в Европе, сменяются озлоблением. Почитай, как о тебе и Валерии отзываются в Англии, России, я уже не говорю о том, что вся польская эмиграция отшатнулась от вас. Не станешь же ты утверждать, что это идет на пользу нашему делу?!

Домбровский отложил газеты в сторону, не взглянув на них.

– Лучшие друзья и советчики – наши враги. Если мое поведение не нравится Гладстону и Александру, значит, я прав, а что касается Чарторьжских, Радзивиллов, Браницких и прочих, то мне с ними не по пути с шестьдесят третьего года.

– Зато, я вижу, тебе по пути с молодчиками с улицы Кордерри. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Это они утверждают, что для пролетариев не существуют понятия отечества, нации.

– Как ты можешь говорить такие вещи! – нахмурился Домбровский. – Коммуна родилась из ненависти к немцам и любви к родине.

– При чем же здесь Польша?

– Я думаю, что Александр боится коммуны не меньше Тьера. И, во всяком случае, больше, чем какого-нибудь нового заговора в Польше. Бисмарк изо всех сил помогает Тьеру, и Тьер принимает эту помощь. Американский посол Уошберн беснуется из-за неспособности версальских генералов. Наши враги объединились, объединились и мы. В этом наша сила и спасение. Десятилетиями они превращали Париж в европейское кабаре, в сточную трубу, куда стекалась накипь обоих полушарий. Рабочий Париж сегодня противопоставил космополитизму Версаля свою интернациональную дружбу пролетариев.

И среди коммунаров есть люди, для которых мы прежде всего поляки, а Гарибальди – итальянец, а Маркс – еврей, а Энгельс – немец. Уйти из-за этого? На радость Тьеру? Да, тяжело, обидно, но помнишь, как было Сливицкому и Щуру? Есть же, черт возьми, идея братства! Будет же время, когда за национальность не станут упрекать или хвалить! И я дерусь и за это! Выйди на улицу и посмотри – с нами итальянцы, алжирцы, русские, бельгийцы. Они дерутся бок о бок парижанами за то государство, о котором мы с тобой и мечтать не смели.

Казимир вскочил, запальчиво крикнул:

– Я достаточно насмотрелся! Мне наплевать на все, что происходит в этом городе. Если в Версале подлецы, то в Париже сумасшедшие. Вся моя жизнь принадлежит Польше. Я живу ее интересами, а не интересами Интернационала. Тебя обманывают какими-то обещаниями французы. – Grimаса гневного презрения скривила его рот. – Хватит! Наполеон продал поляков в двенадцатом году, потом нас продавали и предавали в тридцатом, в сорок шестом, сорок восьмом, в шестьдесят третьем, и теперь, в семьдесят первом, они снова надеются использовать вас и выбросить после победы.

– Победа? – странным голосом переспросил Ярослав, подозрительно вглядываясь в Грудзинского.

– Ага! Ты даже не веришь в нее! – торжествующе поднял палец Казимир. – Что же удерживает тебя здесь? Честолюбие?

– Честолюбцам следует предложить свои услуги Версалю, – усмехнулся Домбровский. – Для того чтобы добиться славы и наград, им достаточно проиграть пару сражений и расстрелять несколько честных французов.

Грудзинский круглыми застывшими глазами посмотрел на него и заметался по комнате. Уродливая изломанная тень скользила за ним, то вырастая под потолок, то сжимаясь черным комком у ног.

– Мне страшно, я не узнаю тебя! Что они сделали с тобой? Вспомни, как мы мечтали об этой возможности. После разгрома восстания ты успокаивал нас, не позволяя падать духом. «Мы еще вернемся», – говорил ты, и вот настало время вернуться. –

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Казимир с укором посмотрел на Домбровского. – Родина зовет нас, а ты поворачиваешься спиной. Что это, предательство?

Заметив по выражению лица Домбровского, что сказано лишнее, Казимир подбежал к нему, обнял, прижал его голову к груди.

– Прости меня, но я перестал понимать вас. Неужели годы разлуки так иссушили тебя? Разве можно думать о чьей-нибудь свободе, когда существует порабощенная Польша? Ради ее свободы уедем!

– Ради нее я остаюсь.

– Ярослав, каждому путнику приходит время вернуться домой.

– Я не пойму, что тебя больше тревожит, – мое участие в Коммуне или отказ уехать? – отстраняясь, сухо спросил Домбровский. – Если я даже уеду, никто не последует за мной. Пойми: мы не на службе у Коммуны. Мы здесь освобождаем Польшу. Я рассуждаю как военный: там, где удалось прорвать фронт, туда и надо бросать все силы.

Домбровский встал, налил вина. Рука его дрожала, и рюмки звенели, стучаясь о горлышко бутылки. Ярослав с досадой потер ладонью лоб, как бы разгоняя неприятные мысли. Кожа на его руке была серой и едко пахла порохом. Зловещая безысходность спора начинала угнетать Домбровского.

– Я неделю не принимал ванну, – вздохнул он, устало улыбаясь. – Не догадался ли ян согреть воду?

В гневе чувства оттесняют и память и разум. То, что раньше восхищало Казимира Грудзинского – спокойствие и самообладание Ярослава, – показалось ему вдруг себялюбивым равнодушием.

– Ради нашей дружбы уедем со мной, Ярослав!

Домбровский оглядел сутулую, такую родную, изученную до каждого жеста фигуру. Тяжелое молчание протянулось меж ними.

«Наша дружба... – думал Ярослав. – Двадцать лет тому назад началась она. Это была хорошая, испытанная дружба. Она много выдержала, она поддерживала в нас бодрость в самые тяжелые минуты. А сколько было таких минут!»

Он всегда считал воспоминания уделом людей, не имеющих будущего; зачем же сейчас память упрямо подсовывала картины прошлого? Где бы он ни был, он знал, что всегда о нем думают и тревожатся Казимир и Валерий. Заложив свой дом, Казимир пытался подкупить охрану и устроить побег, когда Домбровский сидел в Варшавской тюрьме. Бессонными ночами, не отходя от постели, Казимир выхаживал его от горячки в Женеве. Их дружба крепла в нужде, поражениях, разлуках и встречах, среди пронизывающей измороси Петербурга, под ярким небом Италии, среди приветливых швейцарских гор и в лиловых сумерках Парижа. У них была одна цель жизни – свобода родины. Ради такой дружбы Ярослав и сейчас бы, не задумываясь, отдал свою жизнь, но уехать...

– Не нужно! – укоризненно сказал Домбровский. – Не нужно, дружище...

Еще не поздно было взять протянутую руку.

– Нет? – сказал Грудзинский и отвернулся. И сразу же все пути к примирению оказались отрезанными. Казимир даже закрыл глаза – так ему стало горько.

– Я остаюсь, – как можно мягче произнес Ярослав и встал.

Грудзинский подскочил к Ярославу.

– Я стыжусь нашей дружбы! – исступленно закричал он. Бледные щеки его тряслись. – Лучше бы тебя убило первой пулей версальцев, чем видеть твою измену. Предатель!

Домбровский отшатнулся, зрачки его сузились, как будто в глаза ударил

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
неожиданный свет. Рука его невольно легла на эфес.

– О, ты можешь безопасно зарубить меня, – и Казимир истерически захохотал.
Ярослав накинул шинель, выбежал не оглядываясь.

Темные пустые улицы и ветер бросились ему навстречу. Он шел, не выбирая дороги, не чувствуя усталости. Внезапно над головой он услышал бой башенных часов и заставил себя остановиться, сосчитать удары. Двенадцать. Впереди из темноты доносилась неясная песня. Домбровскому захотелось быть среди людей, и он пошел навстречу песне. По каменному парапету, среди белых колонн министерства юстиции, гулко отстукивая башмаками, двигалась темная фигура часового. Нарушая всякие уставы, он напевал, коротая свое одиночество, популярные куплеты о вождях Коммуны, там было и о Домбровском:

Эй, трепещите, недоноски!

Идет по улицам Париж,

С Парижем вместе идет Домбровский,

Наш замечательный малыш!

Домбровский поднялся к часовому по ступенькам. Заботливость судьбы, проявленная в этой случайности, несколько развлекла его.

– Кто идет?! – крикнул часовой, оборвав песню на полуслове. Домбровский сказал пароль и, не останавливаясь, прошел под арку, оставив певца в состоянии крайнего ошеломления: часовой не был убежден, что видел живого Домбровского, а не привидение.

В углу двора, где тянулась длинная каменная галерея и горел огонь походной кухни, толпились гвардейцы. Рассеянно отвечая на приветствия, Домбровский прошел к огню. Ему почтительно освободили место, он уселся на охапку соломы, охватив колени руками, и загляделся на пламя.

Постепенно Ярослав начинал сознавать, что случилось. Как же он мог так спокойно и легко пойти на разрыв? Домбровский ругал себя за сухость, косноязычие. Если бы он сумел передать Казимиру все свои мысли, чувства, неужели бы они не поняли друг друга? Но снова и снова, перебирая в памяти спор, Ярослав не мог найти путей к примирению. Их ссора была похожа на разрыв. Он не мог вернуться, как не может вернуться обратно на ветку созревший плод. Разве можно остановить время, остановив маятник? Теперь Ярослав понимал, почему в нем не было ни злобы, ни обиды. Он был почти благодарен Казимиру за такой конец – безжалостный, как сабельный удар. Так было легче им обоим.

Незаметно к нему возвращалось ощущение действительности. Ярослав огляделся, догадываясь по притихшим голосам, что его неожиданный приход и удрученное молчание стесняло коммунаров. Ему стало неловко.

Ближе всех к Домбровскому сидел пожилой сержант в очках с железной оправой и смазывал ружье. По ровным неторопливым движениям, по аккуратно разложенным протиркам, баночкам с маслом Ярослав безошибочно определил в нем бывшего солдата.

Поймав взгляд Домбровского, сержант вытер руки и сказал видимо давно приготовленную фразу:

– Никуда не годится, что ты ходишь без охраны, гражданин.

– Так получилось, – виновато отозвался Домбровский и с присущей замкнутым, неразговорчивым людям безотчетной неожиданной откровенностью продолжал: – Сидел у приятеля, мы получили письмо от друзей из Польши, зовут нас домой.

Умные стариковские морщины исчертили лицо сержанта.

– Ну, и что ты решил?

– Решил подождать.

Сержант скупо улыбнулся:

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– А чего ждать? Все равно лучше нашего города на свете не найдешь.

Коммунары бросили свои дела, пододвинулись, внимательно прислушиваясь.

– Тот, кто жил в Париже, оставил здесь свое сердце! – высокопарно воскликнул какой-то юноша и тотчас мучительно покраснел.

Сержант посмотрел в его сторону, не одобряя такой смелости.

– Парижане любят тебя, – рассудительно сказал он Домбровскому, – оставайся у нас навсегда, только придется тебе для порядка принять французское подданство, и тогда назначим тебя маршалом Франции вместо наших олухов генералов.

Домбровский стиснул колени обеими руками, глаза его светились от грусти.

– Друзья мои, – сказал он. – Я поляк и останусь им по духу, по сердцу, по нраву. Можно быть поляком и коммунарком, но нельзя быть коммунаркомом, не имея отечества. Такие люди будут повсюду чужими. Мне думается, что любовь к другим народам рождается от настоящей любви к своей родине. Наша сила в том, что Коммуна родная не только для парижан, французов, но и для нас, поляков. Я крепко люблю наш прекрасный город, и все же я очень скучаю по своему народу и вернусь в Польшу, как только мы с вами победим здесь.

Сержант поправил сползшие на нос очки и пристально взглянул на Домбровского.

– Правильно, – сказал он, вздыхая. – Ничего не поделаешь, ты прав, гражданин. От срубленного дерева уже не будет ни цветов, ни плодов. – Он подумал еще и заключил без всякой видимой связи, но ход его мысли был всем понятен: – Говорят, что у нас, французов, плохая память. Не знаю, так ли это. Все же, когда у тебя в Польше будет революция, помни, гражданин Домбровский, что ты можешь рассчитывать на парижан...

Принесли котел с супом.

– Ты, может быть, покушаешь с нами, гражданин? – затаив надежду, спросил дежурный. – Правда, похлебка у нас неважная, – добавил он сразу же с нелегкой откровенностью.

..После ужина коммунары и Домбровский упростили маркитанку батальона Катрин сплясать. В свободный круг, освещенный костром, выбежала девушка. В руках ее бился красный шарф. Она замерла на минуту. Зазвенели струны гитары, и вот четко стукнули каблуки о каменные плиты. Шарф взвился вместе с песней и обнял кружащееся тело.

Коммуна славная у нас,
У ней есть ядра про запас,
Не может быть она
Никем побеждена.
Реванш – за ней!
Домбровский наклонился к сержанту.

Вы не дадите скучать, – улыбаясь, сказал он.

– Париж! – счастливо ответил сержант. – Когда богу становится скучно на небе, он открывает окно и смотрит на парижские бульвары.

Темп убыстрялся, и все дружно подхватили припев:

Станцуем коммунарду,
Отважен будь, –
Станцуем коммунарду,
Отважен будь, –
Не как-нибудь!
Глядя на причудливые па Катрин, Домбровский вспоминал и величавые повороты кондрио, и неистовость кавказских плясок, и стремительность мазурки.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

У коммунара взгляд какой?

Чтоб равен стал весь род людской!

Так поднимись, бедняк,

На богачей,

Ударь их по рукам!

Все чувства и воспоминания перемешались в Домбровском: и ночь, насыщенная трепетным светом звезд, шелестом сочной зелени молодого лета, голубым блеском штыков; и великий город, доверивший ему защиту своей свободы; и дороги дружбы, конца которых никогда не узнаешь; и далекие, задернутые стеклянным занавесом дождя желтые поля его родины, какими он видел их последний раз из окна тюремной кареты.

Коммунары осторожно прикрыли уснувшего Домбровского шинелями, а Катрин подложила ему под голову свою подушку, единственную в батальоне.

Ошибка Вессэ

Получив после многих ухищрений пропуск в штаб, Вессэ добился приема у Домбровского. Встреча произошла на главной квартире командующего, в замке Ла-Мюэт. Окрыленный разговорами с Пикаром, Вессэ отбросил в сторону всякие уловки и прямо выложил Домбровскому предложение версальцев.

Тон выбрал он деловой, солидный; лишь не удержался от горделивого удовольствия, назвав цифру, – и быстренько, искоса посмотрел на Домбровского, как бы спрашивая: «Каково, а?» У него был вид приказчика, предложившего хороший товар, – и сам любителю и готов предупредить малейшее сомнение покупателя.

– Ого! – вежливо удивился Домбровский. – Я с каждым днем повышаюсь в цене.

Вессэ не понял, что обозначала эта фраза: скрытый гнев, самодовольство или осторожность. Бесплезно было пытаться прочитать что-нибудь на невозмутимом лице поляка. Глаза Домбровского остановились на иссиня-выбритом волчьем подбородке Вессэ с таким же вниманием, с каким он мог смотреть на чернильницу или на чистый лист бумаги.

С подобными предложениями к Домбровскому обращались не впервые. Догадываясь, что причиной является не только его положение, но и национальность, Ярослав Домбровский вначале мучительно переживал каждый такой случай. Но по мере того как росло к нему доверие со стороны коммунаров, клевета версальцев переставала его оскорблять.

Примерно с неделю назад Бизицинский, один из деятелей польской эмиграции, приехал к Домбровскому и положил перед ним на стол стотысячный чек на Лондонский банк и пропуск из Франции на четырех человек. В течение трех дней Домбровский с семьей должен был покинуть Францию.

Ярослав откровенно рассмеялся в лицо Бизицинскому.

– Мой милый посланник, передайте Пикару, Тьеру и прочим версальским моллюскам, что Коммуна уже дала мне пропуск, – и он похлопал по эфесу сабли.

– Однако это одновременно и наше требование, – краснея, сказал Бизицинский.

Домбровский уже пережил разрыв с Казимиром Грудзинским, и слова Бизицинского не вызвали в нем ни удивления, ни горечи. Ярославу оставалось только со свойственной ему учтивостью ответить, что, наверное, польскому народу будет приятнее увидеть своих сынов в рядах армии Коммуны, чем квакающих в болоте эмиграции или принимающих сомнительную помощь Пикара.

Вессэ видел Домбровского впервые. Прежде всего он отметил, что Домбровский маленький, хрупкий, с бледным усталым лицом, слишком красивый, чтобы быть сильным, и слишком спокойный, чтобы принимать близко к сердцу судьбу Коммуны. Вессэ самодовольно подумал, что такого херувимчика можно свалить одним хорошим ударом в челюсть. Непонятно, отчего они в Версале так боятся его? Старик Тьер, пожалуй, хватил лишку – полмиллиона франков! Блеск этой цифры угнетал и озлоблял Вессэ. Ему надо было утешаться двадцатью тысячами франков в случае удачных переговоров или десятью тысячами франков за убийство поляка.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Домбровский достал из ящика стола маленькую карту Парижа, разгладил ее, стал вглядываться, медленно потирая лоб кончиками пальцев. Вессэ облизнул сухие тонкие губы и отвернулся с деликатным видом официанта, подавшего фальшивый счет. «Рыбка клюнула!» – подумал он, волнуясь, а рука в глубине кармана продолжала сжимать залитую свинцом рукоять неразлучного ножа.

Когда ожидание стало совершенно нестерпимым, Домбровский поднял красные от бессонницы веки и сказал:

– Я согласен.

Губы Вессэ обрадованно дернулись, обнажая крепкие зубы, он нагнулся над столом и, вцепившись глазами в лицо Домбровского, сказал уже совсем тающим голосом:

– Мой дорогой генерал, имейте в виду: для того чтобы никто не посмел оспаривать вашу заслугу, придется лично нам встретиться и провести до площади Звезды авангардную колонну наших солдат.

С тем же успехом Вессэ мог разглядывать физиономию бронзового льва на крышке пресс-папье. Ни один мускул не дрогнул на лице Домбровского. Он невозмутимо ответил:

– Хорошо.

Потом, с непонятной для Вессэ досадой оборвав его восторженные излияния, Домбровский поставил два условия: во-первых, он может открыть не ворота Мюэт, а ворота Майо. Он объяснил почему и доказал, какие это имеет преимущества для версальцев; во-вторых, необходимо на три дня прекратить обстрел участка ворот Майо, чтобы можно было снять оттуда войска коммунаров, не вызывая подозрений.

Сигналом согласия Версаля на условия Домбровского послужит прекращение обстрела участка Майо сегодня, ровно в полночь. Через два дня они снова встретятся, чтобы окончательно договориться о часе, когда версальцы смогут незаметно войти в город.

Вессэ ощущал давно уже не свойственную его душе благодарность. Обрадованный, он протянул обе руки.

– Франция не забудет вашего подвига, генерал! – сказал он, вспомнив подходящую к этому случаю фразу Пикара.

– Я надеюсь, – склонил голову Домбровский, не замечая протянутых рук.

Вессэ благодушно пожал плечами: подобные мелочи его не задевали. Он поиграл брелоком, сладко улыбнулся:

– Наш договор придется скрепить подписью.

Домбровский помедлил. Секунду-другую они изучающе смотрели друг на друга.

– У вас он с собой? – спросил Домбровский.

– Нет, я вам завтра доставлю.

Домбровский кивнул.

В восторге от своей удачи Вессэ возвращался назад, легко перенося гибкое сытое тело через выбоины разбитого снарядами тротуара. Наверное, не было в эти минуты счастливей человека во всем Париже. Широко раздувая ноздри, Вессэ вдыхал запахи развороченной земли, горячих камней. Он скользил, привычно держась теневой стороны улицы, быстро ощупывая рыскающими глазами лица прохожих. Сам не замечая, он замурыкал под нос на модный мотивчик бессвязную песенку, словно выплескивая переполнившую его радость:

Тьер умница, и он был прав,
Но и Домбровский милый парень!
А Макс Вессэ умнее всех,
Недаром «тигром» я зовусь.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

В моих руках судьба Парижа,
И двадцать тысяч франков у меня в кармане!
Да, двадцать тысяч у меня,
Да, двадцать тысяч у меня!..

Повторяя последнюю строчку, Вессэ задержался на минуту перед витриной какой-то табачной лавки, где среди пестрых сигарных коробок стоял портрет Домбровского, трогательно увитый мохнатыми ветками кедра, и заговорщически подмигнул теперь уже совсем не страшному маленькому поляку.

До войны Фавье играл в Парижском драматическом театре. Кроме несомненного таланта, он обладал совершенно ненужными для актера императорского театра собственными взглядами на роль искусства и отвращением ко всяким закулисным интригам. Воспользовавшись начавшейся войной с Пруссией, дирекция театра дала Фавье возможность проявить свои патриотические чувства на фронте. Фавье с азартом окунулся в армейскую жизнь и неожиданно обнаружил военные способности. Разгром французской армии и капитуляция превратили его в революционера. С первых дней Коммуны он стал во главе одного из батальонов Национальной гвардии. Внешне Фавье казался легкомысленным и суматошным. От прежней профессии у него оставалось множество забавных привычек. Посреди серьезного разговора он мог, откинув красивую, уже лысеющую голову, продекламировать в ответ певучим голосом какую-нибудь убийственную строку из Мольера или Бомарше. Его любили за неунывающую смешливость, за то, что он налетал, как ветер, все поднимал, кружил, будоражил; любили и недоумевали, узнав о его назначении начальником штаба западного района фронта. Считали, что он не подойдет Домбровскому. Но вскоре многочисленные поклонники Фавье убедились, что командующий смело поручает ему наиболее ответственные дела. У этого буйно растрепанного, говорливого толстяка оказалась бульдожья хватка и неутомимая энергия. Штабные ординарцы утверждали, что гражданина Фавье они видят одновременно не меньше чем в трех местах. Он обладал редким даром заставлять людей выполнять самые тяжелые приказы с улыбкой. «Вы стягиваете брови, – любил поучать он в ответ на расспросы офицеров штаба, – а я растягиваю губы, вот и вся разница».

Таков был Фавье, которого вызвал Домбровский вскоре после ухода Вессэ.

Дежурный адъютант командующего получил приказание никого не принимать. Время от времени из-за плотно прикрытых дверей кабинета слышались шумный спор, вскрики, залихватый смех, как будто актера щекотали, а через полчаса он выбежал из кабинета, бережно прикрыл за собою дверь, остановился перед вытянувшимся караульным и, лукаво сморщив нос, продекламировал нараспев:

Нет, безнаказанно
Меня-то уж никак
Никто бы не втянул
В такой насильный брак.
Потом обнял за талию проходившего мимо своего любимца, русского офицера
Потапенко, покружил его в вальсе и умчался, оставив у всех смущенные улыбки.

Вслед за начальником штаба вышел Домбровский и уехал на участок Майо. Он вернулся перед ужином. Фавье уже дожидался его с папкой под мышкой, и они снова заперлись. Хотя на этот раз любопытный адъютант ничего не смог услышать из-за дверей, тем не менее в штабе воцарилось приподнятое настроение.

В девять часов вечера Домбровский и Фавье уехали в город, в Комитет общественного спасения.

На зеленом сукне стола лежала схема участка ворот Майо. С заманчивой ясностью красные и синие стрелки предreshали ход операции. Версальская дивизия, войдя ночью через открытые ворота Майо, попадала в капкан. Куда бы ни бросались под уничтожающим артиллерийским огнем версальцы, повсюду они натывались на минтральезы и штыки коммунаров, а в это время в открытые ворота за городскую стену проникали батальоны коммунаров, бесшумно занимая версальские траншеи.

..Домбровский подхватывал на лету возражения и легко парировал их, зорко следя за настроениями членов КОС. Пухлые руки Фавье летали над схемой, объясняя все тонкости задуманного сражения.

Мнение членов Комитета общественного спасения стало склоняться в пользу

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Домбровского, когда практичный Ранвье спросил, сколько человек необходимо Домбровскому для операции.

– Десять тысяч, – отвечал Домбровский.

Выяснилось, что КОС мог обеспечить не больше двух-трех тысяч. Подумав, Домбровский согласился на это количество, – он надеялся договориться с Версалем впустить всего несколько батальонов. Армия Коммуны так нуждалась в победе! Ярославу хотелось поддержать настроение своих гвардейцев хотя бы небольшим успехом.

Взял слово Делеклюз, назначенный после Росселя военным делегатом Коммуны. Сотрясаясь от свистящего кашля, он сказал:

– Стоит ли ради такой мелкой выгоды поступаться принципами? Мы рискуем твоей честью, гражданин Домбровский. Я не могу отделить тебя от Коммуны, поэтому наша с тобой честь – это честь Коммуны. Мы не должны завоевывать победу неправдой.

Его сухие слабые пальцы легли на карту, как бы прося забыть о ней.

– Если даже станет еще тяжелее, Коммуна все равно предпочтет сражение и смерть пошлomu благополучию.

– Цель оправдывает средства, – возразил Фавье.

– Это лозунг иезуитов.

Фавье вспылил:

– Мне наплевать, чей это лозунг, но это так!

Несмотря на то, что военный делегат Делеклюз не имел никакого военного образования, Домбровский уважал старого революционера. Больной, разбитый ссылкой и преследованиями, Делеклюз работал, отдавая последние силы делу Коммуны.

Слова Делеклюза заставили Ярослава задуматься. Они повернули события новой стороной. Увлеченный своим замыслом, Ярослав не связывал его с проблемой авторитета и чести Коммуны.

– Чем гарантируют себя версальцы от ловушки? – просил Делеклюз, пристально вглядываясь в Домбровского.

Ярослав ждал и боялся этого вопроса. Он с силой потер только раз лоб, оставляя красные и белые полосы на коже, и выговорил с трудом:

– По условию я должен буду довести их до площади Звезды.

Негодующий шум взметнулся под темные своды комнаты. Фавье, ничего не знавший об этом условии, с упреком посмотрел на Домбровского.

Болезненно боясь перейти черту, за которой начиналось позерство, Ярослав еще раз попробовал доказать, как важно для Коммуны воспользоваться представившейся случайностью, не считаясь с его жизнью. Но теперь даже Фавье не поддерживал Домбровского. По окаменевшим скулам, по сжатым губам, взятым в скобки морщин, Ярослав безошибочно угадывал решение каждого.

Радужное сияние окружало желтое пламя свечей. Их мягкий свет не мог далеко отогнать льющуюся из высоких окон темноту. Лоснились обитые шелком стены, мерцала бронза, но роскошь этого зала показалась вдруг жалкой перед величием этих людей в поношенных сюртуках, с лицами, изглоданными бессонницей. Сердцась и негодуя, Домбровский в то же время преклонялся перед красотой их душ.

Большинством голосов Комитет общественного спасения отклонил рискованный замысел Домбровского.

– Одно думает конь, а другое тот, кто его седлает, – мрачно провозгласил Фавье, вытягивая плетью заупрямившегося коня сильнее, чем он того заслуживал. Кони шли

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
рысью, впереди ехал Домбровский, за ним Фавье и несколько сзади – гвардейцы
личной охраны командующего.

– Может быть, обратиться к Варлену? – спустя минуту нерешительно предложил
Фавье.

– Варлен отстранен от работы, – сказал Домбровский.

Несколько дней назад часть членов Коммуны, в том числе Варлен и Верморель,
выступила против создания Комитета общественного спасения. «Коммуна передает
свою власть в руки диктатуры, – объяснил Варлен Домбровскому. – Большинство
членов Комитета хотят тем самым снять с себя ответственность. Мы же,
меньшинство, утверждаем, что коммуна обязана принять на себя полную
ответственность за все. Комитет – это диктатура, пусть нескольких человек, но
все равно диктатура, мы против диктатуры. Ты согласен?» – «Перед лицом врага
идти на раскол?» – Домбровский непримиримо помотал головой. Диктатура не пугала
его. Он возлагал некоторые надежды на новый Комитет, это все же была возможность
твердой власти. Но куда больше его страшил раскол в коммуны. Вопрос о комитете
окончательно разделил Совет на две группы. «Большинство» удалило членов
«меньшинства» Варлена и Вермореля от руководства, подвергая всех несогласных
несправедливому, оскорбительному недоверию. Эта несправедливость возмущала
Домбровского. Он страдал от того, что его друзья Варлен, Верморель, Франкель
выступали против таких же честных, преданных революционеров, тратили свою
энергию на борьбу с Делеклюзом, Раулем Риго, которых он любил и уважал.

Ближе к площади Бастилии всадникам продвигаться стало труднее. Вереницы
празднично одетых людей тянулись сюда со всех концов города на пряничную
ярмарку.

В эти дни Париж переселился на улицы.

Теплый майский ветер вздувал светлые платья женщин, заворачивал серебристую
листву каштанов, разносил во все стороны пронзительные выкрики маленьких
газетчиков:

– «Мясники» хвалятся своими пушками!

– Футрике обещал уморить парижан голодом!

Уморить? Париж дерзко и весело смеялся над угрозами Версаля.

Стены были заклеены цветными карикатурами: Тьер и Пикар, в трусиках, пытаются
обольстить прекрасную измученную Францию своими жирными дряблыми телесами.

Уличные торговцы продавали маленькие осколки Вандомской колонны и бумажные
хлопушки в виде уродливой головы Тьера.

Перед Домбровским, загораживая мостовую, шли несколько гвардейцев с женами. Один
из них, придерживая на плече малыша, распевал простуженным, хрипящим голосом:

А Мак-Магон[7] привесил шпагу,
Он без нее не ступит шагу,
Ни дать ни взять на башне шпиц,
Он ей пугает в поле птиц.
Припев весело подхватила вся компания:

Ах, ах, ах, я скажу, пожалуй,
Ваш Мак-Магон вояка слабый.
Фавье сердито улыбнулся:

– В Париже все начинается и кончается песней...

У входа на площадь протянулись ряды ларьков, обтянутых цветной парусиной. На
прилавках пестрели груды раскрашенных пряников, сладостей, поджаренных пирожков.
Художники прямо на земле разложили, расставили свои картины. Напудренный Пьеро с
подмостков балагана зазывал публику, обещая отдать половину сбора в пользу
раненых. Из освещенного тира доносились хлопанье выстрелов. Мишени изображали
версальских министров. При удачном выстреле деревянные фигурки под общий смех

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru опрокидывались вниз головой. На протянутых канатах покачивались бумажные фонари. Молодежь танцевала посередине выложенной серыми плитками площадки, на том месте, где восемьдесят лет тому назад их деды разрушили Бастилию и укрепили над развалинами тюрьмы надпись: «Здесь танцуют!»

Возле ограды Июльской колонны крутилась карусель под звуки меланхоличной шарманки:

Пускай всего меня лишили,
Но на земле французской мой шалаш.
А на вершине колонны летящая золотая свобода простирала руки к синему пустому небу, и Домбровскому вспомнилась невеселая шутка парижан: «Свобода ежеминутно собирается улететь из Франции».

Всадники гуськом пробирались сквозь шумную толпу. С высоты седла Домбровскому было видно море голов: женские шляпки – широкополые, перевитые лентами, украшенные цветами, крохотные чепчики, кокетливые береты перемешались с темно-синими кепи национальных гвардейцев, с лихо сдвинутыми котелками, с венками иммортелей на непокрытых женских головах. То тут, то там мелькали букеты фиалок, ветки боярышника, воткнутые в дула шаспо, как будто у солдат за спиной были привязаны молодые деревья.

Подлинные хозяева города впервые свободно справляли свой народный праздник.

Здесь были:

сутуловатые, мускулистые каменотесы;

худенькие, острые на язык ткачихи с фабрики гобеленов;

бесстрашные кровельщики – строители грандиозного Центрального рынка;

рабочие газового завода, их можно было узнать по долгому надрывному кашлю;

щеголеватые писцы из квартала Марэ, с тросточками, в шелковых цилиндрах;

кокетливые горничные, официантки, продавщицы;

косторезчики, граверы, чеканщики с красными воспаленными глазами.

Они строили и украшали город, отделявали Лувр, прокладывали новые улицы, ставили фонтаны; они освещали, чистили, красили Париж, отливали памятники, пекли хлеб, кормили, поили.

Они создали этот город – веселое произведение этого талантливой народа.

Домбровский привстал на стременах, выбирая дорогу среди густой травы. Пользуясь остановкой, конь потянулся к корзине молоденькой цветочницы.

– Ну вот еще! – возмутилась она.

– Это он для меня выбирает, – улыбнулся Домбровский. В лицо ему полетели пахучие ветки белой сирени. Ярослав поймал ветку на лету, хотел поблагодарить девушку, но ее тонкие голые руки, держа над головой цветочную корзину, мелькнули уже далеко.

Домбровский поправил усы, ему стало весело и чуть грустно.

– Если бы они знали, – сказал он Фавье, когда площадь осталась позади.

– Они знают лучше нас с вами, – горячо возразил Фавье.

Неудача в Комитете общественного спасения обескуражила Домбровского. Он завидовал сейчас простым солдатам – ему вдруг захотелось вот так же беспечно шагать с шаспо за плечом, с флягой у пояса туда, куда прикажут, распевать песни, стрелять и отвечать на промах своей, только своей жизнью.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Они проезжали мимо одного из рабочих клубов Бельвилля.

– Заглянем? – предложил Фавье и, драматически прижимая руку к сердцу, пригрозил:

Мой принц, вам одиночество сейчас опасно,
Поблекнет от него румянец сильной воли.
Слабеет живой полет отважных предприятий...

– Ну что же, заглянем, – устало согласился Домбровский. Ему не хотелось возвращаться в штаб.

Придерживая сабли, стараясь не звякать шпорами, они вошли в битком набитый зал. Здесь собирались жители близлежащих кварталов, соседи, товарищи по работе, родные. Приходили целыми семьями, между скамейками бегали дети, женщины вязали, штопали. Сквозь облака табачного дыма виднелась сцена, с кафедры, обтянутой кумачом, говорил очередной оратор.

Трагическое сменялось смешным, рукоплесканья обрывались ледяным молчанием, гневные выкрики неожиданно кончились мирным хохотом. В этом бурлящем котле варилась пища Коммуны – все то, что питало ее идеями, энергией, верой.

Изобретатели предлагали способы уничтожения версальцев. Один требовал отравить воду в Сене, другой объяснял проект парового ружья, третий потрясал ручной бомбой, начиненной особым взрывчатым веществом, пока его решительные жесты не вызвали живейшего беспокойства среди публики.

Благообразный старичок в очках предложил применять для ночных атак электрические прожекторы. Домбровский и Фавье переглянулись. В те годы юная электротехника еще только входила в силу, и эта смелая идея понравилась Домбровскому. Он отвел старичка в сторону, расспрашивая подробности.

Развалясь на скамейке, Фавье наслаждался коротким отдыхом. Жара разморила его. Хотелось курить, и лень было вытащить из кармана трубку. Полузакрыв глаза, он наблюдал за Домбровским. Скромный синий мундир генерала сливался с синими мундирами гвардейцев, с синими, черными блузами мастеровых. Если бы не сабля да не широкий кант на кепи, Домбровского можно было принять за рядового.

Внимание Фавье отвлек новый оратор. Это был длинноволосый человек в каком-то пестром опереточном мундире, длинная худая шея его была обмотана ярко-зеленым кашне.

– ...Только народ пользуется привилегией непогрешимости! – провозгласил он. Польщенная таким началом, публика приготовилась было слушать, но в это время где-то под скамейкой яростно залаяла собака, ее с трудом успокоили.

– Я тоже, подобно Бланки, вот уже двадцать пять лет работаю заговорщиком и останусь им навсегда! – продолжал оратор, пренебрегая смешками.

Заговорщиком? У него потребовали разъяснения.

– Дело вот в чем, граждане. Все правительства отказывали народу в его требованиях. Следовало прибегать к заговору, чтобы вырвать права народу. Допустим, Коммуна вырвала эти права. Но сегодня нам этого уже мало. У нас появились новые требования. Вот почему нам, друзьям народа, надо быть заговорщиками и сегодня, и завтра, и всегда!

Эту теорию постоянных заговоров удостоили насмешливыми аплодисментами.

– Ты что же, против Коммуны подбиваешь нас? – крикнул кто-то.

– Я замечал, что на прошлых собраниях не позволяли прерывать оратора, – возмутился заговорщик.

– Потому что вы не молили такую чепуху! – отозвался ему тот же голос.

– Предлагаю удалить прерывателя! – заявил председатель.

Поднялся шум. Снова возмущенно залаяла собака, к ней со смехом бросились со всех сторон.

Прерыватель не ушел, он даже попросил слова. К общему удивлению, это оказался сухонький, робкого вида литейщик. Попав на ярко освещенную сцену, он испугался, стал путаться, но когда он наконец сказал, что их хозяин сбежал в Версаль, а они сами сегодня ночью начинают литье, люди притихли.

– Вместо фонарей мы будем лить снаряды.

– Вот это действительно изобретение! – приободрили его из зала.

Литейщик победно выставил жидкую бороденку.

– Важно, чтобы нашими снарядами стреляли, – продолжал литейщик. – А ты, гражданин заговорщик... Это пусть Адольф Тьер строит козни... Это по его части. А я, вот... когда мой сын нашкодит, я его сам выпорю, а другому не дам. Вот, это...

– Правильно! – услышал Фавье звонкий голос Домбровского. Он сидел теперь несколько впереди Фавье, сбоку, у стены. Глаза его блестели, лицо покраснелось, он смеялся и аплодировал вместе со всеми. Недавнее уныние покинуло его. Фавье ревниво посмотрел на соседей Домбровского. Одноногий рабочий опирался большими коричневыми руками на зажатую между колен палку. Наклонясь, он что-то гудел на ухо Домбровскому. С другого бока женщина с маленьким ребенком на руках сочувственно и зло кивала головой.

Можно было подумать, что Домбровский живет в этом квартале, завсегдаятай этого клуба.

Фавье затащил Домбровского в клуб, надеясь развлечь его, понаблюдать со стороны, насладиться восхищенными взглядами женщин, ну, хлебнуть глоток-другой обжигающего бодрящего варева этих сумбурных противоречивых идей, метких народных суждений... Домбровский же воспринимал почему-то все происходящее слишком серьезно. Втайне Фавье завидовал Домбровскому, не его двужильной выносливости, в этом Фавье мог соревноваться с кем угодно, а неистощимости его душевных сил. Стоило посмотреть, с какой жадностью слушал Домбровский каждого оратора.

Ораторы упрекали Коммуну в нерешительности, осуждали раскол среди членов Совета. Коммуна не решалась расстреливать заложников, Париж был наводнен шпионами, вчера взорвали патронную фабрику на улице Рапп. Монахи и священники вели пропаганду против Коммуны. Париж чувствовал себя одиноким, крестьяне молчали, провинции не поддерживали Коммуну. Национальная гвардия не наступала. Обо всем этом говорили, все это было правдой. С отчаянием и надеждой хватались за эти причины, спорили, какая из них главная. Тревога за судьбу Коммуны с нарастающей силой волновала самых беспечных, – какая-то тайная болезнь разъедала силу Коммуны.

Люди настойчиво требовали захватить сокровища французского банка. Не имевшие ни разу в жизни в кармане и ста франков, они распределяли миллионы, заботясь лишь о революции.

– Двести миллионов передать в кассу Интернационала!

– Увеличить жалованье гвардейцам!

– Обеспечить сирот!

Какой-то лавочник вздумал протестовать: в банке, мол, находятся вклады частных людей. Какое имеет право Коммуна покушаться на частную собственность. Его проводили свистом.

Женщина, сунув Домбровскому ребенка, вскочила на скамейку.

– Полюбуйтесь на эту шкуру! Он содрал с меня сегодня тридцать франков за четверик картофеля. Тридцать франков! Ему, конечно, нужен банк. А у меня вот какая собственность! – Она подняла юбку и повертела в воздухе рваным, облезлым башмаком с подошвой, прикрученной проволокой. – Мы жрем хлеб из овсовых отрубей и жирной глины...

– Поедаем Монмартрские возвышенности, – с горечью вставил какой-то шутник, но никто не улыбнулся.

– ...и мы не жалуемся. – Женщина глотнула слюну. – Мы готовы терпеть сколько угодно, но не ради того, чтобы набивать мощну лавочникам. Почему Коммуна не разделяется с ними? Там болтают и ссорятся. Не могут приказать расстрелять спекулянтов. Неужели они не понимают... А версальские жулики по ночам вывозят золото из банка!.. Ах, как подумаешь обо всех этих подлостях, так и хочется размозжить себе голову!

Слитная волна гнева вздымалась, обрушивалась обжигающими криками, то вдруг, отхлынув, уступала место внимательному и грозному молчанию. В задних рядах вставали на скамейки. Собрание превращалось в митинг. Домбровский крепко сжал губы. Кто виноват во всем этом? Что делать? В чем причина всех бед коммуны? Общая ярость растревожила в его душе давние безответные вопросы.

– Нам необходима диктатура! – настаивал один. – Пускай Комитет общественного спасения берет всю власть в свои руки!

– С тем чтобы завтра выскочил какой-нибудь новый Наполеон? – отвечал другой.

– Лучше хромать, чем сиднем сидеть, – сказал Урбэн Домбровскому и направился вдоль прохода к сцене.

Встреча с Урбэном обрадовала и опечалила Домбровского. Кожевник очень изменился с тех пор, как они виделись в последний раз. Смерть старшего сына как-то разом состарила его. Обычная, его порывистость сменилась мрачной сосредоточенностью, огонь ушел внутрь, раскаляя его неутолимым, бессонным раздумьем.

– В Коммуне есть и большинство, и меньшинство, и наш брат рабочий, и журналисты... А единства у них нет! – так начал Урбэн свою речь, сразу остановившись на том главном, что присутствовало в какой-то степени в речи каждого оратора. – Нет у них никакого единства! Гражданин Варлен сам по себе хороший революционер. И Делеклюз честный революционер. Все порознь они славные патриоты. А соберутся вместе – глядишь, ничего не выходит, тянет кто куда. Отчего так? Вот тут про диктатуру... Я согласен – мы все желаем сильную власть. Но шалишь, я ее никому не доверю, кроме нас с вами, пролетариев.

Он не выбирал слов, он ухватывал первые попавшиеся, и если бы он говорил о чем-нибудь другом, его невозможно было бы слушать. Но то, что он хотел передать, не нуждалось в красноречии. Каждому казалось, что еще минута-другая, и он сказал бы то же самое вместо Урбэна.

– А так, что... мы страдаем и бессильны действовать. Нам нужен союз рабочих. Вот! – Он поднял над головой огромную руку с растопыренными пальцами и медленно свел их в кулак.

Подошел Фавье. Пора было ехать.

– Да-да, – сказал Домбровский, – надо ехать, – и не тронулся с места.

Восстание в Польше... Раздоры в Центральном комитете... Если бы тогда «красные» имели свою партию, восстание победило бы... Отсюда, из рабочего клуба Бельвилля, он вдруг увидел ошибки своего прошлого...

Председатель поставил на голосование резолюцию с требованием объединить рабочие клубы Парижа в одну политическую организацию.

Домбровский поднял руку вместе со всеми.

Никогда еще Фавье не видал его таким возбужденным. Как будто Домбровский поднял обычное забрало холодного спокойствия, и на Фавье глянуло его живое, настоящее лицо.

Провожая их, Урбэн напомнил Домбровскому о своем младшем сыне Морисе.

– Я тебе уже сказал, – с мягкой решимостью ответил Домбровский, – ему шестнадцать лет, рано.

Урбэн взял Домбровского за локоть.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Я понимаю. Но хуже, если он сунется сам..

– А мать вы спрашивали? – сердито спросил Домбровский.

– Если бы твоему сыну было шестнадцать лет, – сказал Урбэн, – пустил бы ты его?

Если бы янеку было шестнадцать лет.. Он попробовал представить янека большим – темный пушок на верхней губе, длинную тонкую шею..

– Фавье, пишите, – хмуро сказал Домбровский. – Командиру учебного легиона. Зачислить Урбэна Мориса, шестнадцати лет, рядовым.

Он расписался, вырвал листок из блокнота, отдал Урбэну.

Кони взяли с места крупной веселой рысью. Париж еще не спал. Освещенные разноцветные окна домов походили на беспорядочно развешанные по каменным стенам картинки в одинаковых рамках. На набережной Сены сидели неизменные рыболовы, гипнотизируя свои поплавки. Извечные весенние парочки, ища уединения, уходили до самых окраин.

Домбровский посмотрел на часы и, ничего не говоря, круто повернул в сторону ворот Майо. Фавье насторожился.

Начались пустынные, темные бульвары. Гневные силуэты развалин тянулись к небу. Всадники придерживали лошадей, спотыкающихся среди выбоин и камней. Под копытами хрустело битое стекло. Сквозь переплеты окон обгорелых, разбитых домов навывлет сверкали звезды.

Подъехали к городской стене. Здесь проходила линия укреплений Коммуны. Снаряды, свистя, ложились совсем рядом. Вспышки выстрелов версальских батарей подбрасывали темноту куда-то вверх, но она тотчас падала еще более черной, густой. Домбровский, привстав на стременах, застыл в непонятном для спутников ожидании. Кони пугливо прядали ушами.

Фавье раскурил трубку, выражая полное безразличие к близким разрывам. Очевидно, Домбровский, воодушевленный услышанным в клубе, решил не считаться с мнением КОС. Ну и чудесно! Ворота будут открыты, и версальцев заманят в ловушку. Фавье был рад, ему самому теперь решение Комитета казалось непростительно трусливым. Он живо представил себе – мимо них, в этой кромешной тьме, спотыкаясь, движутся колонны версальцев. На перекрестке их ждет баррикада с заряженными орудиями. Отсюда из развалин нацелены десятки митральез, сотни шаспо. Взлетает ракета. Трах! Лавина огня обрушивается со всех сторон в каменное ущелье улицы. Летят гранаты, рвется картечь. Версальцы мечутся, падают, кричат... А Домбровский? Проклятье!

Как бы перехитрить версальцев и спасти Домбровского перед началом сражения?

«А что, если вместо Домбровского поведу версальцев я? – вдруг подумал Фавье. – Наплету им, что Домбровский ранен, то да се, – он расхохотался. – Какой простой выход! Мне небеса открыли этот путь!»

К несчастью, Фавье был хорошим мечтателем, но плохим сердцеведом. Домбровский сухо сказал:

– Решение состоялось, не стоит больше возвращаться к этому.

– Чепуха, победителей не судят, – загорячился Фавье. – Вы слышали, что требует народ? Нас поддержат..

– Против кого?.. Против коммуны поддержат? Воевать с Комитетом? Так мы далеко зайдём.

– Будет уничтожена дивизия версальцев – вот что главное.

– Будет уничтожена дисциплина. Я солдат, Фавье, и не умею не выполнять приказа.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Но это же преступление – никак не использовать такой возможности!

Домбровский усмехнулся:

– Ну, кое-как мы ее используем.

Последние слова он произнес среди разом наступившей тишины. Обстрел прекратился. Они подождали еще несколько минут, напряженно прислушиваясь. Сзади удивленно переговаривались адъютанты. Домбровский снова зажег спичку и взглянул на часы. Фавье с недоумением смотрел на его склоненное внимательное лицо и хитрую сеть морщинок у глаз.

Спичка погасла, и кто-то впереди спросил:

– Гражданин Домбровский?

Фавье узнал по голосу капитана Монтерэ, знаменитого командира участка ворот Майо.

Домбровский перегнулся через седло, пожал ему руку.

– Начинай, гражданин Монтерэ, – сказал он вполголоса. – В твоём распоряжении двадцать четыре часа. Завтра я тебе пришлю капитана Потапенко с людьми. Помни: все зависит от твоей осторожности.

– Я надеюсь, что мне можно не прекращать огонь? – спросил Монтерэ.

– Ни одного выстрела. Усиль наблюдение. Пусть они думают, что мы ушли отсюда.

Монтерэ проворчал что-то насчет версальских каналов, получивших возможность отдохнуть, и исчез так же бесшумно, как и появился.

Сжалившись над изнемогающим от любопытства Фавье, Домбровский рассказал ему о заготовленном на всякий случай сюрпризе. Участок ворот Майо в результате сосредоточенного обстрела версальских батарей представлял собой одно из самых слабых мест по фронту. Разрушенные бастионы оползали в ров. Все прикрытия и тоннель были разворочены снарядами. Из-за непрерывного огня коммунары не имели возможности восстановить ни одной амбразуры. Убедить Вессэ, а через него Версаль, перенести наступление на этот участок можно было, не возбуждая никаких подозрений.

Пока Фавье в штабе занимался подготовкой плана операций, Домбровский заехал к Монтера и договорился с ним о том, как использовать суточную передышку. Вечером, перед посещением КОС, он послал в помощь Монтера саперов. За ночь они должны были хоть как-то восстановить укрепления.

Жизнь научила Домбровского рассчитывать не только на успех, но и на неудачу. Чем реже он ошибался в своих расчетах, тем упорней заставлял себя быть готовым к любым неожиданностям. И на сей раз он предусмотрел случай провала его плана в КОС.

Фавье смеялся, припав к шее коня:

– Отныне вы сделали из них дураков, достойных их подлости. Тьер доволен сейчас больше, чем мы, хотя мы довольны сейчас тем, что он доволен больше, чем он... – Окончательно запутавшись, Фавье махнул рукой. – И все же вы совершаете ошибку, – вдруг сказал он с грустью, очень серьезно.

Вессэ явился в замок Ла-Мюэт задолго до назначенного часа. Домбровского еще не было. В пустой приемной у дверей кабинета, развалившись в кресле, дремал ординарец. Его рыжая кудлатая голова неудержимыми толчками склонялась к груди. Когда подбородок касался жестяной пуговицы мундира, ординарец испуганно вздрагивал, осматривался, и вскоре все начиналось сначала. Вессэ присел рядом на плюшевый диванчик и закурил. Он чувствовал себя отвратительно: ломило в висках, во рту был кислый металлический привкус. Последние сутки он беспробудно пил, чтобы как-то укоротить томительное ожидание сегодняшней встречи.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Ему чертовски не везло: теперь, когда у него появились деньги – задаток в пять тысяч франков, – не было возможности потратить их с подобающим шиком... Коммуна прикрыла все кабаки и рестораны.

Пришлось довольствоваться одним из тех грязных притонов, где он пять лет тому назад начинал свою карьеру. Величественно похлопывая по плечу старых друзей, Вессэ успокаивал их: «Все наладится, мальчики. И скоро...» Суровый порядок, наведенный Коммуной в городе, загнал в щели апашей, воров, скупщиков краденого. Коммуна оказалась гораздо страшнее полиции – привычного хозяина, с которым в конце концов можно было столкнуться.

Сегодня утром, постепенно приходя в себя, Вессэ вспомнил, что несколько раз видел перед собой встревоженные лица своих агентов. В гудящей голове мелькали обрывки фраз о странном ночном оживлении у ворот Майо. «Стучат лопатами», – явственно вспомнил он чей-то горячий шепот на ухо.

Желая рассеять свои опасения, Вессэ растолкал ординарца и принялся его расспрашивать. Парень, зевая и потягиваясь, охотно подтвердил, что действительно версальцы почему-то совершенно прекратили обстрел ворот Майо. На все остальные вопросы он отвечал уклончиво, а потом и вовсе замолчал. Надеясь развязать ему язык, Вессэ стал сам рассказывать всякие версальские сплетни. Приоткрыв пухлые губы, с простодушным и глуповатым видом парень вначале доверчиво слушал его.

После описания одной из ночных оргий, во время которой, по словам Вессэ, генерал Галифэ поднял с постели нескольких чиновников, напоил их до бесчувствия, дал им ружья и погнал в нижнем белье брать приступом Версальский дворец, перепугав до смерти охрану, последовал рассказ о том, как на днях Тьер отправился на прогулку, упал с лошади и сломал себе ногу.

– Вот беда, – огорченно пробормотал парень.

Вессэ рыскнул глазами – в зале никого не было.

– Что-о? – переспросил он, все еще не веря своим ушам.

Парень с наслаждением зевнул и сказал, ухмыляясь:

– Я говорю, жалко, что Тьер не сломал себе шею.

Неожиданно взгляд его стал внимательным, ощупывающим. Вессэ инстинктивно отодвинулся, скривился в быстрой улыбке, но сонная дымка уже снова затянула равнодушным лицо парня, не оставляя на нем ничего, кроме откровенного желания отвязаться от назойливого собеседника. Стиснув зубы, Вессэ тихонько выругался и отошел в другой конец зала. Бесплезно пытаться заинтересовать чем-нибудь этого увальня. Такая же тупая скотина, как и все коммунары. С ними никогда не знаешь, как вести себя. Он сунул руку в карман, успокоенно нащупал рукоять ножа. Попадись ему этот молодец в другом месте, он бы заставил его заговорить.

Настроение Макса Вессэ окончательно испортилось. Кусая губы, он ходил из угла в угол, то и дело щелкая крышкой золотых часов. Почему нет Домбровского? Домбровский должен ожидать этой встречи так же нетерпеливо, как и он, Вессэ. До назначенного срока оставалось несколько минут. Что это, показная точность или... Не может быть, – Домбровский достаточно хитер, чтобы провести этих простаков из Коммуны. Но что же мог означать стук лопат вчера ночью у ворот Майо?

Ординарец вдруг встрепнулся, прислушался, потом вскочил, отодвинул кресло, оправил мундир и застыл у дверей с безразлично-скупающим видом. Его действия озадачили было Вессэ, но в это время в приемную быстро вошел Домбровский в сопровождении двух офицеров. Они направились в кабинет, и Вессэ уверенно последовал за ними, не ожидая приглашения.

Домбровский на ходу отстегнул саблю, швырнул ее на кушетку, снял кепи и, поглаживая руками волосы, прошел к письменному столу. Молча, не садясь, он подписал несколько бумаг, поданных ему из папки одним офицером. При чтении последней бумаги он задержался. Речь шла об объявлении благодарности батальону Монтерэ за успешное восстановление укреплений в районе ворот Майо.

– Это поэма, а не приказ, гражданин Фавье, – недовольно сказал Домбровский,

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
зачеркивая какую-то фразу.

Фавье уныло проследил за кончиком карандаша в руке генерала.

– И почему здесь нет твоей фамилии? – продолжал Домбровский.

Фавье оживился.

– Ну, тогда придется записать благодарность и господину Тьеру и... – Он на лету поймал предостерегающий взгляд Домбровского, брошенный в сторону Вессэ, и сразу понял, кто этот странный посетитель. Талантливый актер, Фавье не выдал себя ни единым жестом и спокойно закончил фразу: – ...и господе богу. – Только лукавые морщинки собрались у него на переносице да пальцы его начали долго возиться с тесемками папки, завязывая особенно сложный бантик. Всем своим видом Фавье испрашивал разрешения остаться. Действительно, комическое положение Вессэ обещало сделать предстоящую сцену настолько интересной, что совестно было лишать Фавье этого удовольствия. Кроме того, присутствие свидетеля избавило бы Домбровского от возможных сплетен. Но странно, стоило ему об этом подумать, как самолюбие его ощетинилось.

– Гражданин Потапенко, – строго обратился он к спутнику Фавье, молоденькому офицеру с забинтованной головой. – В штабе грязь, люди ведут себя как на биваке. Распорядитесь ежедневно натирать полы и вставить стекла. Нам здесь жить да жить. Можете идти.

«Ловко! – одобрительно подумал Вессэ. – Замечает следы». И он снисходительно проводил офицеров глазами.

– Ну, как дела? – спросил Вессэ, как только офицеры ушли.

Вспоминая потом свое поведение, Домбровский не мог объяснить себе, что толкнуло его на этот разговор. Скорее всего, ему хотелось вознаградить себя за неудачу в КОС, а может быть, накопившаяся в нем ненависть к Версалью искала какого-то выхода.

– Дела? – в раздумье переспросил Домбровский. Он стоял напротив Вессэ, постукивая костяшками пальцев по спинке кресла. Их разделял широкий письменный стол.

Помолчав еще некоторое время, как бы примериваясь, он, не скрывая сочувственной усмешки, покачал головой:

– Плохи ваши дела.

Вессэ подался вперед.

– Что случилось?

– Я передумал. Ворота Майо открыты не будут. – Домбровский полюбовался выражением лица Вессэ. – Меня не устраивает роль привратника господина Тьера. Вы слишком мало платите.

– Позвольте, мы же с вами прошлый раз договорились о сумме – и вы согласились. – Вессэ облизнул губы и укоризненно покачал головой.

– Я последовал вашему совету и служу тем, кто мне больше дает.

Вессэ нервно рассмеялся:

– Разрешите узнать, сколько вам дает коммуна?

– Боюсь, что вам не понять, – участливо сказал Домбровский. Он на минуту задумался, потер лоб. – Коммуна дала мне ясность того, как надо освобождать мою родину.

Вессэ стукнул кулаком по столу.

– Опять разговоры! Скажете ли вы, сколько вам надо денег? Хотите семьсот

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
пятьдесят тысяч? Чеком на лондонский банк Ротшильда. Оплата по приезде в Лондон,
в течение недели.

Домбровский печально развел руками.

– Я так и думал, что вам не понять. – Голубые глаза его смеялись, прячась за
длинными светлыми ресницами.

– Вы отказываетесь от этих денег? – Оторопев, Вессэ некоторое время собирался с
мыслями. – Вы затеяли опасную игру, Домбровский. – Он встал и бесшумно заходил
по комнате. – А если мы сообщим в Совет Коммуны, что вы занимаетесь переговорами
за их спиной? А? – Его острая челюсть выпятилась, угрожающе ощерив зубы. – Мы
начнем звонить об этом во всех газетах до тех пор, пока сами коммунары не
поверят нам. Что, а? Вы хитры, но я тоже не промах, – угрожающе закончил он.

– Вряд ли, если вы говорите мне об этом, – и, не сдерживая улыбки, Домбровский
спокойно описал события, произошедшие после их последней встречи.

Вессэ внимательно выслушал его. Лицо его покраснело, выражая неподдельное
огорчение. Сунув руки в карманы, он обошел стол, приблизился вплотную к
Домбровскому. Длинная шея его вытянулась, он наклонил голову набок, прищурился:

– Где же ваше слово офицера? Я-то считал, что вы, поляки, люди чести. А вы, мой
генерал, мелкий обманщик! Ай-я-яй, нехорошо...

– Вы мне говорите о чести? – не двигаясь, слегка подняв брови, спросил
Домбровский.

Вессэ мог поклясться, что в эту минуту поляк впервые поглядел на него как на
одушевленное существо своими проклятыми ледяными глазами.

– Жаль, что мне не удалось провести вас по-настоящему. Вы требуете чести! –
Домбровский расхохотался. – Сколько вам обещали за подкуп? Эх, если бы мы не
были так щепетильны...

– Я не люблю, когда надо мной смеются, – Вессэ вздохнул, неуловимым движением
его рука выскользнула из кармана, нанося безошибочный удар парижских апашей
снизу вверх. Не заметив блеска ножа, Домбровский инстинктивно откинулся назад,
кончик ножа, с треском распоров сукно мундира на груди, мелькнул перед самым его
лицом. Вессэ снова бросился вперед с поднятым ножом, Домбровский швырнул ему под
ноги кресло, отскочил, прислонился к стене.

Шум падающего кресла заставил Вессэ опомниться. Рыскающие глаза мгновенно
отметили: сабля лежит на кушетке в другом конце комнаты, кобура пистолета
наглухо застегнута. Домбровский зажат в узком тупике между стеной и письменным
столом...

– Посмеешь пикнуть – прирежу, – процедил Вессэ сквозь зубы, косясь на дверь.

– У вас руки дрожат, – громко и брезгливо сказал Домбровский, глядя на него в
упор. – Вы слишком мелкий негодяй, чтобы убивать бесплатно. Вас расстреляют мои
солдаты здесь во дворе, и вы не успеете получить даже сантима от Тьера.

Уверенность Домбровского действовала пугающе. Вессэ столкнулся с мужеством
солдата, всю жизнь имевшего дело со смертью, и должен был отступить.

– Хорошо, – сказал Вессэ, пряча нож в карман и пытаясь сохранить развязный тон,
– но имейте в виду, если вы меня арестуете...

– Не беспокойтесь, – заверил Домбровский. – Я считаю, что для господина
президента будет гораздо неприятнее увидеть вас здоровым и невредимым и
выслушать рассказ о нашей встрече, чем считать ваш арест случайностью.

– Вы... отпускаете меня? – недоверчиво спросил Вессэ.

– Ваша служба у Тьера принесет нам больше пользы, чем ваш арест, – любезно
ответил Домбровский и нажал кнопку звонка.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Вошел ординарец.

– Гражданин Рульяк, проводи этого господина за ворота.

– Ах, сколько благородства, генерал, – пробормотал Вессэ, отступая к дверям.

– Не стоит вспоминать об этом, – Домбровский откланялся. – Рульяк, если тебе когда-нибудь придется встретить господина Вессэ в Париже – пристрели его. То же самое я обещаю вам от себя.

Закрыв дверь на задвижку, Домбровский снял мундир, осмотрел порванное сукно. Осмотр утешил его. Присев на кушетку, он стал зашивать порезанное место. Шил он быстро, умело, прочными мужскими стежками и чему-то улыбался – то ли старой солдатской привычке хранить иголку с ниткой за отворотом кепи, то ли мысли о восстановленных укреплениях у ворот Майо.

Иначе нельзя

Дверь зала распахнулась, пропустив трех человек. Холодный ночной ветер ворвался за ними, вспугнув желтое пламя свечей и листы бумаг, разбросанные по столам. Члены Комитета общественного спасения и военной комиссии Коммуны, заседавшие здесь уже пятый час, встрепнулись. Сквозь заметавшиеся голубые волокна табачного дыма они увидели командующего Западным фронтом гражданина Домбровского. Отстранив поддерживающих его с обеих сторон адъютантов и закусив губу, Домбровский тяжело поднялся на трибуну. Между красными отворотами его расстегнутого мундира ослепительно белели бинты, перевязывающие грудь. Очередной оратор запнулся на полуслове, медленно опустил протянутую руку. В зале тревожно зашептались. За два месяца ожесточенных боев Париж настолько поверил в неуязвимость «маленького поляка», что его ранение казалось какой-то роковой приметой.

Нервно дернув пружину колокольчика, хотя в зале уже воцарилась напряженная тишина, председатель дал слово гражданину Домбровскому.

Контузия, полученная час тому назад в схватке у ворот Отейль, мешала говорить, каждое слово болезненно отдавалось в груди. Домбровский часто останавливался и, морщась, ждал, пока утихнет боль.

– Вам известно из моей телеграммы: чья-то измена помогла версальцам ворваться в город. Они и сейчас продолжают входить через ворота Отейль, Пасси и Сен-Клу. Пятьдесят моих волонтеров полтора часа удерживали замок Ла-Мюэт. Они отступили, не получив помощи. Я задержал колонну версальцев у ворот Пасси и тоже отступил, не получив подкрепления. В квартале Гренвиль удалось еще раз задержать продвижение версальцев. Я слал вам депешу за депешей. Нам надо было всего двадцать свежих батальонов, чтобы выбить противника из города. Семь часов прошло с тех пор, но мы не получили ни одного человека. Теперь не хватит и ста батальонов. – Домбровский облизнул сухие обожженные губы. – Я приказал свертывать фронт к северу, чтобы избежать обхода, а полковнику Лиссбону оттянуть войска с южных районов и попытаться отрезать версальцев.

Поднялся глухой шум. Домбровский передохнул и, подняв руку, закончил:

– Противник овладел Пасси, пороховыми погребами на улице Бетховена... По дороге сюда мне сообщили, что собрано одиннадцать батальонов слабого состава. Это все, что вы сделали... Отсутствие связи мешает мне точно выяснить положение, но в западные предместья вошло приблизительно девять дивизий, через южные ворота – три дивизии. Итого теперь в городе тридцать тысяч штыков версальцев против наших девяти тысяч.

Домбровский сошел с трибуны, присел на подоконник, предоставив Грассе отвечать на все вопросы. Изредка открывая глаза, он видел, как члены Комитета общественного спасения беспомощно рассматривают карту, не разбираясь в обстановке. Кто-то горячо доискивался измены. Каждый предлагал свой план спасения. Заседание потеряло всякий порядок.

– Необходимо еще раз запросить наблюдателей на Триумфальной арке!

– Единственный выход – передать все командование в руки одного человека.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Ого! Чтобы это кончилось диктатурой?

– Не пугай нас словами! Наступило время, когда диктатура может спасти демократию.

– Граждане, достаточно, если мы передадим все полномочие исполнительной власти Делеклюзу и Домбровскому.

– Одного нужно, одного.

– Войдя в Париж, версальцы погибнут среди баррикад!

Минуты шли за минутами, и шум становился все бестолковей. Отовсюду слышался визгливый, царапающий голос Феликса Пиа:

– Я говорил... я предупреждал... я знал...

Домбровский не любил Пиа. Член Комитета общественного спасения Феликс Пиа ни разу не посетил аванпосты, зато его всегда можно было встретить в кулуарах ратуши, в бесчисленных комиссиях, в кафе, в редакциях. Всюду он произносил речи. То неистовствующий, то патриархальный, поддельваясь под героев 93-го года, эффектно помахивая красным шелковым шарфом члена Коммуны, он расхаживал прыгающей походкой, всюду вмешиваясь, путая, отнимая время пустыми хвастливыми речами, сея раздоры, занимаясь интригами. Домбровский не скрывал своей неприязни к Феликсу Пиа и вскоре обрел в нем врага.

Несколько раз Ярослав порывался что-то сказать, но его голос тонул в общем гаме. Никто больше не обращал на него внимания. Подозвав Грассе, он шепнул ему что-то на ухо. Грассе, выбежав на трибуну, ожесточенно заколотил рукоятку револьвера по столу, водворяя порядок.

– Генерал Домбровский предлагает ударить немедленно в набат, разбудить Париж, поставить под ружье всех мужчин!

Тотчас откликнулся Пиа:

– Ударить в набат? Ни в коем случае! Такой поступок обнаружит нашу слабость. А паника?.. – И язвительно добавил: – Не все обладают хладнокровием гражданина Домбровского.

Но Грассе продолжал настаивать, и Пиа накинулся на него.

– Коммуна! – декламировал он, простирая руки с такой невыносимой напыщенностью, что Ярослав зажмурился. – Коммуна – мое детище. Я хранил свою мечту двадцать лет, я ее вскормил, я ее взлелеял и не дам всяким проходимцам ее погубить! – Пиа вызывающе оглядел Домбровского. Ему всячески хотелось пробить стальную кольчугу спокойствия, которой всегда был закрыт этот человек.

– Хватит, благодаря твоим заботам, гражданин Пиа, мы потеряли Кламар и Мулен-Саке, – возмущенно заметил кто-то из членов военной комиссии.

– Это оскорбление, клевета! – завопил Феликс Пиа. – Я требую доказательств!

И снова поднялся галдеж. Кричали, пререкались, вспоминали падение форта Исси, кого-то опять обвиняли в измене. Ярослав пропускал мимо ушей все оскорбления, грязные намеки, которые позволял себе Пиа. Прильнув лбом к холодному стеклу окна, он ловил далекие звуки выстрелов. Судя по их силе и направлению, версальцы, наверное, подходили уже к Трокадеро.

Бешенство душило его. Он оторвался от окна; в груди под бинтом тяжело заняло; дым, плавающий в воздухе, словно наполнил голову, смешивая мысли в горячий хаос; огненные пятна свечей закачались, сливаясь в темный круг, и вот это уже не круг, а лицо Пиа, – оно растет, увеличивается, и вот уже можно видеть только огромный разинутый рот...

Чувствуя, что начинается бред, Домбровский напряг всю свою волю, борясь с желанием выхватить пистолет и всаживать пулю за пулей в орущий рот Пиа, – тогда,

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
наверное, оборвется визгливый крик и наступит такая тишина, что все услышат, как там, за окнами, по спящим улицам, ближе и ближе стучат кованые сапоги версальских солдат.

Но вот высокий, вздрагивающий старческий голос гневно поднялся над шумом:

– Вы все спорите, а версальцы убивают коммунаров в центре города!

На трибуне Делеклюз – военный делегат Коммуны. Чахоточными пятнами румянца пылают его морщинистые щеки.

– В такой момент тратить время на вопросы самолюбия!

«Наконец-то!» – облегченно думает Ярослав. Как будто распахнули окно и свежий воздух обдал его горячую голову.

– ...пробил час действия! Если Коммуна и Комитет не сумели обеспечить победу, то ее добьется народ. Мы дадим ему свободу действия и пойдем с ним на баррикады!

Домбровский насторожился.

– ...всякие штабы ослабят нашу силу. Версальцы, войдя в Париж, погибнут в нем. Каждый дом – крепость! Сегодня место народу, место борцам с засученными рукавами.

«Что он говорит?» – недоумевают Домбровский. Он оглядывается по сторонам и на всех лицах видит выражение того же согласия и радости, которое он сам испытал минуту назад. Домбровский изо всех сил трет лоб, пытаясь разобраться в происходящем. Громкие аплодисменты звучат для него как треск рухнувшего здания.

Делеклюз спустился вниз, и его плотной толпой окружили члены Коммуны. Домбровский с несвойственной ему грубостью растолкал плечами людей, схватил Делеклюза за руку и оттащил в сторону.

– Что ты делаешь, гражданин Делеклюз? Распускать армию нельзя! Нас перережут поодиночке, как баранов. Вы помогаете версальцам. Разве можно отстоять город без армии? Послушай, Делеклюз, только не это! Еще можно что-то сделать. Пока есть армия, мы – государство, а не бунтовщики. Армия – это наша надежда!.. Последнее, что у нас есть. Мы оттянем войска от Врублевского. На рассвете артиллерией ударим с Монмартра... только не распускай армию. Это безумие!

Делеклюз ласково высвободил сухие слабые пальцы из рук Домбровского.

– О нет! – сказал он с еще не остывшим возбуждением. – Если наша армия до сих пор не сумела... Парижанин лучше всего дерется на своей улице. Он специалист баррикадной войны. У нас свои традиции. Ружье в руках, камни мостовой под ногами – и ему наплевать на всех стратегов... И потом, – добавил он, утешая, – может быть, я неправ, но что другое может их так же скоро преобразить?!

Они молча поглядели в зал, – там царило возбуждение. Лицом к лицу встретиться с врагом. К черту всякие заседания, планы, обсуждения: стрелять – вот что теперь надо! Всем надоела двухмесячная осада. Победа или смерть! В своем квартале они сумеют задать трепку версальской сволочи. Каждый знал, что ему делать, куда идти. Все члены Коммуны должны были организовать оборону в своих округах. Никакая сила не могла заставить их изменить принятого решения. Домбровский понял это и, молча попрощавшись с Делеклюзом, вышел из зала, опираясь на плечо Рульяка.

Пройдя длинный полутемный коридор, они вошли в пустую комнату, и Домбровский продиктовал Грассе две записки – одну Фавье, другую Врублевскому. Он сообщал о решении Комитета общественного спасения и подробно перечислял все то, что нужно было сделать, чтобы это решение не привело к катастрофе.

Обе записки должен был отвезти Грассе. С Домбровским остался Рульяк. Они спустились вниз, в лазарет. Домбровскому сделали перевязку, и ему стало немного легче. Теперь он мог двигаться без посторонней помощи. Не слушая доктора, он вышел с Рульяком на площадь перед ратушей.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Оставалось одно последнее дело.

– Ты слышал, Рульяк? Они не хотят будить Париж, – сказал Домбровский, останавливаясь под фонарем, чтобы лучше видеть лицо Рульяка. – Версальцы будут занимать улицу за улицей... Квартал за кварталом... И город будет спокойно спать. А завтра парижане проснутся и тоже ничего не будут знать, пока версальцы не появятся у них под окнами.

– Нужно разбудить людей, – убежденно сказал Рульяк. – Мало ли что они приказывают. – Он вдруг начал ругаться: – К чертям собачьим все их приказы! Раньше они о нас не думали, а теперь приказывают.

– Довольно разговоров! Надо ударить в набат. Всю ответственность я беру на себя. Я первый раз в жизни нарушаю приказ, и то, кажется, слишком поздно... Ну да ладно... Отправляйся в штаб. – Домбровский объяснил Рульяку, что надо делать. – Чего еще? – сердито спросил он, видя, что Рульяк мнетя, не уходит.

– Да вот... как же я тебя, гражданин, оставлю?

– Это что еще за нежности? – Домбровский криво усмехнулся. – Ты можешь вернуться в свой Бельвилль. Я уже не главнокомандующий, и ординарцев мне иметь не положено. Так что сделаешь дело – и домой спать.

Рульяк даже не счел нужным отвечать на такое нелепое предложение.

– Я должен знать, где мне найти вас, – настаивал он.

Домбровский подумал: ну что ж, пусть приходит утром в ратушу.

Вот и кончены все дела.

Где-то позади на чугунных стеблях, у подъезда ратуши, затерялись молочные гроздьи фонарей. Домбровский медленно бредет по пустынным ночным улицам, придерживаясь за стены домов. Как он сразу вдруг ослабел. Ведь, в сущности, пустяковая рана, даже не рана, а контузия. Нет, дело не в ней. Только необычайное нервное напряжение позволяло ему работать последние недели почти без сна. Никто не подозревал, во что обходится ему это прославленное спокойствие. А теперь, когда напряжение спало, накопленная усталость нахлынула сразу. Ну что ж, надо попробовать устоять на ногах. Все, кроме него, знают, куда им идти, что делать. И он должен решить, что ему делать. Разговор с самим собой – самый тяжелый для человека разговор, ибо здесь нельзя лгать и недоговаривать. Никто не в силах помочь ему. У него самого должно хватить мужества сделать выбор.

Обессиленный ходьбой, Домбровский свалился на плетеный стул на открытой террасе какого-то уличного кафе. Над входом, поскрипывая, качался стеклянный бочонок. Улица, освещенная луной, была пуста, и четкие тени столиков лежали на панели.

– Поражение неизбежно...

Только сейчас, когда Домбровский произнес слово «поражение», гибель Коммуны открылась перед ним пропастью, куда рухнули все надежды.

Почему-то вспомнилось, как в штабе, урывая время от коротких часов сна, они мечтали о будущем: Фавье – он вернется на сцену. Пойдет пьеса о славной войне Коммуны, о том, как знамя ее поднимали один за другим департаменты Франции и как Версаль пал. И в этой пьесе Фавье – они хохотали – будет играть... Домбровского! «Вот, голубчик, когда заставят тебя промолчать всю пьесу. Болтун несчастный!» – посмеивался Грассе.

Грассе поступит учиться в Сорбонну. «Черт возьми, тогда каждый рабочий парень сможет быть студентом!» Фавье, комично передразнивая манеры Грассе-профессора, пищал, взобравшись на стул: «Граждане студенты, сегодня лекция о патологии. Вот перед вами в банке пойманное в версальских лесах невиданное чудовище, отвратительный выродок из породы подлецов, заспиртованный Шибздикус-Тьер...»

Ярослав? Он останется военным. Иной профессии для него нет. Он вернется на родину, умудренный опытом Коммуны. Какими детскими и наивными казались ему ошибки 63-го года. Все будет иначе! Он чувствовал себя артиллеристом у орудия,

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru накрывшим цель в «вилку»: был перелет, был недолет, теперь он мог взять нужный прицел. За спиной у него будет свободная Франция – страна, которую он освобождал. Он твердо знал, что такие люди, как Верморель, Делеклюз, Варлен и тысячи парижских рабочих, – вся Франция поможет ему освободить отчизну. А потом он хотел написать книгу о новой тактике войны Коммуны.

Ничего этого не будет. С ожесточением перечеркивал он свои надежды, которые должна была осуществить Коммуна. И чем больше ему было, тем упорнее он становился.

Он смотрел на гладкий мрамор столика. Серебряное пятно луны плыло между локтями. Вздохнув, он поднялся и опять пошел, опираясь на саблю. Теплый ночной воздух был полон свежими запахами зелени. Жаркое раннее лето нагрело в этом году на Париж. Из развороченных мостовых выбивалось зеленое пламя травы, острые язычки в жадной ярости, казалось, готовы были перекинуться на стены домов. Сады томились за железными решетками, деревья протягивали сквозь прутья пышные ветви.

Парижане обнаруживали затерянные среди улиц сады, скверы, аллеи. Весь город был полон зелени. Цветов было даже больше, чем обычно. Откуда только ухитрились доставать их загорелые, худенькие девчонки, торгующие букетами на перекрестках. Только этой ночью, впервые за месяц осады, заметил Домбровский захватывающую роскошь молодого лета. Никогда с такой силой не бродило в нем вино жизни. Неясная, как в тумане, мысль начала тревожить его.

Он остановился у ограды, перед аркой, где вдоль баррикады расположился отряд гарибальдийцев. Солдаты, подостлав шинели, спали на связках соломы. Двое дежурных сидели, скрестив ноги, у гаснущего костра. Рокоча, закипал на огне котелок. Солдаты беседовали между собой так тихо, что до Ярослава доносился только их смех. Вдруг они вскочили, прислушиваясь. Из темноты донесся скрип колес. Они пошли по направлению звуков и через несколько минут вернулись вместе с широкоплечей старухой, толкавшей перед собой пузатую тачку, доверху наполненную листовками. Она опустила тачку и утерла рукавом потный лоб.

– Ну, сынки, просыпайтесь! Полюбуйтесь, какой подарочек принесла вам старая Кристина. – Она взяла листовку и, ловко мазнув кистью, прилепнула ее к стене.

Гвардейцы, разбуженные шумом, потягиваясь и зевая, столпились перед сырым от клея листом. При неверном свете костра кто-то с трудом читал пахнущие краской буквы:

«Довольно милитаризма, долой генеральные штабы в расшитых золотом и галунами мундирах. Место народу, бойцам с обнаженными руками. Час революционной борьбы пробил...»

Это было воззвание Делеклюза.

Через несколько минут весь отряд был на ногах.

– Домой!

Коммунары быстро разбирали из козел ружья, отыскивали ранцы, рассовывали по карманам патроны.

– Рено, захвати еще полсотни на долю дядюшки Леру!

– Ну, Эмиль, прощай, мы к себе...

Напрасно командир уговаривал их остаться, его никто не слушал:

– Приказ, гражданин, ничего не поделаешь!

– И здесь ведь живут люди, придут и сюда защищать.

– Эй, кто тут из Батиньоля? Пошли со мной!

– Поль, поторапливайся. Как бы «мясники» не подобралась к нашей улице.

...Если он вмешается, то сумеет их остановить, но Ярослав знал, что то же самое

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru творится сейчас повсюду, и отступил в тень, прижавшись теснее к росяной, пахнувшей ржавчиной ограде.

Торопливо прощаясь, коммунары расходились в разные стороны.

Вскинув шаспо, стрелки покидали бастионы. Арсеналы и склады оставались без охраны. Распадались легионы, фронты, управления. «Скорее домой! Защищать свою улицу!» Рушилась армия, которую Домбровский организовывал, учил в боях, с которой отстаивал город уже два месяца.

Опрокинутый котелок валялся на почерневших углях костра. Белый пар, шипя, поднимался и исчезал в темноте.

Какую же улицу ему защищать? Весь восставший город одинаково дорог ему. Париж стал для него второй родиной. Вернее не Париж, а Коммуна, ее не разделишь на улицы и переулки.

Домбровскому вспомнилась вся его жизнь – тяжелая, полная лишений походная жизнь солдата революции. Сколько городов лежало на его пути: Москва, Петербург, Тифлис, Хельсинки, Стокгольм, Женева, Цюрих... Неужели сюда прибавится и Париж? Еще один верстовой столб по дороге домой. «Уехать?» – слово, неясно мучившее его, было произнесено. Значит, решено: Коммуна погибла, он уезжает. Он идет сейчас домой, чтобы переодеться в штатское платье, сбрить бороду и усы...

Две маленькие комнатки освещены зеленым светом луны. Незачем зажигать огонь. Неделию тому назад он также приехал ночью, его встретила Пели – теплая, заспанная, с распущенными волосами. Сын спал, тяжело сопя и пуская пузыри. Ярослав, улыбаясь, осторожно вытер ему нос и уголки рта. Пели хотела разбудить мальчика, – Янек не видел отца уже несколько дней, – но он не позволил...

Позавчера эшелон Красного Креста увез Пели и сына из Парижа. Друзья уговорили сделать это ради сына. Где он их найдет, что с ними теперь?

В комнатах еще пахнет дымом. Пели перед отъездом сжигала бумаги... Чертежная доска. Два года он провел за ней. Рисовальщик Трансконтинентальной компании. Над доской на обоях светлое пятно. Это Пели взяла с собой его фотографию. Заботливо связанные пачки книг. Надеялась, что ему удастся захватить их... Удастся выбраться. Разве можно было расставаться без этой надежды?... Она не проронила ни одной слезы. Поцеловала в глаза. Она всегда целовала его в глаза. Восемь лет как они женаты, да, уже восемь лет. А жили вместе каких-нибудь четыре года. А оставались вдвоем... всего два – три месяца наберется...

Ярослав бродит вдоль стен, словно слепой, натываясь на мебель. На одной из полок шкафа стопки белья. Пели все выгладила, приготовила. Он стаскивает с себя мундир. Боль в груди утихла, только голова еще кружится. Свежее прохладное полотно ласкает кожу. Он сгибает и разгибает руки, ощущая свои налитые усталостью мускулы. Садится на кровать, с наслаждением вытягивает ноги. Шутка ли, ложась спать, они боялись снимать сапоги, потому что их невозможно было бы снова натянуть на опухшие ноги.

Итак, значит, он уезжает?..

В нем боролись два человека: один – прежний, генерал Домбровский, такой, каким знали его парижане, другой – новый, рожденный усталостью и горем поражения.

Остаться на верную гибель? Из-за солидарности? Правильно ли это? Его жизнь еще пригодится революции. Он прежде всего сын своей родины. Совесть его чиста. Он сделал для Коммуны все, что мог. Никто не посмеет осудить его. А то, что Домбровский не трус, знают все. Чьи это слова? Ах, да точно так же говорил о себе Россель, прощаясь с ним. И он не захотел подать Росселю руки. Но тогда еще была надежда; оставаться теперь – самоубийство.

...Завтра он уедет. Распрощается с Варленом, Делеклюзом, Фавье, Верморелем, – Домбровский перебирает имена, их набираются десятки. Он даже не представлял, что у него так много друзей. И все они остаются здесь. Они боролись и будут бороться до конца. В их безнадежной борьбе скрыт какой-то смысл, который ускользнул от него.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
В комнату ворвались звуки набата. Перекликаясь, гудели колокола церквей и соборов Парижа. Рульяк выполнил его приказ. Домбровский устало улыбнулся: «Какая разница? Можно оттянуть поражение еще на день, на два. Кому это нужно?»

– Такие мысли – предательство, – сказал он себе. – Если ты уедешь, ты будешь презирать себя до конца своих дней. Ничем нельзя будет оправдать такую измену. Она твоя, твоя Коммуна! Она гибнет и от твоих ошибок. А Коммуна была самым прекрасным в твоей жизни. И все-таки я уеду. Я принадлежу своей родине. Ну конечно, ты иностранец. Значит, все же иностранец, как ты ни притворялся...

Ярослав опустил на кровать со злобным намерением уснуть наперекор всему. Он почувствовал себя вдруг пустым и ненужным, как ножны от сломанной сабли.

..Домбровский встал поздно. Сон не освежил его. Он поправил перевязку, оделся, собираясь идти в ратушу, чтобы передать дела, а потом как-нибудь выбираться из Парижа.

Дойдя до дверей, Ярослав остановился, заметив, что надел по привычке мундир. Он вернулся к зеркалу и долго, внимательно разглядывал себя. Вот след ножа Вессэ, вот темные пятна крови, вот копоты от пороха. Как выгорело сукно за эти месяцы! В марте он получил мундир совсем новеньким, Пели наспех подогнала его по фигуре.

Домбровский вынул из шкафа сюртук, брюки, но мысль, что сейчас он наденет вот эти серые брюки и полосатый кургузый сюртук, рассмешила его, потом он помрачнел и нахмурился: «Нет, нет! Только не сейчас! Нельзя показаться в таком виде перед ними».

Он силился и не мог вообразить себя вне Коммуны. Глубоко, под накипью мелких мыслей, была незыблемая уверенность в том, что он не покинет Париж, но как все произойдет, Домбровский еще не знал.

И снова в нем боролись два человека. Усталый, измученный обидами и сомнениями видел в зеркале другого, такого же, как на портретах, расклеенных по Парижу, того, кто воевал в Польше, бежал с каторги, того, кто шел впереди батальонов по мосту Нейи, на штурм замка Бэкон, того, кто сказал правду в лицо Росселю и кто сказал «нет» своему другу Казимиру Грудзинскому.

Быстро покончив с делами, он вышел из комендатуры, не прощаясь с офицерами, и скорым шагом направился к выходу. Он шел опустив голову, не оглядываясь по сторонам, спеша дальше, вниз, на площадь. Офицеры штабов, управлений, командиры, вестовые, национальные гвардейцы – все множество людей, толпившихся в те часы в коридорах ратуши, увидев маленькую знакомую фигурку Домбровского, устремлялись к нему. А он молча пробирался сквозь лавину возгласов, приветствий, вопросов, и никто не решался остановить его, видя, как он спешит. Только раз он задержался, когда дорогу ему преградил ординарец с пакетом. Домбровский по привычке вскрыл протянутый пакет. Тотчас же он опомнился, но было уже поздно, и только на одно мгновение помедлила рука, когда он разворачивал бумагу: командир 18-го батальона (бельгиец – вспомнил Ярослав) доносил, что версальцы заняли Батиньоль. Он аккуратно сложил бумагу, сунул в конверт и велел отнести в комендатуру. И вот он у выхода, шаг через порог – и он будет на площади. Почему он не сделал этого шага? Ничто не мешало ему. Но он свернул во двор, в столовую при ратуше: нужно подкрепиться перед дорогой – так уверял он себя.

Присев к своему столику в углу, он вытащил из кармана все деньги, которые у него были. Денег как раз хватило на то, чтобы заказать жареное мясо, сыр бри и стакан абсента. Он так и не получил жалованье. Может быть, надо вернуться в интендантство... Каждый лишний час затруднял отъезд, но он медлил, придумывал себе все новые отсрочки. Его тряс озноб, тошнило от кислых запахов соусов и кухни. Он ковырял вилкой мясо, не чувствуя никакого аппетита, хотя не ел уже вторые сутки. К его столику сразу подвели офицеры и журналисты; перебивая друг друга, они рассказывали Домбровскому, что делается в городе, жаловались на беспорядок, просили каких-то распоряжений. Он угрюмо отмалчивался, уткнувшись в тарелку.

– Как твое мнение, гражданин Домбровский, каковы наши шансы на победу? – спросил расшитый серебряными галунами штабной офицерик, похожий на карточного валета.

Не поднимая головы, Домбровский исподлобья блеснул глазами и бросил:

– Никаких.

– Что же ты предполагаешь делать, гражданин Домбровский?

Ярослав резко откинулся на спинку стула, упираясь обеими руками в стол, и отчетливо произнес:

– Выполнить свой долг.

Внезапно он услышал знакомый крикливый голос:

– Ну да, у гражданина Домбровского свое понятие о долге!

Напротив, у изъеденного вином цинкового прилавка стоял феликс Пиа. В одной руке он держал стакан с вином. Лицо его выражало нехорошую радость, будто он поймал в своем кармане руку вора. Торжествуя, он поворачивался во все стороны, эффектно откидывая длинные седые кудри.

– Что ему до нашей Коммуны? Хе-хе-хе, служба кончена, жалованье уплачено, сегодня здесь, завтра в другой армии. Наемник!

В зале наступила тишина, все головы повернулись к ним. Пиа говорил все с большим пафосом. Казалось, что он произносит тост.

– ...И подумать только, что находились идиоты, уверенные, что этими иностранцами движет какое-то революционное чувство! Хе-хе, бегите же, русские, поляки, англичане, очистите наши ряды. О, французы сумеют умереть без вас так же, как сумели без вас поднять красное знамя Коммуны. – Спокойствие Домбровского только разъяряло и подхлестывало его. – Мы не должны были допускать иностранцев в Коммуну. Сколько раз я твердил это. О, господин Домбровский может уезжать, он, наверное, уже договорился с Версалем о новой работе. Вы, кажется, вели с ними переговоры? Столковались?

Он поперхнулся, не договорив. Прямо на него шел Домбровский. Кобура была расстегнута, рука лежала на рукоятке пистолета. Пиа поспешно отставил стакан, но уйти уже не мог. Между ним и Домбровским никого не было. Пиа обеими руками оперся о стойку, но руки его заскользили, разъехались, колени задрожали, и он пополз вниз, не в силах устоять на подгибающихся ногах.

– Помогите! – закричал Пиа, бледнея.

К ним и так уже спешили со всех концов зала. Несколько рук схватили Домбровского, и он остановился в двух шагах перед сидящим на корточках Пиа. Ярослав посмотрел на него сверху вниз и как-то деревянно рассмеялся. И все кругом тоже рассмеялись, – никто не мог удержаться от смеха при взгляде на нелепую позу Пиа.

Не слыша успокаивающих голосов, Домбровский повернулся и быстро вышел. На улице его нагнал Верморель, взял под руку.

– Ярослав, нужно спешить на Монмартр.

– Зачем? – спросил Домбровский, не оборачиваясь и не замедляя шага.

– Как зачем? Ты же сам всегда твердил: возвышенности Монмартра – ключ к Парижу. Если мы сумеем организовать оттуда артиллерийский огонь...

– Ах, вот что, опять драться... – Домбровский зябко повел плечами. – Для чего?

Верморель разразился яростной бранью:

– Неужели эта вонючая падаль, этот клеветник мог так легко превратить тебя из солдата в слюнтяя? – Он плюнул от отвращения. – Скрестить руки на груди и таким Иисусиком пойти навстречу «мясникам»?! – Он кричал на всю улицу потому, что ему было не по себе от безразличного молчания Домбровского, от тусклого взгляда его глаз... Всегда напомаженные, закрученные усики Ярослава сейчас свисали растрепанные, сапоги были нечищенные, ворот мундира расстегнут.

– Дьявольская глупость! Чепуха! Нам есть за что драться! Коммуна существует два месяца, и каждый день – новый удар по буржуазии. Неизлечимый удар! Трещины от этих ударов им уже никогда не замазать. Драться за день Коммуны – вот зачем нужна наша жизнь. Если мы не сумели победить, то вырвать еще несколько дней мы сумеем. И это тоже будет победа! Покончить с собою – это сдаться. А мы должны передать нашим детям и внукам свое упорство и веру.

Он передохнул и продолжал тише:

– А ты заботишься только о своей чести. Будем воевать до последней крайности, а там посмотрим: живы останемся – скроемся, не удастся – умрем с оружием.

Они не заметили, как вышли на площадь Шатле. Ветер разогнал облака, веселый солнечный ливень ринулся на площадь. Париж проснулся и, увидев опасность, напрягся в одном порыве, сосредоточенный и страстный.

У западных ворот площади строились баррикады. Босоногие мальчишки наперегонки катили тачки с песком. Скинув мундиры, федераты разбирали мостовую. Бульжники с грохотом летели в дубовые пивные бочки, добытые из подвала соседнего кабачка. С балконов и из окон сбрасывали пестрые тюфяки. Сверкающий лаком и гербами кабриолет, мягко покачиваясь на красных рессорах, подкатил к баррикаде. Кучер, прыгнув на землю, подозвал коммунаров, и они стали выгружать из экипажа мешки с песком. Непрерывно бил барабан, и со всех улиц на площадь бежали мужчины, женщины, дети.

– Версальцы в Париже! К оружию, граждане!

– Гражданин, твой бульжник! – строго окликнула Вермореля девушка: каждый прохожий обязан был выкопать камень для баррикады.

Первым Домбровского заметил Рульяк. Он побежал к нему через площадь, стуча неуклюжими деревянными башмаками, протягивая руки, словно боясь снова потерять. Домбровский обнял Луи Рульяка так, как будто они встретились после долгой разлуки. Потом подошли два офицера, удивительно похожие друг на друга, только один с черными усами, другой с седыми. «Скорняк Брюнеро с сыном из 198-го батальона», – вспомнил Домбровский. Старик сердито заявил, что они не отойдут от Домбровского ни на шаг, потому что Домбровский их командир, и пусть он соизволит навести порядок. Оба Брюнеро застыли за его спиной, хмуро взирая на взбудораженную толпу.

Слух о приходе Домбровского облетел площадь.

– Здесь Домбровский! – обрадованно перекликались солдаты. Группа возле Домбровского быстро росла. Солдаты, офицеры, матросы, штатские подходили и, ничего не спрашивая, молча становились перед ним.

Он поднял руку, заслоняясь от солнца, чтобы рассмотреть стоящих перед ним людей, и усмехнулся – на ладони лежал помятый кусок хлеба с сыром. Он проглотил его в один прием, с досадой вспомнив непечатую тарелку мяса, чувствуя себя невероятно голодным.

Он взмахнул рукой, привычно отдавая команду:

– По четыре в ряд стройся! Офицеры, артиллеристы, ко мне. – Золотые нашивки блеснули на обшлаге рукава. Как хорошо, что не надо снимать мундир, переодеваться!.. Он подкрутил усы, смущенно посмотрел на носки своих нечищенных сапог, потом, опираясь на плечо Вермореля, поднялся на чугунную тумбу. Ого, тут много знакомых лиц! Поверх разноцветных шапочек, кепи, красных фригийских колпаков, задорных петушиных перьев гарибальдийцев он видел, как к задним рядам пристраиваются новые и новые. Жизнь снова становилась простой и понятной, как шеренги, которые быстро вырастали из бесформенной толпы, подравниваясь, приобретая стройность регулярного отряда.

Следовало спешить, и Домбровский обратился к бойцам. Чутьем солдата он понял, что здесь не нужны длинные речи.

– Граждане, – сказал он, и, может быть, впервые все увидели на его дрогнувшем

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
лице волнение и нежную благодарность. – Париж не сдастся! Верно? Мы будем с вами драться за каждый день, за каждый час Коммуны. И если придется умереть, мы погибнем с честью. Иначе нельзя!

Атака

Нет ничего приятнее первых минут пробуждения. Прозрачная тень оконного переплета дрожит на крашенных половицах. Артур, кряхтя, вытягивает ноги и достает спинку кровати. Холодная железная перекладина щекочет пятки. Он смеется, сжимается в комок и, щурясь, наблюдает за игрой пылинок в солнечном луче.

Время от времени он жалобно спрашивает:

– Не изволит ли ваша светлость встать?

– О нет, милорды, не тревожьте его, – тотчас отвечает он другим голосом.

– Ах так! – восклицает Артур и приводит страшные примеры гибели людей, которых одолевала лень. Стук в дверь прерывает его разглагольствования. По легким ударам – раз-два-три, раз-два-три – он узнает Мадлен, продавщицу из табачной лавки, – она живет этажом ниже.

– Ну, конечно, можно.

Мадлен вбегает в комнату и от яркого солнца закрывает глаза руками.

– Артур, ты разве не знаешь? Версальцы в городе! – Она отнимает ладони и в ужасе глядит на него. – Ой, ты еще в постели!

Артур хохочет, – он уверен, что Мадлен шутит.

– Так ты желаешь, чтобы я встал?

Он опоясывается простыней, выпрыгивает из кровати, сгребает Мадлен в охапку и громко целует ее в обе щеки.

– Вот я и позавтракал.

Она вырывается рассерженная.

– Слишком вкусно для такого дурака. Нашел время заниматься глупостями!

– Молодая девушка, Мадлен, не должна называть любовь глупостью, – огорченно говорит Артур, – и потом ты же сама хотела, чтобы я встал.

– Чучело. Ты понимаешь или нет – версальцы сегодня вошли в город!

– Всегда нам кто-нибудь мешает.

– Ты с ума сошел!

– Из-за тебя с каждым днем все больше.

– Я надеялась, что тебе за эти два месяца починили голову, – смеясь, говорит Мадлен, поправляя сбившуюся прическу.

В это время в коридоре загромыхали тяжелые шаги, дверь распахивается, и на пороге появляется сосед, красильщик Ламар. Уперев в бока руки, он кричит:

– Ах, бездельник! Версальцы в городе, а он валяется в постели! Да и ты хороша, кокетка!

Его воскресные панталоны забрызганы красной глиной предместий, жилет расстегнут, галстук сбился. В первую минуту Артуру кажется, что красильщик спятил.

– Я кокетничаю с ним? – всплескивает руками Мадлен. – Я ему уже целый час твержу про версальцев, но он думает, что с ним шутят.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Мадлен, отвернись и замри, – приказывает Артур.

Пока он одевается, Ламар рассказывает подробности: около восьми часов вечера КОС получил депешу:

«Домбровский – Военной комиссии и Комитету общественного спасения.

Версальцы вступили в город через ворота Сен-Клу. Принимаю меры, чтобы отбросить их. Если можете прислать мне подкрепление, отвечаю за все.

Домбровский».

Почти никто из членов Комитета не знал боевой обстановки. Пока терялось время в спорах, версальцы захватили соседние ворота. Домбровский с кучкой людей защищал ворота Отейль. Во время боя его контузило камнем в грудь. Он передал командование начальнику штаба Фавье. И Ламар рассказывает дальше про ночное заседание и прокламацию Делеклюза.

Артур на мгновение задерживается у стола, собирает листки с записями о Домбровском, сует их в карман, и все трое бегут вниз по лестнице.

Тесная улочка полна народу.

С колокольной несутся звуки набата. Отражаясь от стен домов, они сливаются в сплошной гул, из которого вырываются звенящие удары молотков каменщиков, занятых постройкой баррикад.

Они прощаются на площади. Артур спешит в ратушу, Ламар остается здесь помочь баррикадникам.

Быстрая ходьба разгоняет мрачные мысли Артура. На полпути его окликают с проезжающего фиакра. Это Межи, знакомый чиновник из министерства финансов, «ослепительно серый человек», как называет его Артур.

– Не довезешь ли ты меня до ратуши? – спрашивает Артур.

– Пожалуй.

Артур садится рядом с ним. Кучер ворчит: то и дело приходится объезжать баррикады. Мостовые исковерканы, и Межи стонет на каждом ухабе, все три подбородка его трясутся.

– Я теряю голову, Демэ, – говорит он с отчаянием, – версальцы расстреляют меня.

– У тебя есть табак? – спрашивает Артур, хлопая себя по карманам.

Межи послушно вынимает табакерку и протягивает Артуру.

– Моя Клемане была права, – зачем нужно мне было оставаться в министерстве? Как только заварилась эта каша – марш в провинцию! Ты знаешь, она послала меня сейчас в министерство взять удостоверение, что я не принимал участия во всяких собраниях, избраниях.

– Это не поможет, – равнодушно говорит Артур, набивая трубку, – всякая справка, выданная Коммуной, явится уликой.

– Ну так что же мне делать? – стонет Межи. – Я потерял голову, я уже не человек, я мертвец, я мертвец! – Он вытирает лысину.

– Это еще впереди.

– Да, ты прав, – бессмысленно бормочет Межи.

– А знаешь, есть выход, – замечает Артур, пуская клубы дыма. – Поскольку все равно тебе не уцелеть, бери ружье и иди на баррикаду.

Межи разочарованно откидывается на сиденье.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Ты смеешься! Разве Клемане пустит меня? Да и разве у вас есть надежда? Они подъезжают, Артур встает на подножку.

– Тогда, дорогой Межи, тебе остается пойти помочь версальцам.

– А ты знаешь... – И Межи морщит в раздумье лоб, но встретив ожидающий взгляд Артура, спохватывается: разве он пойдет против Коммуны? Вообще, какой он вояка!

Артур смеется ему в лицо:

– Если бы не твоя трусость, из тебя вышел бы отличный негодяй.

Артур выскакивает из экипажа и взбегаёт по широкой мраморной лестнице ратуши. Вдоль перил, на ступеньках, сидят женщины, – они шьют земляные мешки для баррикад. Длинные полутемные коридоры полны народу. Взад и вперед снуют люди, задевая друг друга оружием. То и дело хлопают высокие стеклянные двери, и на них вздрагивают клочки бумажек: «Здесь санитарное управление», «Военный трибунал». «Оружие выдается внизу», «Баррикадная комиссия».

Мелькает красный с золотистыми кистями шарф члена Коммуны. Артур устремляется за ним. Это Феликс Пиа. Артур спрашивает его.

– Домбровский? – Недавний злобный испуг мелькает в глазах Пиа. – Он удрал, твой Домбровский! – брызгая слюной, кричит Пиа.

Артур отступает назад.

– Не может быть.

– Я сам с ним разговаривал сегодня утром. Он сказал, что выполнил свой долг и уезжает. Я был прав... – неистовствует Пиа. – Неизвестно еще, как версальцы вошли, кто помог им...

Артур растерян. Он возвращается на площадь, опустив голову.

– Как, Домбровский?! – восклицает Ламар, когда Артур передает разговор с Пиа. – Да ведь он только что ушел отсюда со своим отрядом: они отправились к Монмартру.

– А я то... Слава богу! – Артур хватается за руки Ламара и Мадлен. – Бежим!

– Куда? – спрашивает Ламар.

– К нему, конечно.

– Зачем?

– Да что ты валяешь дурака? – в голосе Артура звучит досада и нетерпение.

– А здесь кто останется? Я от своего дома ни на шаг! В такое время разве можно покидать дом?

– А Домбровский?

– Он что – ему все равно, какую улицу защищать.

Артур обращается к Мадлен:

– А ты?

– Ты ее не трогай, – угрюмо говорит Ламар. – У нас и так мало народу. Каждый пусть защищает свою улицу. Куда она пойдет? У нее есть свое место.

– Сену пусть защищают рыбы? Июльскую колонну – ангелы? Ладно, когда ваша улица победит, навести нас. Прощай, Мадлен...

Она глядит то на Артура, то на Ламара, не решаясь ничего сказать.

..Отряд Домбровского двигался осторожно, ожидая донесения высланных вперед разведчиков, и поэтому Артур быстро догонял его.

Домбровский находился в арьергарде, когда вдруг задние ряды, замедляя ход, начали останавливаться, натываясь на головных. Никто не знал, что там приключилось. Придерживая саблю, Домбровский побежал вперед.

Отряд остановился у входа на площадь Победы. Густой навесный огонь версальцев разворотил ее каменный настил; лохматые взметы земли и камней частым дождем шумели на площади. Верморель, заикаясь, кричал и подталкивал стоящих в передних рядах, но они топтались на месте, пугливо поглядывая на страшный простор площади. Старик Брюнере, ругаясь, бегал вдоль рядов. Ему вслед огрызались, не двигаясь с места:

– Сам иди. Ишь герой нашелся!

Увидев Домбровского, он сказал:

– Придется, гражданин, вести их боковыми улицами.

– Этак мы потеряем целый час, – вмешался Верморель. – Лучше рассыпаться и вперережку.

Ярослав, ничего не ответив, подошел к музыкантам, прильнув к стене дома.

При виде Домбровского мальчишка барабанщик и три трубача – весь оркестр – ожидающе выпрямились.

– «Марсельезу»! Марш вперед и играйте! – скомандовал он.

Мальчишка с готовностью взял в руки палочку, поправил ремень и обернулся к товарищам, но те только переступали с ноги на ногу, поеживаясь от близких разрывов.

– Ты, гражданин, на нас не кричи, – хмуро сказал один из музыкантов. Голос у него оказался неожиданно тонким.

– Никуда мы не пойдем, что мы – хуже всех? – поддержал другой.

– Да разве ж я кричу? – весело изумился Домбровский. Он с любопытством оглядел трубача. Забавно, что человек с таким слабым голосом мог оглушительно трубить. – Прошу быстрее, – угрожающе вежливо добавил он, словно наводя на них дуло пистолета.

– Сейчас он вам понаделает дырок, сундуки, – восхищенно подмигнул мальчишка, но трубачи, избегая взгляда Домбровского, уже вставляли мундштуки и поднимали вверх сверкающие извивы труб. Они надули щеки, брови их сурово сомкнулись, и они уже перестали обращать внимание и на Домбровского и на взрывы гранат. Для них не существовало уже ничего, кроме музыки. Вот барабанщик поднял палочки, мотнул головой, яростно ударила дробь, и спустя секунду высокие, чистые звуки труб грянули первые такты вступления.

Подчиняясь гудящему призыву барабана, музыканты двинулись вперед, тверже и тверже отбивая шаг.

Сквозь гул стрельбы притихшие ряды вдруг услышали голос Домбровского. Это не были слова команды. В широкую мелодию труб, в неистовую дробь барабана ворвался его голос, и инструменты бережно подхватили его, выравнивая и подымая высоко над площадью:

Вперед, сыны отчины милой,
Мгновенье славы настает!

Он шагал по горячей взрытой земле, не оборачиваясь назад. Он не знал, идут ли за ним все остальные, или только они вчетвером – он и три музыканта – шагают по пустынной площади. Его целиком захватила эта старая песня марсельского

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
батальона. Он кидал слова в ненавистное лицо врага, навстречу летящим снарядам.

К нам тирания черной силой
С кровавым знаменем идет.
С каждой строчкой ему становится легче петь, каждая следующая фраза звучит все громче, и, не оглядываясь назад, Домбровский начинает различать рядом со своим голосом хриплый бас Брюнере, чуть заикающийся голос Вермореля, звучный мягкий тенор Артура Демэ.

Прислушайтесь: в полях и селлах
Солдаты злобные ревут...
Голоса их становятся все сильнее, сливаются с голосами боевых друзей, не знающих страха и сомнения.

Они и к нам, и к нам придут,
Чтоб задушить детей веселых.
Слышишь, Версаль, он не один, все громче звучит песня, сложенная восемьдесят лет тому назад, их деды пели ее, защищая свободный Париж от интервентов и контрреволюционеров. С первозданной силой гремит она сейчас на площади. Ярослав мог не оборачиваться: мощный, неотразимый припев, заглушая грохот стрельбы, зазвучал единым слитным криком, в котором уже нельзя было различить отдельных голосов:

К оружию, граждане, равняй военный строй!
Вперед, вперед, чтоб вражью кровь
Впитал песок сырой!
Кончилась песня далеко за площадью, снаряды никого не задели. Верморель наклонился к Демэ:

– Он был прав: новому отряду нельзя отказываться от первого сражения.

– Но что, если б ударил снаряд?

– Этого не могло быть, – обернулся Домбровский, слышавший их разговор. – Вы не заметили, как они стреляли. Они переносили огонь справа налево, а мы как раз шли по правой стороне.

Никто толком не знал, где противник. На каждом перекрестке прохожие говорили по-разному: либо что впереди версальцы, либо что дорога свободна. Нельзя было верить никому: немало провокаторов шныряло теперь по улицам Парижа. Стрельба велась со всех сторон, и по ней тоже невозможно было ничего разобрать. Домбровский снова выслал разведку. Разведчики скоро вернулись, сообщив, что ближайший отряд версальцев находится за пять кварталов до площади Мадлен и двигается вперед, не встречая серьезного сопротивления. Ярослав, посоветовавшись с Верморелем, решил остановиться на площади Мадлен и дать бой.

Еще с апреля в саду вокруг церкви св. Мадлен стояли пустые лафеты. Издали их можно было принять за батарею.

Присев на каменные ступени у входа в церковь, Ярослав разостлал на коленях карту и внимательно рассмотрел план площади и прилегающих к ней улиц. Замысел и направление главного удара версальцев определились, и вскоре весь ход предстоящей операции стал ему ясен. Надо было задержать их продвижение часа на полтора, чтобы за это время достроить баррикады справа и спереди от площади Мадлен. Кроме этого, следовало окружить дугой баррикад церковь св. Мадлен на случай прорыва передней линии.

Чтобы приостановить версальцев, он выделил два десятка бойцов под командованием своего адъютанта Грассе. В их число попал и Артур Демэ.

..Они шли цепочкой, выставив шаспо, напряженно вглядываясь вперед.

Вот и бульвар Гаусмана – улица банкиров, торговцев, посольств и ювелирных магазинов, мраморных особняков и гигантских витрин. Сегодня она поражает Артура своей необычностью. Не видно ни одного человека, ни фиакра, ни омнибуса, и от этого улица стала огромной, широкой, раскрылась ее солнечная, нарядная даль. Стаи голубей, беспокойно воркуя, перелетали с места на место и подозрительно озирали пустынные мостовые. За глухими железными шторами витрин, за спущенными

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
жалюзи окон притаилась выжидающая тишина.

Грассе все время поучал:

– Славное, ребята, больше шуму! Главное, быстрее стреляйте! Главное, чтобы они не догадались, сколько нас! – Все у него главное. – Главное, пустить им дым в глаза!

И они пустили.

Они залегли у наваленных поперек бульвара садовых скамеек и куч булыжника и встретили версальцев таким частым огнем, что те сразу прекратили свое неуверенное движение и попятились назад.

Вскоре синие мундиры «мясников» снова мелькнули за деревьями бульвара. Версальцы выкатили на улицу два орудия.

Грассе закричал:

– Главное – убрать прислугу!

Перестрелка усилилась. Пулей сбило ветку над головой Артура, и клейкие от сока листья платана посыпались ему на шею, руки. Ему стало досадно: разве это настоящий бой – валяться в траве да греться на солнышке? Выставив вперед шаспо, он прополз под скамейками и, прячась за низенький барьер, идущий вдоль аллеи, добрался до нарядного газетного киоска, изукрашенного жестяными рекламными щитами. Киоск находился как раз посередине между версальцами и коммунарами. Довольный своей выдумкой, Артур устроился за углом. Отсюда прекрасно видны эти краснорожие «мясники» возле пушек. Он тщательно прицелился, но в это время за спиной раздался шорох. Вздвогнув, Артур огляделся: к нему ползком на животе пробирался парень, его растрепанные рыжие волосы прилипли к потному лбу. Артур сердито помахал рукой: «Поворачивай обратно, разве ты не видишь, здесь вдвоем не уместиться, только будем мешать друг другу», – но парень не желал замечать его знаков. Ладно, Артур решил не обращать на него внимания. Он опять поднял шаспо и прицелился в спину артиллериста, стоящего у лафета. Ясно, что по дыму выстрела его тут скоро откроют, но до этого надо успеть снять хотя бы двух человек из орудийной прислуги. Палец Артура ложится на спусковой крючок, и в это время парень хватает его за плечо. Артур оборачивается, шипит в бешенстве:

– Чего тебе еще надо?

Рыжий молча показывает на заднюю стенку ларька. Артур не сразу понимает, в чем дело. Наконец он догадывается:

– Забраться туда? Да? – Ему неловко за свою грубость.

Они штыками вскрывают дверь и влезают внутрь. Здесь темно и пахнет типографской краской.

Артур усаживается на высокий табурет, кладет на прилавок пачку патронов. Рыжий ложится внизу в ногах у Артура, сдвигает фанерный щит, и они «открывают торговлю». Они стреляют одновременно, чтобы спутать версальцев. Ружейного дыма снаружи не видно, он задерживается щитами.

Пушки успевают сделать только по одному выстрелу и умолкают. Прислуга, напуганная невидимым огнем, разбегается. На мостовой остаются трое раненых. Офицер вынимает пистолет и толкает солдат вперед к покинутым пушкам.

– Бей его! – командует рыжий. Они снова стреляют. Офицер взмахивает руками и падает. Артур в восторге толкает парня ногами в бок. Версальцы все еще недоумевают, откуда стрельба.

Киоск полон дыма. Они плохо различают цель и вынуждены часто останавливаться, чтобы протереть слезящиеся глаза. Особенно достается Артуру – он сидит наверху.

Проходит еще несколько минут, и первые пули с грохотом и скрежетом пробивают жестяные щиты: дым, выходящий из щелей, замечен версальцами.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Есть пословица... – кричит Артур вниз.

– Какая? – спрашивает парень.

– Пока соображает мудрец, соображает и дурак.

На прилавке слева от Артура вдребезги разлетается какая-то бутылка, затем внизу слышится странная возня и сдавленный вскрик.

– Что случилось? – наклоняется Артур. – Ты ранен?

– Хуже. Это, наверное, клей. Я ничего не вижу.

Они выбираются наружу и ползут к своим. Несмотря на опасность, Артур не может удержаться от улыбки: вся голова, лицо, плечи рыжего залиты густой желтой массой клея. Этот нелепый случай веселит весь отряд.

Орудия снова стреляют. Простор бульвара делает их огонь убийственным. Несколько выстрелов – и жалкая баррикада разворочена. Отряд Грассе отступает, унося с собою раненых, цепляясь за каждую тумбу, дерево, подворотню. Так проходит еще полчаса. Всего один квартал отделяет теперь версальцев от площади Мадлен.

Грассе смотрит на часы.

– Нужно задержать их еще на двадцать минут. Домбровский постоянно твердил: «Ничего не сделано для победы, пока остается сделать хоть один выстрел». Сейчас главное... – Грассе не успевает договорить и падает лицом вперед. Кровь льется из маленькой раны на затылке.

Артур осматривается. На втором этаже соседнего дома поспешно захлопнулось одно из окон. Артур стреляет туда, потом бежит к парадному. У подъезда безмятежно дремлют каменные львы. Рядом с Артуром оказывается рыжий парень, – они теперь неразлучны. Они стучат прикладом в дверь, никто не открывает. Рассвирепев, они выбивают прикладом зеркальные стекла и стреляют наугад в темноту вестибюля. Артур вдруг замечает сбоку, на ограде, флаг. Американское посольство! На мгновение он останавливается в нерешительности. Потом вспоминает разговор с Робертом Ридом, сбивает прикладом флаг и топчет его ногами.

Боковыми переулками они возвращаются на площадь Мадлен. Перелезая через двухметровый гребень каменной баррикады, они задерживаются, по-хозяйски пробуя каблуками крепость кирпичной кладки, осматривают амбразуры.

– Здесь тоже не зевали.

– Кретины, думали застать Домбровского врасплох.

Отправив на Монмартр Вермореля, Домбровский продолжал тревожиться о судьбе Монмартрских холмов. Он поручил оборону церкви св. Мадлен и прилегающих кварталов начальнику штаба Фавье и собрался сам проехать на Монмартр. Брюнеро-отец раздобыл где-то верховых лошадей, и они двинулись – впереди Руляк и Артур Демэ, за ними Брюнеро с сыном, сзади Домбровский и последний оставшийся при нем адъютант Рожаловский.

Еще за квартал до площади Бланш они услышали гул высоких женских голосов. Повернув за угол, они остановились, недоуменно оглядывая толпу женщин, заполнивших маленькую площадь. Все они были вооружены, строились, пересчитывались.

Брюнеро подъехал к ним, но сейчас же вернулся в сопровождении Луизы Мишель. Она обрадовалась, увидев Домбровского, и коротко доложила, что здесь находится женский батальон, сто двадцать человек. Они намерены защищать баррикады площади Бланш, если от Домбровского не поступит других приказаний.

– Обязанности командира исполняет гражданка Мишель, помощник – Дмитриева.

Она докладывала нарочито суровым голосом, как бы предупреждая всякие шутки.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Луиза Мишель.

Пока они разговаривали, женщины выстроились в две шеренги. Высокая светловолосая девушка с пышной прической четко отдавала команду.

Домбровский живо насторожился, услышав ее голос. Она выговаривала слова с раздражающе знакомым акцентом. Он вспомнил ее фамилию – Дмитриева, русская.

Ярослав соскочил с лошади и, сопровождаемый своими спутниками, пошел вдоль фронта. Слегка смущенный и растроганный, он проходил мимо стройных худеньких девушек, пожилых женщин с морщинистыми обветренными лицами.

Ему бросались в глаза прически, пестрые платки, черные чепчики, красные, обваренные руки прачек, передники. У многих были подоткнуты юбки и виднелись икры, обтянутые грубыми шерстяными носками. Но это был военный строй, строй солдат.

Брюнеро был умилен, а Руляк и Артур Демэ перемигивались. Заметив у одной женщины базарную корзинку, Руляк прыснул. Домбровский обернулся и так посмотрел на него, что Луи поспешил спрятаться за спинами Артура и Дмитриевой.

Луиза Мишель попросила Домбровского сказать несколько слов отряду. Ярослав и сам уже догадывался, что без речи тут не обойтись. Улучив минуту, он шепнул Луизе:

– Ты заставь Брюнеро, он такие речи разводит своим заказчицам... – Ярослав зажмурился.

Мишель обратилась к Брюнеро.

– Я знаю, чьи это проделки, – пробормотал старик Брюнеро, исподлобья люто поглядывая на торжествующего Домбровского.

– Давай, давай, ты у нас специалист! – довольно приговаривал Ярослав, вместе с Артуром незаметно подталкивая его вперед. Брюнеро вышел перед строем, толкнул по дороге Артура так, что журналист только охнул.

Вынув изо рта трубку, Брюнеро пожевал губами, погладил бороду.

– Какая речь? Время для речей кончилось. Мы и так много говорили и мало стреляли...

Ярослав, отойдя в сторону, тихо разговаривал с Дмитриевой. Он пристально смотрел на нее и почему-то медлил спросить – русская ли она.

– А вообще трудненько придется, – вздохнула девушка.

– Волков бояться – в лес не ходить, – сказал Ярослав по-русски.

Дмитриева счастливо заулыбалась, схватила его за руки.

– Ох, я глупая, совсем забыла, что вы говорите по-русски. Сама же читала в газете! Вы ведь жили у нас в России?

Он кивнул головой и спросил:

– А много здесь ваших, русских?

– О да, почти все они воюют за Коммуну.

– Но вас ведь не пустят теперь обратно в Россию.

– Ну что ж... А вас в Польшу.

Они засмеялись.

– У меня тоже служили двое русских. Один из них, Потапенко, ранен он тяжело... Его зовут Василий Андреевич. Кто же здесь еще, назовите мне фамилии. Может быть, я их знаю.

Дмитриева перечислила, загибая пальцы.

– Подождите, что за Лавров? – забеспокоился он. – Петр Лаврович Лавров? Мать божия, Лавров был здесь, в Париже! Вы знаете, это ведь мой первый учитель. Если бы я знал раньше!

Луиза Мишель и спутники Ярослава радовались, глядя на его сияющее лицо.

– Друзья! – возбужденно обратился он к ним. – О, если бы вы знали, какой это замечательный человек! – И такова была страстная сила его убеждения, что все преисполнилось горячей симпатией к незнакомому русскому другу. Русские – удивительный народ! Они самые угнетенные и самые отзывчивые люди. Мы, поляки, все-таки изгнанники, а они сами приехали сюда драться за Коммуну. У ваших соотечественников благородные сердца!

Дмитриева вспыхнула и отвернулась, вытирая уголки глаз.

На площадь вылетел всадник, он закружился, оглядываясь, и, заметив группу военных, подскакал к ним.

– Гражданин Домбровский?

– Да.

– Тебе пакет от гражданина Вермореля.

Домбровский распечатал и вскрыл конверт. Стало слышно тяжелое, свистящее сопение лошади.

– Поводи, поводи ее, – сказал Ярослав всаднику, не отрываясь от письма.

Верморель сообщал, что монмартрская группа окружена с трех сторон, коммунары, не получая поддержки, вынуждены оставить кладбище. Укрепленные высоты Монмартра непрерывно атакуются. 24-фунтовые орудия Монмартрских холмов испорчены предателями. Версальцы наступают вдоль крепостного вала в обход, с севера. Он с отрядом коммунаров укрепился на бульваре Орнано и на улице Мирра, защищая склоны Монмартра и Северную железную дорогу.

Домбровский сложил бумагу, сунул ее за обшлаг мундира.

– Брюнеро-младший останется здесь помочь женскому батальону, – сказал он. – Гражданка Мишель, если придется отходить, отходите сюда, к площади Пигаль. Помните, что вы защищаете подступы к Монмартру. Мы едем к Верморелю на улицу Мирра. Прощайте.

Луиза Мишель и Дмитриева, взявшись за руки, провожали глазами скачущих всадников.

Домбровский никогда не бывал в этом районе Парижа. Пришпорив коня, он проскакал тесную кривую улицу Мирра до самого конца, упирившись в насыпь Северной железной дороги, и вернулся обратно. Ветхие облупленные дома выставляли каменные фасады, как бы защищая улицу от сквозного артиллерийского огня своей грудью. Это был типичный рабочий квартал, населенный железнодорожниками, прачками, подмастерьями, грузчиками.

Верморель встретил Ярослава во внутреннем дворе дома, к которому примыкала баррикада. По двору прыгали со скакалками девочки, на веревках сушилось белье.

Все бойцы были на баррикаде, но как их мало осталось! Всего тридцать два человека: тридцать взрослых, два подростка. Тридцать шашко, две пушки и две митральезы – вот и все оружие. Некоторые из коммунаров были ранены, и при резких движениях из сжатых губ вырывался стон.

Появления версальцев ждали с минуты на минуту.

– Почему восточный конец улицы без прикрытия? – спросил Домбровский.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Верморель объяснил, что за два квартала к востоку находится сильный отряд Пассдуэ, а к северу, за городской стеной начинается линия прусских войск.

Домбровский язвительно прищурился:

– Что ж, по-твоему, пруссаки – наши союзники?

Он приказал установить в восточном конце по направлению городской стены одну митральезу и послал туда Артура, Руляка и еще двух гвардейцев. Присев рядом с Верморелем на скамеечку, Домбровский стал расспрашивать его об обстановке.

Рядом с ними на куче песка играли два малыша. Шмыгая носами, они строили из песка причудливый замок с высокими башнями, окружали его со всех сторон глубоким рвом и пальцами просверливали амбразуры в толстой крепостной стене.

У открытого окна лежал больной, было видно, как женщина кормит его с ложечки.

Домбровский представил себе все, что произойдет здесь и ближайшие часы, – разъяренных версальцев, потери, кровь. На миг сомнение с новой силой обожгло его. Но он не имел права на такую слабость.

– Вот что, Огюст, – хмуро сказал он, – надо отправить кого-нибудь к Пассдуэ и передать ему, чтобы он тоже принял круговую оборону.

Верморель кивнул. Послав одного из коммунаров к Пассдуэ, Верморель опустился на корточки между детьми и начал водружать на маленькой площади посреди замка пьедестал.

– Здесь мы поставим памятник, – говорил он с хитрой улыбкой, обращаясь к изумленным малышам, – ясновельможному пану Домбровскому. У него будут прелестные кокетливые усики. Одной рукой он будет засовывать обратно в кобуру дымящийся пистолет, а другой вытирать пот, потому что он очень устал, пока победил, и, кроме того, он будет смотреть на часы. Ему нужно поспеть на варшавский поезд, ему зверски надоел весь наш французский кавардак, и он очень соскучился по зразам, флякам[8] и мазурке.

Домбровский сделал веселое лицо, поднялся, пора было идти...

После того как у главных баррикад завязался бой, на восточном конце улицы Мирра, где расположилась группа Артура Демэ, показались версальцы. Они шли со стороны крепостных ворот, шли быстро, во весь рост, не остерегаясь. Артур со своими людьми немало потрудился, чтобы как следует замаскировать черное жало митральезы в узкой амбразуре среди мешков с песком.

Кроме Руляка, здесь был матрос с потопленной канонерки и подросток из отряда «Дети отца Дюшена».

Они подпустили версальцев поближе и ударили из митральезы. Забавно было смотреть, как «красные штаны» с перепугу завертелись на месте и в рассыпную бросились назад.

Через несколько минут версальцы тяжело ранили подростка. Лежа за митральезой, Артур, Руляк и матрос следили, как версальцы снова начали готовиться к атаке. Подождав, пока они двинутся вперед, матрос нажал спусковой рычаг. Внезапно ровный стук митральезы сбился, она стала захлебываться, и совсем замолчала. Напрасно они дергали за рычаг. Матрос привстал на корточки и, сопя, затеребил створку, – она не поддавалась. Артур стоял на коленях – сбоку, обеими руками поддерживая горячий станок. Руляк вертелся, переводя взгляд с версальцев на молчавшую митральезу и, как заведенный, твердил:

– Скорее, ну, скорее же кончайте!

Матрос поднял голову, поглядел в ожидающие глаза Артура Демэ и, словно сейчас услышав Руляка, свирепо заорал:

– Заткнись ты, нуда!

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru – Спокойней, спокойней, мальчики, – повторял Артур, хотя ему самому хотелось ругаться и кричать от злости. Матрос шумно передохнул и, ухватив створку своими цепкими прокуреными пальцами, попытался аккуратно поднять железную планку. Кончики его широких зубов глубоко впились в губу. Створка не двинулась. Версальцы стреляли из-за укрытий. Офицер поднял руку, и солдаты стали перебегать. Они бежали осторожно, скапливаясь в подъездах, за выступами домов, подбираясь все ближе. Луи схватил ружье, но тотчас отбросил его в сторону, – одинокий выстрел с баррикады лишь придал бы смелости версальцам. Губы его дрожали. Матрос заколотил кулаками по магазину, дико ругаясь. Бронзовый ствол митральезы тоскливо зазвенел.

– Крепче ее, лентяйку! – приглушенно засмеялся кто-то позади. И, отстранив матроса, Домбровский опустился на колени перед митральезой. Матрос побагровел. Артур, запинаясь, стал оправдываться, но Ярослав уже забыл о них. По форме кобуха он узнал систему Монтинья-Раффи. Он потребовал воды охладить митральезу, – воды не было. Рульяк, схватив ведро, побежал в соседний дом. Ярослав открутил рукоять, засучил обшлага мундира и, не дожидаясь Рульяка, просунул руку между спусковой доской и оборкой. Наверное, что-нибудь упало в коробку и мешало втиснуть створку. Обычно это бывали гильзы, они выпадали при неумелом обращении со створкой. Он медленно провел подушечками пальцев по дну коробки. Наконец в углу, как он и ожидал, нащупал измятые гильзы. Он попробовал их выкатить на середину, но кончики ногтей только скользнули по поверхности. Тогда, налегая всем телом на руку, втискивая ее все глубже, он ухватил самую заднюю гильзу. В эту минуту его сильно потянули за плечо, и гильзы, уже вытащенные на середину, выскочили из его пальцев и тихонько покатались обратно. Ярослав поднял голову, увидел рядом глаза Артура, круглые, прыгающие от ужаса.

– Бросайте! Надо бежать, или мы попадемся живьем!

Домбровский успокаивающе кивнул головой и снова стал терпеливо выкатывать гильзы, но Артур продолжал дергать его за плечо, мешая работать.

– Трус, – сказал Домбровский громко, не оборачиваясь, – убирайся вон!

Артур отшатнулся, словно его ударили по лицу.

– Заряжать створки! – приказал Ярослав матросу.

– Есть заряжать створки! – весело отчеканил матрос.

Стремительные действия Домбровского сливались в одно движение, быстрое и в то же время мучительно-тягучее. Казалось, что все кругом, кроме него, остановилось, казалось, что версальские солдаты медленно поднимали ноги, почти не двигаясь с места.

Между двумя ударами сердца рождалась, гибла и снова рождалась надежда. Он приподнялся и, не вынимая руки из коробки, стал поудобнее поворачиваться, и пули тотчас зло засвистели вокруг него. Тогда Артур поднялся и заслонил собой Домбровского.

Теперь Ярослав сразу мог ухватить гильзы за ребра, он потянул их к себе, ломая ногти, но не выпуская. Когда он вытащил их наружу, ему с трудом удалось разжать скрюченные пальцы. Матрос присвистнул, увидев его руку. Вся кожа была обожжена, исцарапана, там, где не было следов ружейного масла и сажи, темнели коричневые кружки от раскаленных ударников. Он легко дернул створку, она упала к его ногам. В эту минуту вернулся Рульяк с водой. Домбровский осторожно, чтобы не полопались пружины, остудил затвор и взял из рук матроса заряженную створку.

Четкая трель выстрелов митральезы прокатилась далеко по улицам. Двое солдат упали. Один из них с криком пополз назад, другой, завывая, катался по мостовой. И эти крики сильней, чем выстрелы, действовали на остальных. Версальцы попятились, прячась за выступы домов.

Домбровский вертел тугую рукоять, зажимая и отжимая створку, и удивлялся, почему ручка стала такой липкой. Улучив минуту, он разжал ладонь – с опаленных пальцев ключьями слезала стертая кожа, рукоять покраснела от крови, но, подняв глаза, он тотчас забыл об этом. Он снова видел перед собой только версальцев, перебежавших от подъезда к подъезду и приближающихся к баррикаде. Он поворачивал во все

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
стороны закопченное дуло митральезы и дергал спусковой рычаг.

На этой улице версальцы могли действовать только кучками – то, что нужно было для огня митральезы. Улица имела несколько укрытий, и Ярослав, быстро пристрелявшись, без промаха бил по ним. Иногда он нарочно не трогал какое-нибудь прикрытие, позволяя скапливаться там большой группе солдат, а потом беспощадно расстреливал их.

«Значит, их все-таки впустили немцы, – повторял он себе. – Несмотря на все клятвы, немецкое командование пропустило их через свою линию. Они действуют заодно, – он так и полагал. – Все против Коммуны. Грязная шайка!»

Особенно остро Ярослав сейчас ненавидел немцев. Версальцы были открытые враги, но пруссаки, ударившие из-за угла, в спину...

Ему казалось, что перед ним мелькают черные немецкие каски с золотым хищником посередине. Холеные, отъевшиеся на французских хлебах усадые морды... Они ринулись на умирающую Коммуну, как стая трусливых гиен.

Руляк обливал водой раскаленный кожух, и холодные брызги летели в разгоряченное лицо Ярослава. Холод проникал ему в сердце. А матрос, глядя на быструю точность его движений, блаженно бормотал: «Клянусь небом, он настоящий моряк!»

Версальские солдаты, озлобленные неожиданным сопротивлением, упрямо бросались в атаки, но каждый раз отступали с полпути, сметенные огнем митральезы. На мостовой ползали, бились раненые. Офицеры отряда узнали Домбровского, и когда сквозь рассеивающийся дым проступало склонившееся над митральезой бледное лицо генерала, они слали ему грязные ругательства и угрозы.

– Проклятый поляк!

– Сдавайся! – кричали они. – Перестань стрелять! Мы закопаем тебя живьем, польская свинья!

Им вторили солдаты, рассвирепевшие от неудачи. Пули летели все гуще, впивались в мешки, и тоненькие струйки песка текли из множества дыр. Версальцы стреляли плохо, зато патронов у них было сколько угодно.

Сквозь грохот выстрелов Ярослав жадно прислушивался к их проклятьям. Такая ненависть была неплохим итогом его жизни. Домбровский мог гордиться ею. Его сухие, запекшиеся губы дрогнули в слабой улыбке. Мышцы, воля, внимание, нервы, напряженные до последних пределов, получили новые силы. Вот он, самый лучший ответ – свинцом. Короткая солдатская радость боя.

Он стрелял еще и еще быстрее, горячее тело митральезы дрожало в его руках, дым не успевал рассеиваться.

Артура Демэ и Руляка захватил азарт этого боя. Зарядив створку, они стреляли из шаспо, затем опять заряжали створку и снова брали ружья. Матрос окунул грязное вспотевшее лицо в ведро с водой; отфыркиваясь, вскочил на вал и хриплым голосом закричал, что «мясники» откатываются назад. Он был ранен в плечо и не мог стрелять, но ругался вдохновенно и неистощимо.

– Ага, крысы! Горячо? Сынок,ними-ка вот этого!

Версальцы отходили в боковые улицы, оставляя убитых на мостовой.

Луи Руляк, увидев подходившего к баррикаде старого Брюнеро с цепью коммунаров, наклонился к Домбровскому и крикнул:

– Пришел Брюнеро!

Ярослав весело подмигнул ему и, постепенно замедляя огонь, решил, что теперь пора, воспользовавшись смятением противника, подняться в атаку и на его плечах прорваться до Тарани, там соединиться с отрядом Пассдуэ, ибо рано или поздно обе группы версальцев сомкнутся южнее, зажмут их здесь в мешок, уничтожат и тогда с тыла нагрянут на Пассдуэ. Окончательно обдумав все это, он встал, покачиваясь на

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru затекших ногах, расправил плечи и, счастливо улыбаясь, вытер рукавом черный соленый пот. Артур и Руляк легли у его ног с ружьями, поддерживая редкий огонь. Артур стрелял с увлечением, тщательно прицеливаясь, пока возле уха не раздался какой-то дребезжащий стук. Он покосился и увидел упавший рядом бинокль Домбровского. У журналиста перехватило дыхание, он повернул голову, Руляк удивленно застылыми глазами смотрел на Домбровского.

А тот, согнувшись, схватился руками за живот и тихо начал валиться на бок. Между пальцами его была кровь. Все трое, оцепенев, молча смотрели, как он падал, цепляясь плечом за сырые мешки песка. Крик Брюнеро привел их в себя. Они рванулись и подхватили на руки легкое тело Домбровского. Он всхлипнул и закусил губу.

Еще ничего не понимая, Артур помог уложить Домбровского на носилки. Брюнеро и матрос понесли его, осторожно огибая воронки.

– В живот... плохо дело... – тихо сказал кто-то, но все услышали эти слова.

Не было команды. Проводив глазами носилки, гвардейцы Брюнеро перелезли через мешки, скатились по насыпи на мостовую и, ни на минуту не задерживаясь, не оглядываясь, побежали вперед, выставив шаспо. Никто не стрелял. Артур бежал вместе со всеми, раскрыв рот, не слыша своего крика, все быстрее и быстрее, земля гудела под ударами ног, от ярости ломило руки. Скорее воткнуть этот болтающийся перед глазами штык. Они искали тех, кто убил Домбровского, и версальцам некуда было спрятаться. На головы «мясников» летели из окон цветочные горшки, бутылки, посуда, камни. Облупленные стены домов, ухабистая мостовая, щербатые тротуары, покосившиеся фонари, заклеенные вощеной бумагой окна – все голодное, нищее предместье, вздымая костлявые кулаки, гналось за ними, крича:

– Вот они!

Артур пришел в себя уже в отряде Пассдуэ. Он сидел на ступеньках какого-то подъезда, бессмысленно бормоча:

– Вот и все... Вот и все...

Закостенелыми пальцами он продолжал сжимать шаспо. Повсюду – на груди, рукавах, на брюках и, наверное, на лице – были пятна чужой запекшейся крови.

Утром пришел Руляк и сказал, что Домбровский скончался в госпитале Лярибуазье.

Батарея Народной гвардии на Вандомской площади.

Батарея Коммуны на баррикадах у ворот Майо.

Клятва

Передавали, что Домбровский умер со словами:

– Неужели меня могли считать изменником?

Мысль об этом мучила его до последней минуты. Словно в ответ на этот упрек, коммунары, чья память своего генерала, превратили похороны Домбровского в народную демонстрацию верности Коммуне.

По приказу Вермореля Артур Демэ и Руляк должны были оповестить коммунаров о митинге на площади Бастилии. Переходя от баррикады к баррикаде, они вдруг напали на «след хорька», как выразился Руляк. Защитники баррикад встречали их криками ужаса и гнева:

– Домбровский сбежал! Он изменил! Он продал Париж версальцам!

Они отвечали только:

– Приходите на площадь Бастилии. Сегодня в восемь часов похороны гражданина

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Домбровского, убитого версальцами!

И спешили дальше.

Они нагнали провокатора на баррикаде улицы Тарани. Он стоял, плотно окруженный коммунарами, и рассказывал об измене Домбровского: «Этот паршивый поляк, оказывается, сбежал, продавшись версальцам. Это он за пятьсот тысяч франков открыл городские ворота и впустил версальцев в Париж».

Лица коммунаров темнели, наливаясь кровью. Преисполненные отчаяния от поражения, люди стали легковверными и повсюду готовы были видеть измену.

– Домбровский! – закричал хмельным от злобы голосом какой-то старик, поднимая над головой шаспо и бросая его об мостовую. – А я ему верил как родному.

И тогда, расталкивая толпу, внутрь круга, где стоял гибкий, мускулистый человек со шрамом на шее, одетый в затрепанную слишком тесную синюю блузу, пробились Артур Демэ и Руляк.

Задыхаясь от бега, они сказали то же, что говорили на всех баррикадах, где успел побывать провокатор:

– Граждане, через два часа на площади Бастилии похороны гражданина Домбровского, убитого версальцами на баррикаде у Северной железной дороги...

– Домбровский убит? – растерянно переспросил старик в разом наступившей тишине. Он смотрел по сторонам на лица соседей, желая убедиться, не ослышался ли. Толпа заворочалась и сдвинулась плотнее. Старик медленно наклонился, поднял шаспо и спросил: – Что же ты молчишь?

Человек в синей блузе поспешно огрызнулся:

– А кто их знает – может, они врут? Я рассказываю то, что слышал в ратуше.

Руляк схватил его за грудь.

– Ты меня узнаешь?

...При обыске у него нашли револьвер, нож и под блузой в потайном карманчике голубого левантинового жилета документ, удостоверяющий, что Макс Вессэ уполномочен версальским правительством вести переговоры с генералом Домбровским.

Шаг у Вессэ был крупный, и он мог идти за Артуром совершенно не торопясь, сохраняя вид ленивого гуляки.

Бесполезно было отречься от документа – рыжий парень признал в нем человека, покушавшегося на Домбровского в штабе, и Артур Демэ тоже узнал его, парижского апаша Макса Вессэ, по кличке Тигр, завсегдатая кабачка «Ню-ню» на улице Эстам. Но Вессэ успокаивал себя: месяц тому назад коммунары поймали Ланье, когда он подсчитывал орудия на редутах Пуан-де-Жура. Его арестовали и приговорили к пяти годам. Через день он сбежал. Лапорт готовился открыть ворота Дофина версальцам. Его накрыли с поличным, а через два дня он благополучно улизнул. А Лагро? А Бофон? Да мало ли агентов попадалось за эти недели, и ни один из них не был расстрелян. Мысль о смерти не приходила в голову Максу Вессэ.

– Стой.

Вессэ вздрогнул, нахмурился. Они остановились посередине Нового моста. Сжав кулаки в карманах, Вессэ прислонился к перилам и незаметно исподлобья оглянулся. Вдоль пустынных набережных Сены горели дома. Дым смыкался над рекой, и вода не отражала небо. Река была загадочно черной, ее поверхность изредка подергивалась пунцовой рябью отблесков огня.

Коммунары, конвоировавшие Макса Вессэ от баррикады, сняли с плеч ружья и замкнули его в полукруг.

– Гражданин Вессэ, признаешь ли ты себя виновным в попытке подкупить генерала Домбровского? – спросил Артур.

– Меня послали, – не торопясь ответил Вессэ.

– Признаешь ли ты себя виновным в покушении на жизнь генерала Домбровского?

Вессэ пожал плечами.

– Признаешь ли ты себя виновным в умышленной клевете на генерала Домбровского?

– Разве я один? Все говорят...

– Твое последнее слово.

«Разговорчиков захотели», – презрительно подумал Вессэ.

Он расправил плечи, самодовольно ощутив свое большое крепкое тело. А руки, смиренно лежащие на перилах, – сколько страшных приемов они знают!

Всем своим нутром профессионального бандита он презирал сейчас этих мастеровых с бледными, рано увядшими лицами, тощих, в неуклюжих одеждах. Еще мальчишкой он убедился, что их кошельки всегда пусты, и с тех пор не считал их за людей. И теперь эти голодранцы думают, что поймали его, Макса Вессэ, Тигра, который одурачивал лучших агентов парижской полиции!

И он начинает рассказывать о том, что у него были личные счёты с Домбровским и что он, Макс Вессэ, как патриот, не мог видеть, как поляк, паршивый поляк измывается над французами, командует, гонит их на смерть. Он, кстати, вспомнил несколько фраз Пикара:

– Домбровский осквернял великие слова «нация», «патриотизм», и я был готов на все, чтобы убрать его! Вы не имеете права со мной ничего сделать, – убежденно закончил он. – Я требую суда!

– Мы тебе сейчас устроим суд, – сказал Артур и обратился к своим спутникам: – Граждане, пусть каждый ответит так, как подсказывает ему совесть коммунара, – что сделать с этим человеком?

– Чего он твердит: поляк, поляк! Да будь Домбровский хоть китаец, хоть негр, нам наплевать: Домбровский наш, вот что главное! – сказал стоявший рядом с Артуром старик с баррикады улицы Тарани. – Убить Домбровского не смог, так стал народ мутить. В воду его с камнем на шею.

– Ты кто?

– Я Август Пино, ткач фабрики гобеленов.

– Следующий.

– Я бронзовщик из квартала Вожирар – Жак Марли. Требую расстрелять этого шпиона. Он говорит, что Домбровский его враг, а у нас с Домбровским нет разных врагов.

– Я маляр. Меня звать Майер. Граждане предыдущие ораторы правы. Довольно Коммуне церемониться с предателями!

И даже теперь Макс Вессэ не думал о смерти. Весь вопрос в том, как он спасется. Руки его легли на перила. Прыжок, и он в воде. Но это был риск, а у него имелось в запасе еще безошибочное средство. И потом он надеялся на Артура Демэ: журналист не допустит расстрела – ведь Коммуна отменила смертную казнь.

– Я Луи Рульяк. Работал мебельщиком в мастерской Кодэ. Граждане, я был ординарцем Домбровского. Мы поймали эту гадину в штабе, когда он покушался на Домбровского. – Голос его сорвался, он махнул рукой.

– Да что там говорить! – воскликнул маляр.

– Я Артур Демэ, журналист. Я француз, мы все здесь по национальности французы. Нас хотели на этом купить. Нет. Поздно. Мы уже поняли, что людей разделяют не пограничные столбы, а баррикады. Я требую расстрела.

Но Вессэ все еще не верил.

– Я все расскажу... я был обманут. Они меня заставили. – Слова у него насканивали одно на другое, он боялся, чтобы его не прервали. – Неужели вы убьете француза из-за какого-то поляка? Будьте великодушны! Коммуна отменила смертную казнь!

– Коммуна ошибалась, – сказал маляр.

– Она была слишком великодушна, – сказал Артур.

Вессэ пытался выпрямиться, но отвратительная слабость свела ему мышцы. «Надо было прыгать в воду», – вяло подумал он. Он ошибся, надеясь на их милосердие. Они стали не теми, что были неделю тому назад. «Тьер тоже ошибся...» – И это было его последней мыслью.

...Сойдя с моста, Артур и Луи Рувьяк распрощались со своими спутниками и, не оглядываясь, быстро пошли к площади Бастилии.

Встав в конец длинной очереди, они медленно приближались к Июльской колонне. Оркестр играл траурные марши. Ночное небо розовело от далеких и близких пожаров. Холодный ветер высоко вверх взметал ливни искр, освещая верхушку Июльской колонны с летящим Гением Свободы. У подножия, на гранитной плите стояли носилки с телом Ярослава Домбровского. Шинель покрывала его грудь, в ногах лежали сабля и кепи.

Склонив обнаженные головы, шли мимо, вглядываясь в его лицо, замедляя шаг и долго оборачиваясь назад, гарибальдийцы, и красные рубахи их вздувались пузырями от порывов ветра; шли старики в синих блузах – мастера из Бельвилля и Монмартра; прислал своих бойцов Интернациональный батальон Коммуны; темнокожие мулаты, сенегальцы, какой-то алжирец в неведомом ритуале горестно вздымал кверху светлые ладони, за ними шли маленькие бледные остролицые подростки от батальона «Питомцы Коммуны», – всегда насмешливые, веселые даже под пулями, они были непривычно серьезны; отворачиваясь в сторону, шли женщины-маркитантки, санитарки, у каждой висело шаспо на плече, – они протяжно всхлипывали, отходя в темноту, шли члены мэрии в разорванных грязных сюртуках, опустив поседевшие головы. Покачиваясь, проходили широкоплечие моряки уже потопленных канонерок Коммуны. Они вспоминали, как по приказу Домбровского забирались далеко вверх по Сене, в самую гущу неприятельских лагерей, и обстреливали колонны версальцев. Шли артиллеристы с отчаянных батарей Ванва: они неделями не покидали своих постов. Когда Домбровский приезжал к ним, они не просили у него ни смены, ни подкрепления – только пороха и снарядов. Шли командиры батальонов – ученики и помощники Домбровского. Коптящие языки факелов выхватывали из тьмы небритые щеки, заскорузлую от крови перевязку, блестящие глаза с воспаленными веками.

Здесь не было Врублевского и никого из его отрядов, сражавшихся сейчас на Бютт-о-Кай. Никого с левого берега Сены, от отрядов Варлена, и Эда, и Лиссбона. Линия фронта уже прорезала Париж почти надвое. А из соседних улиц все бежали и бежали коммунары, сжимая в руках горячие ружья; отряды дальних кварталов присылали делегатов, чтобы проститься со своим генералом.

Народ хорошо узнал его за два месяца Коммуны. О храбрости его ходили легенды, его редкие шутки передавались из уст в уста. С Домбровским они дрались у Нейи и брали Бэконский замок. Сотни людей он знал по имени, и они помнили пожатие его узкой и твердой руки. Неподвижно лежала она сейчас на синем сукне шинели, опаленная, измазанная маслом и порохом.

Артур наклонился над телом Домбровского, поцеловал его высокий лоб. Белая холодная кожа слабо пахла порохом и дымом. Артур хотел в последний раз всмотреться в его лицо. Ветер тихонько трепал светлые пряди волос Домбровского. Артуру казалось, что вот-вот приподнимутся веки и прямо на него глянут, чуть усмехаясь, ясные голубые глаза. Но по-прежнему неподвижно лежали тени ресниц. Артур отошел, натягивая на голову кепи, не слыша, как трещит и рвется подкладка.

Верморель поднялся на пьедестал. Он сказал всего несколько слов, ибо снаряды падали все ближе и баррикады ждали своих защитников, среди которых не было

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
больше Ярослава Домбровского.

– Генерал Домбровский пал на баррикаде улицы Мирра, убитый версальцами. Шпионы сеяли среди коммунаров слухи о его измене. Некоторые подозрительно относились к Домбровскому, потому что он был иностранцем. Но солдаты всегда верили ему, а солдаты никогда не ошибаются в своих чувствах. Мы с гордостью заявляем всему миру: да, нами командовал Ярослав Домбровский, талантливейший генерал и великий революционер польского народа! Его жизнь и смерть чисты и прекрасны. Кто слаб сердцем, кого точит сомнение, страх, пусть вспомнит человека, который не знал ни страха, ни позора отступления. Он был факелом, героем Всемирной республики! Прощай, наш друг! Не считай, что ты умер на чужбине. Спасибо тебе, гражданин Домбровский. Спасибо тебе, польский народ, за такого сына.

Близкие и далекие разрывы снарядов беспорядочно вставляли точки в речь Вермореля. Нервная спазма перехватила ему горло, он остановился, но тысячи глаз, устремленных на него со всех концов площади, вернули ему силу.

– Домбровский боролся и пал за наше дело, как за свое, так неужели мы, парижане, сдадимся? – проникновенно спросил Верморель.

– Нет! – всплесками прокатился крик.

– Пусть не панику сеют бомбы версальцев, пусть они сильнее разжигают наше мужество и гнев. Нет с нами живого Домбровского, но с нами его ненависть, его вера! Теперь мы твердо знаем, что пролетарии всех стран до конца вместе. Поклянемся же над его телом, что мы уйдем отсюда только затем, чтобы победить или умереть.

– Клянемся! – крикнула площадь, заглушая грохот канонады, потрясая поднятыми вверх огнями факелов, ружьями, фуражками, кулаками.

И они сдержали свою клятву.

Баррикада, возведенная на улице Мира со стороны Плас Опера.

Группа коммунаров у поверженной Вандомской колонны.

Победа побежденных

После жестоких боев версальцы захватили ратушу. Управление Коммуны эвакуировалось в восточные предместья, в мэрию XI округа.

В библиотечном зале мэрии Делеклюз собрал членов Коммуны и высших командиров. Он молча следил, как они входили, стряхивая песок и грязь с мундиров, и рассказывались за длинным столом – спокойные, сосредоточенные. Вдоль стен, в маленьких нишах и на высоких стеклянных шкафах, стояли мраморные бюсты великих французов. Делеклюз подумал, что старый Вольтер, и Дидро, и неистовый Марат, и неунывающий Беранже, и Расин могут гордиться его товарищами.

Секретарь Коммуны Арно отмечал в списках отсутствующих.

– Ранвье?

– Он на Бют-Шамоне устанавливает артиллерию.

– Риго?

– Убит у Пантеона, – сказал Варлен. – Я только что оттуда.

Голова его была перевязана. Из-под потемневшего от копоти и крови бинта возбужденно блестели глаза.

– Пиа?

Молчание.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Сбежал, – раздался наконец чей-то презрительный голос.

– Франкель?

– Он отправился кажется к Врублевскому, – ответил кто-то.

Арно не расслышал. Пальба с кладбища Пер-Лашез заглушала все звуки.

– Закройте, пожалуйста, окна, – попросил Арно.

Трудно было удивить хладнокровием собравшихся здесь людей. Поведение Арно, привычно склонившегося над бумагами, не удивляло, а создавало обстановку спокойной серьезной работы. Коммуна жила, несмотря ни на что. Это собралась не измученная, отчаявшаяся горсточка храбрецов-фанатиков, это заседала Коммуна Парижа.

Когда Делеклюз заговорил, все затаили дыхание – настолько тих был его слабый старческий голос. Некоторые слова можно было угадать только по движению губ. Но там, где отказывал слух, помогало сердце. Они понимали каждое слово Делеклюза. Он сказал, что еще не все погибло. Еще можно держаться.

Пафос его был старомоден. Так держались ораторы Конвента. Казалось, он явился оттуда, из времен Великой французской революции.

Глаза его горели, он протянул дрожащую руку, как бы поддерживая надежды, энергию и веру сидящих перед ним людей. Они встали и зааплодировали великолепному примеру долга и мужества. Надежды не было, но чувства долга и ненависти возродили в их усталых сердцах энергию.

Варлен ушел на самый тяжелый участок – площадь Шато д'О.

Верморель верхом на лошади уехал отыскивать подкрепления. В эти часы его можно было видеть повсюду: он появлялся на баррикадах, среди артиллеристов, в госпиталях. Он шутил, подбадривал, помогал. От знойного солнца некуда было скрыться, лошадь его вспотела, бока ее запали, а Верморель был свеж, весел, и те, кто пожимал его руку, чувствовали какую-то бодрящую прохладу.

Под вечер в мэрию неожиданно приехал посланник Соединенных Штатов Уошберн. Несмотря на жару, он был затянут в парадный дипломатический мундир, на груди блестели ордена, в руках треугольная шляпа с плюмажем и лентами. Невозмутимый Антуан Арно принял его так, как будто прием послов был для секретаря коммуны обычным делом. Уошберн от имени прусского командования предложил выступить посредником между коммунарами и версальцами. Условия он обещал следующие: военные действия приостанавливаются; версальские войска оставляют Париж; Национальная гвардия продолжает охранять город; в течение определенного срока происходит переизбрание Коммуны и Национального собрания.

Предложение американца было неправдоподобно заманчивым. Для умирающей Коммуны эти условия были спасительными.

Арно хотел немедленно разыскать Делеклюза и доложить ему обо всем, но Уошберн сказал, что он приедет за ответом завтра. Пусть Коммуна как следует обсудит этот вопрос.

Он поспешно распрощался и уехал.

Делеклюзу не понравилось вмешательство американца. Что побудило его проявить такую заботу о Коммуне? Откуда возникло это торопливое благородство?

Арно высказал догадку: может, быть, американцы хотят приостановить пожары, боясь, как бы не пострадали их дома?

– Но почему же тогда Уошберн поспешил удалиться? – недоумевал Делеклюз. – В самом деле, если он желает остановить кровопролитие, если он хочет спасти имущество американцев, зачем же ему оттягивать на сутки перемирие? Нет, здесь что-то не то, не говоря уже о подозрительно выгодных условиях.

Принимая доклады, организовывая подкрепления, подписывая приказы, отвечая

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
десяткам людей, толпившимся в его кабинете, старый революционер не переставал думать о странном посещении Уошберна.

Ночь не принесла пролады. Казалось, воздух был раскален пожарами и яростью сражения. На южном берегу Сены Врублевский отбил одну за другой четыре атаки версальцев и, перейдя в контрнаступление, отбросил противника за реку Бьевр. На севере всю ночь при свете факелов коммунары укрепляли подступы к рабочим районам.

Артиллерийская пальба не прекращалась. Артур и Руляк находились на площади Бастилии. Врублевский послал их сюда для связи с отрядом Нерваль, и они помогали таскать камни, устанавливать орудия, готовиться к завтрашнему бою.

Улица Риволи (май 1871 года).

Под утро пошел дождь. Обессиленные, мокрые, они вместе с несколькими коммунарами забрались в разбитый мебельный магазин и с комфортом разлеглись на мягких диванах. Артур заснул, прижимая к себе ружье, но вскоре кто-то сильно потряс его за плечо. С трудом разняв веки, он увидел над собою Луи. Артуру показалось, что его рыжие волосы окружал солнечный нимб, маленькие уши просвечивали на солнце нежно-розово, как лепестки. Артур улыбнулся этому неуместному сравнению и вскочил. Было уже утро, ясное, солнечное. Версальцы начали наступление.

В разгаре боя среди защитников площади распространился слух о перемирии. Передавали подробности о переговорах с пруссаками, о визите Уошберна. Некоторые утверждали, что версальцы уже подписали условия, другие сомневались.

Командир отряда Нерваль ничего толком не мог ответить. Он видел только одно: настроение людей резко изменилось. Мысль о перемирии все сильнее овладевала измученными гвардейцами.

– Какого черта мы тут деремся, если они договорились? – сказал сосед Артура. – Все равно по условиям – Париж наш!

– А если это враки? – спросил Артур.

– Во всяком случае, наверное, с пруссаками договорились. Они нас примут.

Слухи становились все упорнее. Связой из штаба подтверждал, что он собственными глазами видел в мэрии XI округа американского посланника. «Длинный такой, как бильярдный кий, – рассказывал он, – губы тонкие, вроде вермишели...»

– Убирайся к дьяволу со своей вермишелью! – заорал на него Нерваль. – Все это провокация, граждане!

Тяжелый снаряд ударил в середину баррикады. Камни взметнулись высоко вверх вместе с землей и песком и с грохотом посыпались на площадь. Артур вскочил, отряхиваясь. Нерваль отозвал его в сторону.

– Беги на площадь Шато д'О. Там Варлен. Узнай, правда ли, что болтают, или нет.

На площади Варлена не было. Артур бросился вперед по бульвару Сен-Мартен, где шел бой. Разбитая артиллерией баррикада на перекрестке была покинута, но версальцы топтались где-то впереди, сдерживаемые ружейным огнем. Артур ничего не понимал. Кто стреляет? Откуда? Он пригнулся за развороченным валом бульжников, озираясь по сторонам. Из ворот его позвал слабый голос. Там лежал раненный в ногу гвардеец. Он сказал, что коммунары засели на верхнем этаже дома. Артур поднял его и, поддерживая, помог взобраться по лестнице. Двери квартир были заперты. На верхнем этаже Артур, невольно улыбаясь, дернул ручку звонка. Тоненько, совсем по-мирному звякнул колокольчик. Дверь открыл Варлен.

– Вам кого? – они расхохотались. Даже раненый гвардеец смеялся.

– Мы заметили тебя сверху, – сказал Варлен Артуру.

В комнатах висел синий пороховой дым. Известка хрустела под ногами. У окон стояли коммунары. Они стреляли вниз. Отсюда открывался вид на ворота Сен-Дени и

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru на пересекающую бульвар улицу Фобург. Дом превратился в крепость. В перегородках были пробиты дыры. Двигаясь от окна к окну, гвардейцы переходили из одной квартиры в другую и стреляли.

– Неплохо? Этому меня научил Домбровский.

О перемирии Варлен ничего не знал.

– Одно из двух: или все это ложь, или подлая провокация, – сказал он. Влажные глаза его сузились. – Я вчера видел Рида. Он встретил утром Уошберна со свитой. У них зашел разговор об «ужасах кровопролития», и знаешь, как выразился Уошберн? Он сказал: «Все, кто принадлежит к Коммуне, и те, кто сочувствует ей, будут расстреляны». Подожди, ты не горячись. Так вот. Перед Ридом ему стесняться нечего, и, выходит, если Уошберн приехал в Совет Коммуны, то с единственной целью заманить нас в ловушку. Ты отправляйся к Делеклюзу. Предупреди его. Я не могу сейчас отлучиться. Останови их любой ценой.

К Варлену подошел лейтенант.

– Версальцы обходят дом слева, – сказал он, козырнув черной рукой.

Артур сбегал вниз по лестнице. Он хорошо знал этот район. Не выходя на улицу, дворами, через сарайчики, заборы, помойные ямы, он перебрался к Старым докам и, миновав баррикады у казармы Дуан, направился к мэрии.

Молва о переговорах, о том, что пруссаки берут под свою защиту коммунаров, как круги на воде, расходилась во все стороны от мэрии XI округа. Эти слухи разъедали волю гвардейцев. Чем ближе Артур подходил к мэрии, тем печальней становилась картина. Группы раненых тянулись к восточным фортам, надеясь на нейтралитет пруссаков. Вместо того чтобы укреплять баррикады, командиры ждали приказа о перемирии.

А в это время Совет Коммуны заслушивал сообщение Арно о посредничестве Уошберна. Мнения разделились. Делекюз и Верморель призывали к осторожности. Не имея доказательств, они руководствовались только чутьем революционеров. Тейс, Арно и еще несколько человек поддерживали их. Однако все остальные считали, что Коммуна ничем не рискует. Перед ними возникла надежда, и они тянулись к ней, думая не о себе, а только о защитниках Коммуны. Кто-то предложил допустить на заседание американца. Уошберн подтвердил вчерашнее предложение. По мере того как он говорил, лица людей прояснялись. Коммуну можно спасти! Коммуна будет жить!

Американец говорил с достоинством, чуть излишне размахивая сухими палками рук. Его глаза, тонкий длинный нос, извилистые губы все время вели между собою какую-то непонятную игру: когда глаза усмехались, крылья ноздрей вздрагивали, принюхиваясь, а губы обтягивали сильную челюсть. Он возбуждал у Делекюза инстинктивное опасение.

– Откуда такая участливость к Коммуне, господин посланник? – вырвалось у Делекюза.

– Моя страна всегда была человеколюбивой. Демократизм Штатов известен всему миру, – отвечал Уошберн. – Я понимаю ваши опасения, господин Делекюз. Но ведь Домбровский, например, был тоже иностранец?

– Домбровский не был иностранцем, – строго сказал Делекюз. – Домбровский был коммунаром.

Быстрая, как взмах ресниц, усмешка скользнула по лицу американца. Он обернулся к членам коммуны, как бы говоря: «Стоит ли обижаться на этого вздорного старика? В конце концов все зависит от вас. Я, простой малый, пришел сам, без всяких хитростей, не считаясь ни с чем, потому что хочу вам помочь, неужели вы оттолкнете мою честную руку?»

– Коммуне стоит только послать своих комиссаров в Венсен, чтобы установить условия перемирия и убедиться в моей правоте, – сказал он. – Я сам пойду с ними.

«Вот видите, разве можно после этого сомневаться в моем благородстве?» – говорило его лицо.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Коммуна уполномочила вести переговоры Делеклюза, Вермореля и Вайляна. Они сами настояли на своих кандидатурах, исполненные смутной тревоги, пренебрегая опасностью западни.

Солнце сожгло все тени. Делеклюз задыхался. Верморель бережно поддерживал его под руку. На перекинутых через плечо алых шарфах членов Коммуны горели под солнцем золотые кисти. Встречные гвардейцы застывали в молчаливом приветствии, провожая суровую процессию взглядами, согретыми надеждой.

Ближе к Венсену воздух стал чище. Дым пожаров не доходил сюда. За городской стеной перед ними открылось небо, чистое и огромное, радостно голубое, какое бывает только ранним летом.

«Как может небо оставаться таким безмятежно голубым?» – думал Верморель. Он был полон скрытой раздражительности и ненавидел сейчас ленивое спокойствие природы.

– Эта красота подступает к сердцу как предательство, – сказал он Делеклюзу. Делеклюз закашлялся, вытер кровь на губах.

– А все же приятно защищать такую славную землю, – заметил он. – Нигде ты не увидишь таких дубов, как у нас, в Венсенском лесу.

Они глянули в сторону зеленого высокого леса, и Верморелю стало спокойно и грустно.

Уошберн, шедший впереди, обернулся.

– Вас ждут как раз в Венсенском лесу, господа, – сказал он, непонятно смеясь.

Артур пришел в мэрию слишком поздно: делегация ушла. Антуан Арно помог ему собрать свободных гвардейцев, отдохавших во дворе мэрии. Сбросив пропотевший сюртук, Артур побежал вместе с ними по направлению к Венсену.

Дьявольский замысел Уошберна был ясен – сперва ослабить волю защитников Коммуны, посеять слухи, парализовать оборону и, наконец, выдать в руки пруссаков делегацию Коммуны. Артур не сомневался теперь, что пруссаки, версальцы и Уошберн действуют заодно. Только бы успеть!

У него не хватало сил. Беготня в течение целого дня истомила его. Ноги были тяжелыми. Артур с трудом отрывал их от земли. Кто-то из федератов взял у него ружье. Это Руляк. Откуда он появился? Луи что-то рассказывал про Врублевского. С тысячью бойцов Врублевский до полудня выдерживал натиск трех дивизий. Версальцы стали обходить с юга. Тогда он принял решение отойти на правый берег Сены. Под прикрытием батарей Аустерлицкого моста, Врублевский в полном порядке перешел Сену, взяв с собою всю артиллерию, чтобы сражаться на кладбище Пер-Лашез.

Но Артуру не до рассказов Руляка. Он чувствует, что сейчас упадет. Задыхаясь, он переходит на шаг и посылает Луи вперед. Сквозь его хриплое свистящее дыхание Луи успевает понять одно: надо любым способом задержать Делеклюза и остальных делегатов.

Гвардейцы нагнали делегацию у ворот форта. Полицейский комиссар задержал членов Коммуны, требуя пропуск: вся эта история с переговорами казалась ему подозрительной. Он не знал никого из делегатов в лицо, и ни красные шарфы, ни удостоверения не могли убедить его. Он категорически отказался спустить подъемный мост. Вайлян пошел за пропусками.

Как раз в это время подоспел Руляк. Он еще издали махал руками и кричал:

– Стойте, стойте!

Делеклюз с трудом разобрался в его сбивчивом, взволнованном рассказе. Гвардейцы обступили членов Коммуны, уговаривая их вернуться. Делеклюз колебался. Он считал своим долгом выполнить приказ Совета Коммуны.

Уошберн нервно потребовал: или они сейчас же войдут в форт, или он уезжает.

Среди шума и препирательств никто не заметил, как Артур Демэ отозвал Делеклюза и что-то тихо сказал ему. Легкий румянец проступил на щеках Делеклюза. Молодым твердым шагом он подошел вплотную к Уошберну. Внимательная тишина окружила их.

Делеклюз выпрямился. Это уже не был дряхлый, больной старик. Он стоял, подняв седую голову, воплощая собой Коммуну, пусть умирающую, обессиленную, но как никогда исполненную достоинства и веры в свою правоту.

Не позор разоблаченного предательства, не опасение за свою жизнь испытывал в эти минуты Уошберн, он понял вдруг, что можно обмануть этих людей, засыпать их землей, залить кровью мостовые Парижа. Слабость Коммуны в ее благородстве, но в этом же и ее сила.

Это была победа побежденных и поражение победителей.

– Ступайте, господин Уошберн. Уходите, – сказал Делеклюз американцу. – Нет, не по земле Коммуны! Идите к пруссакам..

Вайлян протянул Уошберну пропуск. Поскрипывая, опускался подъемный мост. Все следили, как Уошберн вступил на дощатый настил и пошел, втянув голову в плечи, спина его в голубом мундире сгибалась, и петушиный плюмаж треуголки мелко вздрагивал над ней.

Верморель вытащил из-за пояса пистолет, с сожалением подкинул его на ладони. Луи Рульяк вдруг сунул два черных пальца в рот и пронзительно свистнул. Все рассмеялись, даже Делеклюз не мог удержаться от улыбки.

Несмотря на меры, принятые Советом Коммуны, число людей, обманутых провокацией американского посланника, возрастало. Поверив в нейтралитет пруссаков, сотни раненых коммунаров переходили линию фронта. Выстроившиеся на валу немецкие солдаты пропускали их через ворота и затем расстреливали в спину.

Силы Коммуны таяли, героизм ее защитников возрастал. Баррикады держались до последнего человека. Сражения прекращались только тогда, когда все погибали. Вскоре версальцы заняли площадь Бастилии. Раненая Дмитриева принесла в мэрию тяжело раненного франкеля.

На площади Шато д'О завывала буря снарядов. Артур и Рульяк лежали, укрываясь за разбитым мраморным львом фонтана. Они стреляли, экономя каждый патрон. Вдруг Рульяк встал во весь рост и обнажил голову. Позади них на скрещенных ружьях Тейс и Жаклар пронесли хрипящего от боли Вермореля. Рульяк ничего не сказал Артуру, снова молча лег и зарядил шаспо.

Через час пришла весть о гибели Делеклюза: он сам пошел навстречу смерти, поднявшись на камни баррикады бульвара Вольтера. Багряное вечернее солнце светило ему в глаза. Сквозь едкое тление гари пробивались свежие запахи изрытой горячей земли. Невидимые пули, свистя, расчерчивали воздух вокруг головы Делеклюза. Без разочарования и отчаяний уходил он от жизни. Он умирал вместе с Коммуной.

Медленно спустился он на мостовую, сделал несколько шагов, всматриваясь в версальцев. Неужели всегда будут побеждать они? Неужели они будущее Франции? Он уже не увидит красного знамени над Парижем. Но это будет! Не может быть, чтобы защитники Коммуны все погибли зря. Он верил в то, что они зачем-то нужны будущему.

Пуля пробила ему грудь. Делеклюз позволил себе эту награду – умереть на баррикаде, последнюю награду трудной жизни революционера.

Кто-то сказал Артуру: «Теперь умирают не просто революционеры, а гаснут светочи. Каждый революционер – это, по меньшей мере, лучезарный светоч революции, который больше не согреет человечество своим светом, не осветит дороги будущего».

Рульяк, услышав эти слова, с сомнением покачал головой.

Десятки кварталов Парижа были объаты пожарами. Весь левый берег Сены, начиная от

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
дворца Почетного Легиона до дворца Юстиции и полицейской префектуры, пылал.

Ночью, когда Артур Демэ и Луи Рульяк пробирались к Врублевскому, на пустынных улицах было светло и жарко, как в солнечный день. Пламя, гудя, перекидывалось от дома к дому, искры обжигали им лицо и руки. Ничего не замечая, они бежали, подбадривая друг друга. Они должны были сдержать клятву, данную у тела Ярослава Домбровского в час его похорон, на площади Бастилии.

Народ Парижа приготовился к обороне.

Коммунары на баррикадах на улице Бельвиль.

Прощание

Смерть Ярослава сблизила Демэ, Рульяка и генерала Коммуны Валерия Врублевского. Они были разные люди, но после того как Врублевский распустил свой последний отряд, они остались втроем. Перед рассветом, благополучно выбравшись из мраморного лабиринта могильных склепов Монмартрского кладбища, они наткнулись на заброшенную землянку на одном из пустырей окраины Ла-Вилет. Луи Рульяк, хорошо знавший окрестности, отправился на розыски какой-либо штатской одежды для себя и Врублевского.

В прохладном полумраке землянки мирно пахло плесенью деревенского погреба. Врублевский и Артур Демэ, присев на узкие нары, одинаково подпирая головы руками, закрыли глаза и сразу погрузились в полузабытье, теряя всякое представление о времени. От переутомления и непрерывных боев последней недели все тело болело, каждое движение становилось мучительным, но напряженное возбуждение, в котором они жили, не исчезало и гнало сон. Они еще переживали вчерашний бой, как раненый продолжает чувствовать пальцы на отрезанной руке.

Сквозь щели дощатой двери вместе с узкими лучами солнца пробивался глухой шум затихающего боя. Это сражалась Коммуна на последних своих баррикадах. С роспуском отряда Врублевского всякое организованное сопротивление Коммуны было сломлено. Через шесть городских ворот непрерывно входили в город полки версальцев. Трескотня ружейной перестрелки и басовые залпы расстрелов. Воды Сены побурели от крови сброшенных в реку трупов.

И все же не верилось, они не могли, избегали думать о том, что Коммуна погибла. За эти семьдесят дней своего существования Коммуна настолько стала единственным смыслом их жизни, что теперь невозможно было поверить в ее гибель, так же как невозможно представить себя мертвыми.

«Рыбы, выброшенные на берег, – с профессиональной привычкой подбирал сравнения Артур Демэ, – пчелы возле своего горящего улья...»

Снаружи послышались шаги. Врублевский открыл глаза, вынул пистолет. Щелкнул взведенный курок. Дверь распахнулась от удара ногой. На пол шлепнулось, поднимая тучу пыли, разноцветное тряпье, и на фоне солнечного прямоугольника дверей показалась блестящая от пота, довольная физиономия Луи Рульяка. Отдышавшись, он рассказал, как под носом у рыскающих повсюду разъездов версальцев и немецких патрулей собирал на свалке старую одежду.

Врублевский осторожно спустил курок, сунул пистолет в кобур и, закинув свои мускулистые руки к затылку, потянулся, шумно зевнул. «Придется переждать здесь до сумерек».

Артур не пошевелинулся. Не обратив внимания на приход Рульяка, он сидел все в той же позе, закрыв лицо руками, и только когда Врублевский начал разбирать принесенную одежду, Артур брезгливо сморщился от запаха тлена, наполнившего землянку.

Если бы в таком безразличном состоянии находился Врублевский, Луи Рульяк принял бы это как должное. Врублевский по-прежнему оставался в его глазах командующим армией, слишком великим для того, чтобы оценивать действия простого солдата. Но равнодушные Артура Демэ глубоко уязвило Рульяка: за несколько дней он успел подружиться с веселым журналистом.

Заметив детскую обиду Рульяка и угрюмое молчание Демэ, желая сам отвлечься хоть чем-нибудь от томительных мыслей, Врублевский с азартом взялся переодевать Луи. И уже через несколько минут, не выдержав, Рульяк усмехался, подмигивая Врублевскому.

Вскоре Луи Рульяк был переодет: прожженные в коленях брюки и синий бархатный жилет увенчались накинутой на плечи драной ливреей, расшитой серебряными позументами, с позеленелыми медными пуговицами. Пестрый, как павлин, он вертелся, оглядывая себя со всех сторон. Вид у него был нелепый, однако выбрать что-нибудь получше из принесенных лохмотьев было невозможно.

– Немного морщит в талии, – придиричиво кряхтел Врублевский и вдруг начинал хохотать.

Гораздо труднее оказалось одеть Врублевского. Все, что только удавалось натянуть на его атлетическую фигуру, при первом же движении лопалось по всем швам. Громадный, полуобнаженный, со спутанной бородой, он, словно Зевс, метал громы и молнии на чахлах, узкогрудых, низкорослых парижан, бывших владельцев выброшенного платья. Наконец удалось подобрать просторные холщовые шаровары, радужные от бесчисленного количества пятен всевозможных цветов.

Луи с галантностью приказчика обошел вокруг Врублевского, как бы примериваясь, и, вздыхая, извлек откуда-то черный плащ необъятных размеров.

Врублевский запахнулся в плащ и с недоумением посмотрел на Рульяка, который сиял от восторга. Ничего не понимая, Врублевский стал осматривать себя. Вдруг он представил свою исполинскую фигуру, закутанную в дырявый плащ, лицо с заросшими щеками и захохотал.

Никто не смог бы узнать в этом диком отшельнике генерала Коммуны Валерия Врублевского.

Со стороны могло показаться, что Луи Рульяку и Врублевскому очень весело. На самом деле они как могли защищались от молчания Артура, оно укором оставалось меж ними, неотвязно напоминая о том страшном и непоправимом, что свершилось. Стоило только отдаться мыслям, и горе придавило бы их к земле, отняло последние силы, лишило воли. И так они держались с великим трудом. Шутки Врублевского получались все более вымученными и невеселыми, а смех Луи Рульяка звучал неестественно громко. Сидя на корточках, он очищал карманы своего мундира. Один за другим летели в фуражку немудреные предметы солдатского обихода: металлические пуговицы, ружейная отвертка, моток шпагата, зажигательное стекло, перочинный ножик с костяными накладками и множеством лезвий – подарок Кодэ. Рульяку попалась аккуратно сложенная записка со следами многих пальцев, он развернул ее, и улыбка его пропала, пухлые губы сжались. Молча он протянул листок Врублевскому.

– «Генералы и офицеры армии Коммуны», – медленно, дрогнувшим голосом прочел Врублевский. Как знаком ему этот почерк! Искаженные буквы шатались, падали, опять поднимались и шли, цеплялись одна за другую, слово за словом. Домбровский писал это в госпитале Лярибуазье за час до смерти, приходя в сознание на несколько минут и снова впадая в забытье.

– «...Боевые порядки стройте с круговой обороной. Огонь вести из окон. В домах все входы баррикадировать. При артобстреле уходить на верхние этажи, но здания не оставлять, огонь не прекращать. Во что бы то ни стало держаться за угловые дома и выходящие на площади. Тыла у нас нет. Немцы пропускают версальцев через свою линию. Главное – вернуть Монмартрские высоты. Монмартр – это пушки против ружья...

Госпиталь Лярибуазье. Генерал Коммуны Домбровский».

Артур вдруг, очнувшись, вскочил, потрясая кулаками.

– Зачем мы здесь? – закричал он голосом, звенящим от гнева и слез. – Зачем мы прячемся? Разве кто-нибудь из нас ранен, умирает? Нет, мы здоровы. Умирает Коммуна, а мы бежим. Вы слышали приказ Домбровского? Почему мы не исполняем его? Что случилось? Ах, это вы, генерал Врублевский? Кто разрешил вам снять мундир? Бросили товарищей – мертвых, живых... Бежали. Париж бросили, Париж...

Подхлестываемые отчаянием слова, обгоняя друг друга, сбились в комок, застряли в горле. Артур задышался, широко открыв невидящие глаза. Его жизнь принадлежала Парижу, Париж воспитал его, заменив отца, мать, семью. Он обожал свой город, каждый перекресток, сад, подворотню, он любил каждый камень его. Заросший пруд Люксембургского сквера был для Артура дороже всех красот Венеции. И Париж платил ему такой же признательной любовью – рабочих кварталов Монмартра, Бельвилля, Батиньоля. А теперь, когда пьяные, озверелые версальцы метались по улицам и площадям города, сжигая дома, расстреливая женщин, детей, когда кованые сапоги наемников стучат по камням, мокрым от крови Домбровского, Делеклюза, – он покинул свой Париж.

– Зачем жить? Чтобы видеть торжество победителей? Коммуна погибла, пережить ее – значит отречься от нее.

С какой болью Демэ впервые произнес безысходные для каждого из них слова: «Коммуна погибла».

– Пойдемте туда! Скорее, пока они еще держатся. Вы слышите? Это стреляют последние... Они там, у каменоломен... Скорее! Мы успеем еще умереть как коммунары, а не как труссы.

Артур схватил Врублевского за рукав, но тот стоял незыблемо, широко расставив ноги, по-бычьи наклонив вперед голову. На его багровой шее вздулись мускулы.

Артур метнулся к Рульяку.

– Луи, почему ты молчишь? Луи, опомнись, ведь мы с тобой парижане! Домбровский был поляк и не ушел, а мы спасаем шкуры. Где она, твоя клятва на площади Бастилии?

– Втроем не навоюешь... – мучительно вздохнул Рульяк, яростно скребя свои рыжие волосы.

Артур отшатнулся пораженный.

– Предатели! – сказал он с горечью. – Вы – предатели. Если бы Домбровский был жив, он расстрелял бы вас. А я так верил вам! – Он повернулся к Врублевскому. – Измена, слышите вы оба, – измена! Вы хотите долго прожить...

Он взял прислоненное к стене шаспо и, смеясь, направился к выходу.

– Назад! – сказал Врублевский. Артур, не оглядываясь, начал подниматься по ступенькам. Тогда Врублевский схватил его и бросил на нары. Артур, как кошка, перевернулся, вскочил на ноги. Подбородок его дрожал, зубы стучали.

– Мальчишка, – сказал Врублевский. Артур вдруг согнулся и лег, уткнув мокрое лицо в солому. Плечи его судорожно вздрагивали.

...Обрывками, сквозь вязкий кошмар его разгоряченного сознания стал доходить ровный, сдержанный бас Врублевского. Еще не постигая смысла слов, Артур погружался в эти спокойные звуки, ощущая их охлаждающую бодрость.

Имя Домбровского окончательно вытолкнуло его наверх из этого бредового состояния.

– ...Они остались, прикрывая наш отход. Мы можем оправдать их смерть только своей жизнью, а не самоубийством. Жизнь твоя, Артур, принадлежит не Парижу, а родине. Это больше и труднее. Родина не нуждается в самоубийцах, как бы красиво они ни умирали. Ей нужны освободители и защитники. Ей нужны такие люди, которые вынесут всю тяжесть подполья, нищету и унижение эмиграции, смогут убежать, скрыться и снова вернуться. Домбровский бежал из ссылки, хотя восстание наше в Польше было разгромлено. Ты знаешь об этом, Артур?

– Знаю.

– Он не искал смерти, он говорил мне в те годы, что для революционера самое страшное не поражение, а невозможность продолжать борьбу. Неужели они победили

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru нас и тут?! – спросил Врублевский. Он поднял Артура, посадил рядом с собой, другой рукой привлек к себе Рульяка. – Неужели вы сломлены? Так легко сдается тот, кто слаб или неправ. Коммуна удаляется не в прошлое, а в будущее. Умирать – это не выход. Это не занятие для солдата. Нельзя будет во Франции – будем бороться в Англии, в России и всюду – за новую Коммуну. За вашу и нашу свободу, как говорили русские друзья. Сегодня мы оказались слабее и отступаем. Конечно, отступить труднее, чем погибнуть, но только тот побеждает, кто умеет отступать и потом опять драться.

Цыплята. Они были слишком молоды. Он старался скрыть свою жалость к ним, ею не поможешь. Единственное, в чем они нуждались, это вера. Он, как мог, отстаивал их смятенные души. Каждому из них предстоял трудный путь, и они могли выдержать его только полные веры.

– Вы не знаете, за что же теперь бороться, но ведь борьба уже началась, – говорил Врублевский, – мы боремся с сознанием побежденных.

Один на чужбине, преследуемый врагами, ненавидимый своими соотечественниками-эмигрантами, потеряв друзей на баррикадах Парижа, в жалком рубище, без денег, не зная за последний месяц ни сна, ни отдыха, Врублевский олицетворял для них несгибаемое упорство настоящего воина революции. Откуда черпали силу все они – Домбровский и Делеклюз, Врублевский и Варлен?

Во имя чего они пренебрегали обычными радостями жизни? Что питало их мужество в самые черные дни? Когда-нибудь и Артур Демэ станет таким, ибо Коммуна зажгла свое пламя в нем, и ветер борьбы будет раздувать этот огонь до последнего часа его жизни. В ней отныне будет только одна цель – свобода, человек должен быть свободен.

Когда стемнело, они выкопали штыками в полу землянки неглубокую яму. Встав на колени, Рульяк вздыхая опустил на дно свою закопченную солдатскую рубаху, шаровары с лампасами, поверх них положил расшитый золотыми галунами мундир генерала Коммуны, по бокам заботливо обернутые в тряпки два шаспо и пистолет – все их оружие. Фуражку и кепи он положил в головах. Прежде чем засыпать все это землей, они постояли несколько минут молча, склонив головы, словно перед свежей могилой. Здесь хоронили они последнее, что их связывало с Коммуной. Они не утешали друг друга, отдаваясь уже ничем не сдерживаемой печали.

Наступила минута прощания. Они так боялись ее. Пока они были вместе, существовал еще последний островок коммуны. Теперь они расходились в разные стороны. Артур Демэ уходил на юг – в Париже его слишком хорошо знали. Луи Рульяк возвращался в Париж. Он считал, что в Бельвилле его не выдадут. Врублевский заставил его очистить руки от следов пороха. Смущенный и растроганный вниманием друзей, Рульяк никак не мог настроиться на тот беззаботный тон, который, как казалось ему, избавил бы их от всякой тревоги за его судьбу.

– Значит, ты остаешься, – с какой-то тайной мыслью повторил Врублевский и вздохнул.

Поняв этот вздох и тайную мысль, они увидели Домбровского таким, каким он сохранялся в памяти у каждого: Рульяк вспомнил полутемный зал замка Ла-Мюэт и испытующе голубые глаза из-под припухших воспаленных век. Демэ – окутанную дымом улицу Мирра, торжествующее лицо над грохочущей митральезой, а Валерий Врублевский – размытую дождем дорогу вдоль берега Вислы и рядом Ярослава. Уже забылось, куда и зачем они шли десять лет тому назад осенним холодным днем, – оба молодые, полные надежд и играющей силы. Ветер трепал распахнутый офицерский ментик Ярослава, ворошил соломенные волосы на непокрытой голове, и он прозрачным голосом читал:

Мой кубок, наполненный ядом, теперь опрокинут,
И гневом палящим полно мое горькое слово:
В нем слезы Отчизны кровавым потоком нахлынут –
И пусть прожигают... не вас, но лишь ваши оковы.
– Когда-нибудь, – сказал Врублевский, – когда-нибудь мы перевезем тело Домбровского в Варшаву и положим в родную землю, в нашем Пантеоне, рядом с Костюшко и Мицкевичем. А пока, Луи, не позволяйте надругаться над его могилой и не дайте зарости ей забвением, потому что... – он запнулся, упрямо нахмурился, –

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru потому что все это произойдет, может быть, не очень скоро, но произойдет. И еще потому, что его могила – памятник дружбы наших народов.

Руляк и Артур стояли. «Им кажется все это излишним. Может быть, действительно моя мечта смешна и несбыточна», – досадливо подумал Врублевский.

Руляк медленно стащил шапку с рыжих кудлатых волос и поклонился.

– Благодарю вас, – сказал он.

Пальцы его стиснули тулью фуражки. Привыкнув к тяжести шаспо, они не находили себе места. Что бы ни делали отныне эти руки, им уже не забыть воинственного холодка ствола и свирепой мягкости пороха.

«Где он, прежний трусоватый малый, этот парижский подмастерье, себе на уме, лишь бы заработать?» – удивленно спрашивал себя Артур, не зная, что и на его когда-то бездумно-веселом лице уже пролегли злые морщины.

«Дуб сломан, но желуди уже созрели», – подумал Врублевский.

– Пора, – сказал он; они поочередно обнялись и расцеловались.

Прохладный вечерний ветер мягко подталкивал в спину, принося с собой горький запах гари. На повороте дороги Артур остановился. Оранжевые цветы догорающих пожаров увядали, лепестки огня сворачивались и гасли, в небе трепетали еще алые отсветы, но они уже не могли разогнать сгущающейся тьмы.

Артур безотчетно нагнулся, поднял комок придорожной земли, сжал ладонь так, что пыль заструилась между пальцами. Впервые в жизни он покидал родину. Родину тяжело покидать, но во сто крат тяжелее покидать ее в дни несчастья. Где бы он ни был, пока он не вернется сюда, в памяти его постоянно будет эта ночь, пропитанная горьким до слез запахом дыма, и чуть слышные залпы расстрелов, и смутно белеющая дорога.

Неясный шум доносился из Парижа, в нем нельзя было различить ни оружейной канонады, ни пронзительных всплесков уличных сражений, он стлался, как надсадный хрип умирающего. И вот тогда, покрывая все звуки, из ночи докатился бас Врублевского:

– Эй вы! Коммуна погибла. Как бы не так! Да здравствует Коммуна!

Артур поглядел в ту сторону и, набрав воздуха, крикнул что было сил:

– Да здравствует Коммуна!

И уже совсем издали ветер принес голос Луи Руляка:

– Да здравствует Коммуна!
Ярослав Домбровский.

Примечания

1 Шаспо – система ружья во время франко-прусской войны 1870–1871 годов.

2 «Мясники» – прозвище версальских солдат.

3 Кордерри – улица в Париже, где помещалась французская секция I Интернационала.

4 Мазас – тюрьма в Париже.

5 Константин Крупский – отец Надежды Константиновны Крупской.

6 Наши форты нам служат соборами.
Колоколами служат пушки,
Святой водой – пули,
Молитвой – песни.

7 Мак-Магон – маршал, командующий версальской армией.

Генерал Коммуны. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
8 Зразы, фляки – польские национальные кушанья.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!